

СТАНИСЛАВ РЕМ

ЗА ТИХОЙ И
ТЕМНОЙ
РЕКОЙ

Станислав Рем

За тихой и темной рекой

«Автор»

2017

Рем С.

За тихой и темной рекой / С. Рем — «Автор», 2017

ISBN 978-5-4444-0852-0

Лето 1900 года. В сопредельном Китае вспыхивает восстание ихэтуаней, больше известное как «боксерское». Их отряды начинают беспокоить дальневосточные границы Российской империи. В пограничный Благовещенск-на-Амуре прибывает командированный из Петербурга с инспекцией советник Олег Владимирович Белый. Чиновник представляется руководству области инспектором от Министерства внутренних дел. Однако истинной причиной появления советника – точнее, сотрудника Российского Генерального штаба – на «задворках Российской империи» является утечка секретной информации в Японию о состоянии воинских подразделений в Благовещенске и области. Имея в запасе всего несколько суток, Белый вынужден заниматься не только поиском «информатора», но и оказывать посильную помощь местной власти в связи с явной угрозой нападения на город вооруженных китайских формирований...

ISBN 978-5-4444-0852-0

© Рем С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Картина первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	25
Глава четвёртая	36
Глава пятая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Станислав Рем

За тихой и тёмной рекой

Картина первая

«...чрезвычайно интересный край, жизнь здесь кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют»

А. П. Чехов о Благовещенске-на-Амуре, 1890 год.

Глава первая

*"В прохладе, – Делия сказала, – здесь
По воле случая мы все сошлись.
Начнем забаву новую, и рать
Пусть каждый двинет, чтоб игру начать!"*

(Уильям Джонс, «Каисса», 1763)

Последним прибывший в город пароход покинул молодой человек лет тридцати, довольно приятной наружности, с манерным обхождением. Данный факт старший надзиратель Василий Григорьевич Самойлов отметил моментально. Светловолосый мужчина помог молодой особе спуститься на пристань, при этом, слегка придерживая её под локоток, затем опустил на деревянный помост багаж той же самой особы, и, приподняв в знак признательности за её доверчивость модное клетчатое кепи, покинул даму. Намётанный глаз Самойлова профессионально обратил внимание на лёгкое движение правой руки франта, как полицейский тут же окрестил прибывшего джентльмена, несколько раз, якобы случайно, коснувшегося сумочки доверчивой дамы. «Наверняка что-то вытянул.» – Василий Григорьевич бросил цепким взглядом по сторонам, нет ли у прибывшего молодчика сотоварищей, и, визуальнo убедившись, что тот один, последовал за любопытной личностью к речному вокзалу. Окинув быстрым взором подответственную территорию и заметив младшего надзирателя Штеменко, Самойлов пальцем поманил того к себе.

Круглый, невысокого росточка, подчинённый подкатился к своему прямому начальству.

– Вот что, Штеменко, – Самойлов говорил тихо, чтобы приезжий, остановившийся в нескольких шагах от них, ничего не услышал. – Старуху, что сошла с парохода, видишь?

– Так точно!

– Догони и так аккуратнo попроси, чтобы она посмотрела, не пропало ли чего из её ридикуля.

– Откуда чего не пропало? – Штеменко имел всего три класса церковно-приходской школы в далёком украинском селе, и потому некоторых благородных слов попросту не знал.

– Из сумки её... – вспыхнул Василий Григорьевич, впрочем, внешне это заметно не было.

– А, понял.

– И мухой ко мне, как только посмотрит.

Молодой человек между тем поставил на деревянный настил объёмистый саквояж, стянул с себя пиджак, из кармана коего предусмотрительно вытянул носовой платок, провёл им по вспотевшему лбу и окинул взглядом развернувшуюся перед ним местность.

– М-да, – несколько мрачно промышчал приезжий и тяжело вздохнул. – Вот мы и у цели!

– Простите. – прокашлялся подошедший в качестве первого лица на пристани Самойлов. – Из прибывших будете?

– Совершенно верно. – кивнул молодой человек и снова мрачно посмотрел на здание в ложно-готическом стиле с башенками, под ярко – красной крышей которого выделялась чёрными буквами надпись: БЛАГОВЕЩЕНСКЪ. Приезжий, как его окрестил Самойлов, франт, снова провёл платком по лбу и повернулся в сторону стража порядка. – На бумаги желаете взглянуть?

Самойлов хмыкнул. А молодчик – то, похоже, с наглечой.

– Желательно бы.

Молодой человек тут же вытянул из кармана брюк помятые бумаженции и сунул их в руки полицейского чина. Тот скептически принялся их перебирать.

– Могли бы документы и в более приличественном виде содержать.

– Попутешествуйте десять суток, да по такой жаре, вы не то что о документах, о себе самом заботиться перестанете.

– Оно и видно. – пробормотал надзиратель и принялся изучать бумаги.

– Скажите, любезный, – гость, несмотря на усталость, оказался весьма любопытным человеком, чем мешал Самойлову внимательно вчитываться в документы. – А сколько душ проживает в вашем городишке?

Василий Григорьевич медленно разворачивал бумаги, а их молодой человек сунул ему в руки с десятков, и каждую из них внимательно просматривал, медленно читая вполголоса:

– Паспорт уроженца Астраханской губернии Белого Олега Владимировича. Одна тысяча восемьсот шестьдесят пятого года рождения от Р.Х.

– Рождества Христова. – с иронией в голосе, перевёл молодой человек и провёл языком по пересохшим губам. – Так сколько у вас населения?

– А вам к чему сие знать? – Самойлов продолжал медленно рассматривать каждую бумажку, делая вид, будто грамоте его обучали с трудом, да и то из-под палки.

– Интересно.

Надзиратель снова уткнулся в бумаги.

– Много вас тут любопытных. Где на данный момент проживаете?

– На данный момент я имею счастье стоять пред аркой вашего захолустного городишки и ждать, когда вы вернёте мне документы.

Самойлов бросил косой взгляд на собеседника. Нет, ферт явно не из уголовников, пришёл к новой мысли надзиратель. Слишком спокоен и нагл. Карманники, те подобострастия обучены. Им льстить по должности положено. А сей господин ведёт себя так, будто для него закон не писан. Толстые пальцы Самойлова, между тем, продолжали перебирать листы со следами потёртости в местах сгиба. Господи, сколько же их у него... И паспорт, и санитарный табель, и письмо от какого-то М. Лузгина, и... А это ещё что такое?

У полицейского глаза на лоб полезли. Последним документом оказалось уведомление о том, что податель сего документа, господин Белый Олег Владимирович является не кем иным, как штатным сотрудником канцелярии Санкт-Петербургского охранного отделения и, по личному поручению генерала Оскольского, направляется в Амурскую область с инспекционной проверкой. Надзиратель ещё более вспотел, отчего широкое лицо Самойлова налилось кровью, и трижды, не доверяя глазам своим, перечитал послание из стольного града Петербурга. По четвёртому, закрепляющему прочтению правая рука полицейского сама собой потянулась к козырьку фуражки:

– Приношу извинения, ваше бродь!

Олег Владимирович сунул бумаги обратно во внутренний карман гражданского кителя и потянулся за саквояжем.

– И всё-таки, сколько в вашем городишке аборигенов проживает?

– Обижаете, ваше благородие. – Самойлов хотел, было, предложить услуги в переноске вещей приезжего, оказать посильную помощь, но после таких слов передумал. Пусть сам тащит, решил в душе надзиратель. Тоже мне, нашёл аборигенов. Однако, оставлять вопрос без ответа не решился. – По последней переписи – тысяча сорок.

В голосе Василия Григорьевича невольно прозвучала гордость. Впрочем, на господина Белого она не произвела никакого впечатления. Молодой человек, услышав её, вновь тяжело вздохнул:

– Сорок тысяч... И это называется губернским городом?..

В этот момент младший надзиратель Штеменко, появившийся Бог весть откуда, подбежал к Самойлову и заорал, словно ему только что доложили, будто Василий Григорьевич неожиданно оглох:

– Всё в порядке, смею доложить! Ничего не пропало!

– Пошёл вон! – прошипел Василий Григорьевич, и, так, чтобы не заметил приезжий, повернувшись слегка боком, показал подчинённому кулак. Тот, вмиг осознав свою оплошность, тут же исчез в толпе.

– Господи, боже мой! – между тем продолжал мыслить вслух гость Благовещенска. – Трамвая, естественно, в вашем захолустье нет?

– Простите, чего у нас нет? – Самойлов решил, что ослышался. Нет, естественно, Василий Григорьевич знал о том, что в мире существуют трамваи. Но, таким видом транспорта могли похвастать только столичные города. Даже в Хабаровске, центре Дальневосточного края и то не имелось ничего подобного.

Представитель столичной канцелярии, между тем, продолжал экзекуцию.

– А гостиница, или хоть какой-никакой постоялый двор в вашем захолустье имеется?

– Обижаете. – Самойлов незаметно расстегнул верхнюю пуговицу мундира и тут же застегнул её обратно, вмиг сообразив, что приезжему может не понравиться его внешний вид. Принесла же нелёгкая на его голову этого... – Гостиница «Манжини», к примеру, имеется. Очень солидное заведение. Рекомендую. Принадлежит французу, Луи Манжини. У Анисима Егоровича Лукьянова неплохое заведение. Пользуется большой популярностью. Опять же, «Кувшиновское подворье», Кондрашовская...

Столичный гость тяжело вздохнул.

– Достаточно. И в какой из них нет клопов?

– Да что ж вы такое говорите! Какие клопы! У нас с этим даже очень...

Господин приезжий как-то странно кинул взглядом, глазами бутылочного цвета, в голубые зрачки Самойлова и тот понял: далее врать не следует. Несколько раз надзиратель для проформы хлопнул пышными ресницами, явно понимая, что более выгораживать владельцев гостиниц смысла нет, и произнёс:

– Поезжайте в «Мичуринскую». По крайней мере, там ресторация неплохая.

Человек из столицы и Василий Григорьевич перешли через площадь на проезжую часть улицы. Людской гомон, лошадиное ржание, топот копыт по пыльной земле, запах свежего навоза, крики торговки – всё это разом обрушилось на приезжего.

– Это у вас что, всегда так? – прокричал он в сторону полицейского.

– Нет – замотал тот в ответ головой. – Раз в неделю. Когда пароход... А так тихо, спокойно.

Олег Владимирович приподнял голову и посмотрел вверх. Над городом висела странная завеса.

– Что это? Дым? – поинтересовался столичный житель.

– Нет. – Самойлов рискнул достать платок, который тут же стыдливо скомкал в кулак и быстро спрятал в кармане кителя, так и не решившись вытереть вспотевшую шею. – То, прошу прощения, пыль. У нас всегда так, по лету, когда жара стоит. А дождик пройдёт, и – красота.

Сразу свежо. И чисто. Главное, чтобы ливня не было. Тогда все дороги развезёт.... ни одна повозка и версты не проедет.

Господин Белый что-то пробормотал себе под нос и принялся проталкиваться сквозь ряд торговцев к тоскующим в тени тополей пролёткам. Самойлов, следуя за господином из столицы, и наблюдая за его действиями, с трудом себя сдерживал. Можно, конечно, было предупредить столичного гостя о том, что в такие дни извозчики дерут с приезжих три шкуры за поездку в любую сторону города, да махнул рукой: а чем, собственно, тот лучше других? Надо же, как он выразился, аборигенам хоть как-то выживать.

Белый, наконец, выбрал себе повозку, устроился на скамье, позади извозчика, кинул вещи в ноги, и повернулся в сторону полицейского.

– Будьте любезны, когда станете докладывать своему начальству о моём приезде, передайте, что я прибуду к ним с визитом не раньше семи вечера. Мне нужно себя после дороги в порядок привести.

«Ишь ты, какой приткий!» – чуть, было, не сорвалось с языка Самойлова, но тот во время захлопнул рот.

Белый усмехнулся. Он прекрасно понимал состояние надзирателя, а потому ему ещё более хотелось того принизить. Но подобного Олег Владимирович себе позволить не мог. А вдруг сей статный мужик в форме ему в дальнейшем сможет оказать услугу? Кто ж его знает, как оно далее повернётся? А потому, портить отношения со средним полицейским звеном в первый же день приезда никак не стоило. Олег Владимирович кивком головы откланялся представителю власти и тронул извозчика за плечо. Поводья легонько коснулись крупы лошади, и старые дрожки медленно покатали по пыльной улице.

Самойлов проводил взглядом удаляющуюся пролетку, после чего бросился со всех ног к зданию вокзала.

Телефон, к которому устремился надзиратель, находился в так называемом узле связи, где были установлены телефонный и телеграфный аппараты. – в обиталище телеграфиста Комарова, мужика тощего, и противного.

– Комаров, – слова с трудом вырывались из грудной клетки надзирателя. – Срочно! Телефон! Срочно! Соедини меня с управой! Мухой!

– Мухой никак не можем-с. – телеграфист с достоинством поправил пенсне, и продолжил. – Телефон есть изобретение...

Перед вышеуказанным пенсне вознёсся волосатый кулак Самойлова:

– Мухой, я сказал!

Громогласный рёв и недвусмысленный жест полицейского произвели на Комарова магическое действие.

– С кем соединить, Василий Григорьевич? – елеинный голосок телеграфиста взлетел до небывалой возвышенности и подобоострастности.

– С самим...

– Понял! Сей момент! Не извольте беспокоиться! Сей момент!

Пока Комаров накручивал ручку телефонного аппарата, висящего на стене, Самойлов скинул фуражку, схватил кружку, и, сорвав с ведра крышку, черпанул холодной, колодезной воды. Кадык дёрнулся после большого глотка и тяжело заходил на тщательно выбритой шее надзирателя.

На том конце провода, в двухэтажном доме на пересечении улиц Иркутской и Благовещенской, подняли трубку практически сразу, будто ожидали вызова.

– Ваше превосходительство! Господин полковник! – Василий Григорьевич всегда называл своё руководство только воинским званием, нежели «вашим высокоблагородием». Как считал Самойлов, тому так было более приятно. – К нам в город пожаловала неординарная, я бы даже так сказал, неоднозначная личность!

Владимир Сергеевич Киселёв, губернский полицмейстер, человек в возрасте и приличном достатке, невольно отдернул руку, держащую трубку, от уха. Самойлов буквально кричал в мембрану, будто Киселёв находился не на другом конце города, а на другом краю света.

Надзиратель же, пытаясь как можно быстрее и подробнее рассказать о случившемся, говорил, скомкано, сбивчиво, и, отчего-то, истерично. Владимиру Сергеевичу понадобилось несколько минут, чтобы понять, что же, в конце концов, произошло.

– В какую, говоришь, гостиницу твой приезжий направился? – полковник тут же понял, что ему следует сделать в первую очередь. – В «Мичуринскую»? И будет у меня к семи? Вот что, Самойлов, поставь вместо себя замену, а сам ко мне, со всеми своими подозрениями.

Как только трубка опустилась на рычаг телефона, Владимир Сергеевич вызвал к себе помощника, Алексея Никодимовича Лубнёва, личность, по мнению полицмейстера, мелкую, глупую и бездарную. И хотел бы с ним расстаться, да все же – близкий родственник первого городского банкира.

– Вот что, Алексей Никодимыч, – проговорил Владимир Сергеевич, одновременно положив перед собой лист бумаги и взяв ручку. – Свяжи-ка ты меня посредством телеграфного аппарата со столицей. А то давненько что-то с берегов Невы не было сообщений. И отправь сию депешу...

С последними словами Киселёв макнул перо в чернильницу и чётким, красивым почерком стремительно вывел на белоснежном листе бумаги: «Прошу подтвердить личность господина Белого О.В., прибывшего с инспекционной проверкой в Благовещенск. Полицмейстер Амурской области и города Благовещенска, Его императорского Величества, ...» и передал текст в руки помощника.

На узле же связи Самойлов, пока Лубнёв со всех ног нёсся к почтово – телеграфной конторе, опустившись на крашеный табурет, расстегнул мундир и влил в себя третью кружку воды.

– Собачья, признаюсь тебе, Комаров, у меня должность, – взгляд надзирателя остановился на настенных часах – «кукушке», и зафиксировал время: 10.32 утра. – Принимать новых гостей. Теперь вот к начальству вызывают. На самый верх!

– К начальству оно, конечно, да... – невзрачно выдавил из себя Комаров и с трудом сдержал зевоту. – А гости... Так что же в этом плохого, Василий Григорьевич? – скучно поинтересовался телеграфист. Честно признаться, сейчас ему совсем не хотелось общаться с полицейским. Жара. Духота. Противный липкий пот. Но терять доверие старшего надзирателя, чина в полицейском департаменте небольшого, но, в данное время, подчинённого лично губернскому полицмейстеру, в связи с болезнью частного пристава Глушкова, всё-таки желания не было. А потому Комаров продолжил – Новые люди, новые впечатления. Ведь это хорошо.

– Тебе, может, и хорошо, а вот мне, в мои сорок два, совсем иначе. – металлическая кружка с тупым стуком опустилась на стол. Самойлов снова взглянул на часы и провёл рукой по почти лысому черепу. – И всё-таки, брат Комаров, несмотря на показанную бумагу, не нравится мне наш новый гость.

– И чем он вам не приглянулся? – Чёртова жара... Поскорей бы она закончилась... Или бы уже Самойлов ушёл... Ещё с каким-то приезжим к нему прицепился!

– А вот тем и не понравился, – задумчиво протянул надзиратель. – Руки у него больно шаловливые. Я, Комаров, на своём веку много всякого люду повидал. Особенно с темным прошлым. Так вот, ручонки у нашего гостя как раз из той оперы.

– Так что ж вы сразу не сказали об этом господину полицмейстеру? – Комаров распахнул ворот кителя и принялся обмахивать тонкую шею простеньким китайским бумажным веером, привезённым зимой с другого берега Амура. – Не пришлось бы являться пред их светлы очи.

– Сказать-то оно было бы и можно. Да сомнение взяло. А вдруг ошибаюсь? – Самойлов резво поднялся на ноги. – Вдруг он так – таки и есть тот, за кого себя выдаёт, только провоци-

рует нас? Сейчас ведь сам чёрт не разберёт, кто есть кто. Тут, брат Комаров, главное впросак не попасть. Иначе беда. Ладно, пойду, до Мордюкова, прикажу, чтобы подменил. Вот ведь, приехала холера, на мою голову.

Надзиратель тяжело вздохнул и направил свои стопы к пролётке со спящим на козлах мужиком.

Олег Владимирович Белый, откинувшись на нагретое кожаное сиденье пролётки, лениво осматривался по сторонам. Собственно, именно таким он себе Благовещенск и представлял. Маленький, невзрачный, низкорослый. И пыльный. Очень пыльный. Пыль не просто висела над городом. Она лезла в нос, в рот, в уши, за ворот сорочки, от чего казалось, будто пыль – это самое главное, что имелось в этом захолустном городке.

Благовещенск не мог похвастать своими размерами. Основанный полвека назад как пограничный пост в излучине двух рек, Зеи и Амура, он, неожиданно, из военного гарнизона превратился в мирное поселение. А потому, теперь уездный, областной центр нёс в себе две функции: охранную, и статскую. Что, впрочем, для российской империи было не внове. Дома, которые оставались позади пролётки по обеим сторонам довольно широкой, шире Невского проспекта раза в два, улицы, были деревянными, выстроенными из крупных, прочных брёвен, по большей высотой не ниже пяти аршин, крепкие, основательные, рассчитанные на сильные, жестокие морозы. Белый присмотрелся повнимательней, и отметил любопытный факт. Среди довольно простых бревенчатых строений, стоящих стройным рядом вдоль дороги, иногда встречались в некоторой степени, экзотические постройки, с претензией на изыск, выполненные местными умельцами: с причудливыми прорезными наличниками и карнизами. И второй факт поразил молодого человека. Многие дома имели дикую, зелёную раскраску, из чего Олег Владимирович с улыбкой сделал для себя вывод: либо в город никакой иной краски, кроме зелёной, никогда не завозили, либо местные жители имеют страсть к маскировке. Вдоль улицы, с обеих сторон, тянулись деревянные тротуары, по которым, не спеша прохаживалась редкая, местная публика.

Олег Владимирович тронул извозчика за руку:

– Скажи, любезный, а почему у вас дорожки не из камня выложены, а деревянные? Они же быстро гниют.

– Так, ваше благородие, – тут же отозвался мужик. – откуда в наших краях взять камень? Вот в Зейской волости, там имеется. Но, так это ведь, считай, вёрст пятьсот будет. Кто ж повезёт отсель камень для этих самых дорожек? Для домов возят. – извозчик оказался разговорчивым, что импонировало Белому. – Взять, к примеру, купца первой гильдии Мичурина....

– Это того, в честь которого гостиница названа? – перебил старика вопросом Олег Владимирович.

– Не названа, а его собственность, – с уважением произнёс дед. И продолжил мысль. – Так вот. Кирилла Игнатьевич, тот постоянно возит камень с Зейской волости. Дома строит. Вот недавно двухэтажную бакалею соорудил. Красоты неопишуемой, – извозчик повернулся в сторону собеседника. – Я как ту домину увидел, дар речи потерял. Белоснежная хоромина, со статуями мужиков да баб по углам. Да чудных – спаси бог... У нас все от мала до велика ходили смотреть на сие безобразие.

– На какое безобразие? – специально переспросил Олег Владимирович, сделав вид, будто не понял, что имел в виду старик.

– Так, на статуи.

– Мужиков, или баб?

– То есть... – теперь не понял старик. – Баб, конечно. Мужиков, то что на них смотреть? Там и так всё понятно.

Молодой человек погасил улыбку:

– Это хорошо, что понятно. – Однако, вслух произнёс следующее. – А кто у вас в городе более всех авторитетом пользуется?

– Чем? – пришла очередь удивиться старику.

– Я имею в виду, кто заправляет? Ну, губернатор, понятно. А ещё кто?

Мужик почесал лоб.

– Так, опять же, купец первой гильдии Мичурин. И ещё... – мужик принялся перечислять по памяти. – Купцы Бубновы. Лаптев. Но те не то. Или вот. Купец первой гильдии Миняев. Фрол Степанович. Однако, – старик выдержал паузу, – Кирилле Игнатьевичу они разом взятые и в подмётки не годятся.

– Это почему?

– Жаден больно наш Кирилла Игнатьевич. До денег у него прямо страсть. За рупь удвится. А за сто и родину продаст.

– Так, капиталы из того рубля и создаются, – заметил гость уездного городка.

– Так-то оно так, да больно он чересчур жаден. – снова тряхнул головой извозчик и замолчал.

Повозка медленно везла Олега Владимировича по прямой, как стрела, улице, в центр города. По обеим сторонам дороги теперь начали появляться и двухэтажные строения, сделанные из обработанного бруса, в крест, что и являлось, как определил Белый, жильём для местного зажиточного населения. Вдоль дороги возвышались низкорослые, но с широкой, пушистой кроной, деревья. Олег Владимирович присмотрелся повнимательнее. На тонких веточках чернели небольшие, похожие на чернику, ягоды.

– Черемуха, что ли?

Извозчик проследил за жестом руки молодого человека и ответил:

– Черёмуха. Этого добра у нас хватает, – и добавил: – Очень вкусные пироги из неё делают. Если купите, не пожалеете.

Вскоре вид Благовещенска несколько изменился. Как понял Олег Владимирович, они проехали рабочую слободку, ту часть города, где проживал простой люд, и пересекли невидимую черту, после которой землю города принялся осваивать народ денежный, состоятельный. Дома пошли в основном каменные, двухэтажные, с претензией на столичный вид. Что несколько развеселило господина Белого.

Неожиданно, из переулка, мимо которого в тот момент проезжала повозка Белого, вывернули чёрные, лакированные дрожки. На кожаном сиденье стремительно несущегося экипажа расположилась красивая юная особа, раскинувшая руки, словно крылья, и с тем очарованием во всём внешнем виде, которое может подарить только молодость. Девушка стрельнула в молодого человека дерзким взглядом, и тут же отвернулась. Извозчик Олега Владимировича слегка матюгнулся, одновременно натянув поводья, и привстал с козел. Картуз с головы извозчика стремительно слетел, когда он попытался произвести неумелый поклон проезжавшей пролётке.

– Ты это чего, старик? – Белый бросил ещё один пристальный взгляд на черноволосую красотку, которую пара гнедых красавцев – коней стремительно уносила по Большой, и тронул извозчика за руку. – Кто это?

– Так то госпожа Мичурина. Дочка хозяина той самой гостиницы, куда мы едем.

– И что?

– Первая красавица города! – уважительно и одновременно несколько плотоядно проговорил извозчик.

Белый посмотрел на удаляющиеся дрожки, усмехнулся и откинулся на спинку повозки.

– Видимо, ваш городок совсем запаршивел, если сия леди считается первой красавицей.

Извозчик тяжело вздохнул: ох уж эти молодые, да бестолковые! Мичурины – не просто фамилия, а фамилия с гербом. Породниться с ними считается за честь. Да и дочка Мичурина не за любого выйдет. Были уже претенденты... Эх, молодёжь...

Старик хотел, было, промолчать, да не сдержался:

– Не знаю, барин, Полина Кирилловна ледя, или нет, но красавица она писаная. Сами в скором времени убедитесь.

– В чём?

Извозчик бросил хитрым взглядом через плечо, и хмыкнул. Эх, молодёжь...

Глава вторая

*Начнем забаву новую, и рать
Пусть каждый двинет, чтоб игру начать!
Порядок Дафнис объяснит: закон
Игры для всех и действия сторон.*

(Уильям Джонс, «Каисса», 1763)

Владимир Сергеевич Киселёв прошёл в библиотеку военного губернатора. Здесь он бывал и ранее, однако скорее по делам служебным, нежели личным. Убийства в городе случались крайне редко, да и то, по употреблению спиртного. Кражи место имели, но, опять же, раскрывались в короткие сроки. Были в городе бывшие каторжные. Вот они доставляли самую большую головную боль полицмейстеру. Именно из-за их художеств чаще всего Владимиру Сергеевичу приходилось посещать апартаменты губернатора. Дело житейское.

Сегодня же случай особый. Пока губернатор отсутствовал, Киселёв окинул взором знакомый кабинет: камин, портрет государя, на стенах акварели хозяина дома, письменный стол карельской берёзы, доставленный из самой столицы, персидский ковёр на полу, и полки с книгами. Сотни томов. Корешки плотно стоящих книг отливали золотом. Военный губернатор отличался изысканным вкусом, разбирался в изящных искусствах. Собирал не только то, что ценилось в высших петербургских кругах. А по большей части то, что любил читать сам, и предлагал другим.

Владимир Сергеевич провёл рукой по корешкам книг. Лично у губернского полицмейстера на чтение времени катастрофически не хватало. Местную прессу, в виде газеты «Амурские ведомости» он и то просматривал по служебной необходимости, потому как в редакции работали чересчур грамотные политические ссыльные. Могли всякого такого в статьи понаставлять. После расхлёбывай...

Глава Амурской губернии, Алексей Дмитриевич Баленский появился пред Киселёвым в простом костюме, с пятнышками краски на лацканах и рукавах.

Опять с мольбертом баловался, догадался Владимир Сергеевич.

Алексей Дмитриевич предложил гостю кресло, сам сел напротив, поставив на столик пузатую бутылку французского коньяка и два бокала.

Губернатор имел вид солидный и внушительный. Пятидесяти двух лет от роду, высокий, крепкого телосложения, с пышными, роскошными усами, весёлого нрава, обладающий превосходным чувством юмора, он пользовался шумным успехом у слабого пола, чем впрочем, не пользовался. По крайней мере, Владимир Сергеевич такой информацией не владел.

– С чем пожаловали? – хозяин раскрыл коробку с сигарами и предложил гостю. Владимир Сергеевич отказываться не стал.

– Из столицы к нам с инспекцией направили человека.

– Любопытно, – протянул генерал. – И что он собирается проверять?

– Пока сие мне не ведомо. Он прибудет в управу к семи часам.

Баленский разлил коньяк по бокалам. Один поставил перед гостем, а второй принял грей в руке.

– Вас что-то беспокоит?

Киселёв пожал плечами:

– Нет. Отчего ж... Однако, странно, не находите? Я занимаю пост губернского полицмейстера вот уже как двенадцать лет. За это время у нас было три проверки, и о каждой предупреждали заранее. А здесь... Прямо, как в крамольной пьеске господина Гоголя. Простите

за сравнение. То лишь различие, что сей молодой человек сам представился старшему надзирателю на пристани.

– Любопытно. – Баленский вскинул брови. – Что, прямо так подошёл и представился?

– Да в том то и дело, что нет. Самойлову показалось подозрительным его поведение. Впрочем, Самойлову часто что-нибудь кажется.

Киселёв сделал паузу. У него из головы никак не выходила беседа с надзирателем. Самойлов рьяно утверждал, будто петербургский гость не та фигура, за кого себя выдаёт. Как он тогда сказал: больно ручки у приезжего шаловливы. А у Самойлова глаз намётанный. Недаром десять лет отслужил в сыскной полиции Омска. Но кто его знает... А если проверка началась прямо у пристани?

– И чем оно ему показалось подозрительным? – голос Алексея Дмитриевича привёл Киселёва в чувство.

– Да так, мелочи, – Владимир Сергеевич решил не открываться. – Можно не обращать внимания. Документы у него в порядке. Это Самойлов отметил. Я, на всякий случай, послал депешу в столицу по поводу данной особы. Жду ответа.

– Правильно поступили, – сигарный дым лёгким ароматом поднялся над курильщиками. – С вашим молодым человеком следует пообщаться. И желательно, в неофициальной обстановке. – губернатор сделал глубокий глоток из бокала, поднёс к губам сигару. – Конечно, любая инспекция неприятна. Даже если за душой нет и малейшего грешка. То же и в нашем случае. Но, перестраховаться следует. Как думаете встречать гостя?

– Признаться, о встрече я не думал. Если ответ придёт положительный, естественно, придётся оказать гостю всяческую помощь. Пусть почувствует наше гостеприимство. А пока думаю приставить к нему наблюдение. Так, на всякий случай. Заодно мой человек выполнит и функцию охраны. Конечно, городок у нас спокойный, но и в тихом омуте черти водятся. Не дай Боже, что с инспекцией случится, вот тогда у нас начнутся большие неприятности.

– А если он заметит слежку?

– Не думаю. Молодой человек из канцелярии, с сыскной деятельностью не знаком. Больше по бумажной части. Такого мои люди смогут обвести вокруг пальца он и не заметит. Опыт, как никак, имеется.

– Может быть. Может быть, – как бы соглашаясь, проговорил губернатор. – Главное только, чтобы инспектор всяких глупостей не натворил. И никуда не лез сам. Нам только сплетен не хватало. Тем паче, в столице.

– От глупостей никто не застрахован.

– А вы постарайтесь застраховаться. Возьмите инициативу в свои руки. Ведь вы ко мне прибыли только за тем, чтобы получить одобрение на данные действия? Считайте, что получили. Просчитайте шаги столичного гостя. А лучше всего, направьте их. Подведите к нему опытного человека. В качестве помощника. Не мне вас учить, как делается в подобных случаях. И держите меня в курсе. Детально. И ещё. Приведите кое-кого к уму – разуму, хотя бы на некоторое время. То, что у нас крадут, так сказать, по мелочам, для меня не новость. Все воруют. И везде. Наш город – не исключение. А вот чтобы инспекция прошла без сучка и задоринки, и чтобы никакая, вы слышите меня, господин полковник, абсолютно никакая информация не попала в столицу, в ваших, и моих интересах. Надеюсь, вы всё поняли верно. А теперь поговорим о делах текущих...

Олег Владимирович осмотрелся. Комната, которую ему предложили в Мичуринской гостинице, оказалась вполне приличной. Чистая, опрятная. Кровать с панцирной сеткой. Недалеко от кровати небольшой комод для личных вещей постояльцев. На окнах тюль, тяжёлые гардины. Посреди комнаты круглый стол, накрытый скатертью. На столе – ваза с мелкими, местными яблоками. Рядом с ней, на круглом металлическом подносе, расположился графин с

холодной водой (бока графина запотели) и два хрустальных стакана Вокруг стола четыре стула. От общего коридора комнату отделяла небольшая прихожая, в которой с левой стороны находились вешалка и полка для обуви, а с правой, за дверью, туалет и ванная комната.

– Неплохо, – промычал господин Белый себе под нос, однако гостиничная прислуга в лице расторопного малого явно расслышала произнесённое, потому что разрисованная веснушками физиономия расплылась в довольной улыбке. Белому не понравилось поведение мальчишки и он твёрдым голосом тут же добавил. – Тараканы или клопы имеются?

Улыбка вмиг слетела с лица пацана.

– Как можно-с, – голос его слегка дрожал. – У нас приличное заведение. Не какая-то там ночлежка. Мы – гостиница с именем. Нам нельзя... У нас, знаете...

Белый сунул руку в карман и бросил слуге гривенник. Мальчишка тут же успокоился.

Олег Владимирович с тяжёлым стуком опустил саквояж на стол и повернулся к мальчику:

– Свободен. Только распорядись, чтобы мне приготовили обед.

Служка снова расцвёл. Так с ним здесь никто не разговаривал. Серьёзно и уважительно. Распорядись... Эка! Не просто «пошёл вон», а распорядись!

– Где изволите кушать?

– Здесь.

– А что?

Олег Владимирович тем временем принялся копаться в своём саквояже, потому и ответил небрежно, даже не подумав о том, с кем имеет дело:

– Что-нибудь из местной экзотики.

У прислуги челюсти судорогой свело. У них на кухне, конечно, разное приходилось готовить. Повара подчас и сами удивлялись, как им удавалось ублажить посетителей. Но подобного...

– Простите, ваше благородие, а вы бы не могли написать для повара название, – робко произнёс малец. – А ещё лучше, напишите, из чего это готовится.

Белый с недоумением посмотрел на прислугу и расхохотался.

– Иди и скажи, – сквозь слёзы и смех произнёс он, – пусть приготовят что хотят, лишь бы было съедобно.

Мальчишка пулей вылетел в дверь. Олег Владимирович упал на стул и ещё минуты две не мог прийти в себя от смеха.

Вскоре новый постоялец гостиницы был вынужден признать, что повар у господина Мичурина готовит отменно. Тройная уха ублажила гурмана. Фаршированная щука потрясала упоительным вкусом. А говяжий язык, приготовленный в винном соусе, просто таял во рту. Как только Олег Владимирович закончил поздний обед, в дверь постучали, и пред очами нового постояльца гостиницы вновь возникла знакомая физиономия прислуги.

– Ну как?

– Отменно. – Олег Владимирович прищёлкнул языком. – А ты что, подслушивал, шельма?

– Никак нет. Нам не можно-с. Опыт-с.

– То есть?

– Вы заказали один обед. Про водочку не напомнили. Когда я её не принёс, промолчали. Выходит, торопитесь. А на такой обед, да в спешке, минут двадцать требуется. Вот я и дождался.

Олег Владимирович вынул из кармана целковый и кинул его в руку мальчишки:

– За сообразительность.

– Может, ещё чего изволите?

– Пожалуй. Вот что, братец. Принеси мне дверь.

Второй шок оказался значительно сильнее первого. Мальчишка внимательно посмотрел на гостя: нет, вроде не больной. И глаза серьёзные.

– Зачем же вам дверь, когда у вас и так две имеются? – робко поинтересовался служака.

– Ты меня не понял. Мне нужно дверное полотно. Простое, прямое дверное полотно, – мальчишка всё ещё смотрел на гостя, как на блаженного. Пришлось объяснять. – Дело в том, что у меня болит спина. И доктора порекомендовали спать на твёрдой поверхности. На сей раз понятно изъясняюсь?

Ответом была тишина.

– Ясно. – Олег Владимирович дожевал сочное мясо и поднялся из-за стола, перед тем сняв с груди салфетку, и громко, приказным тоном, произнёс. – Словом так, принеси мне к вечеру дверное полотно. То есть, одну дверь! И слишком много не думай. Иногда лишние мысли лишают сна и покоя. Свободен.

Вот теперь всё стало ясно и понятно.

Мальчишка мигом забрал посуду и, пятясь, удалился из апартаментов господина Белого. После его ухода Олег Владимирович закрыл дверь на ключ, и ещё раз, но теперь более внимательно, осмотрел комнату. Тихонько, костяшками пальцев, простучал стены, пол, и когда в дальнем углу услышал глухой звук, означающий пустоту под паркетом, поднялся с колен и удовлетворённо оправил одежду. Спустя несколько минут, с помощью ножа, он вскрыл паркетный рисунок и внимательно осмотрел небольшую выемку в полу. Она вполне годилась для того, чтобы в ней можно было спрятать несколько небольших предметов. Которые вскоре и были извлечены из саквояжа. Револьвер с коробкой патронов. Бумажник, с крупной суммой денег. Дневник в кожаном переплёте. И небольшой рулон бумаги, завёрнутый в газету. Всё это Олег Владимирович аккуратно упаковал в выемке, после чего, осторожно надавливая на дерево, прикрыл её паркетинами так ловко, что даже вооружённый линзой глаз не смог бы сразу определить, вскрывали пол, или нет. Сверху только что вставленного на место паркета Белый положил нитку, которую одним концом зацепил за плинтус. Если кто-то в будущем обнаружит тайник, то обязательно сорвёт её. Чем, естественно, откроет себя.

После господин Белый почистил костюм, привёл себя в порядок перед зеркалом и покинул комнату.

Спустившись со второго этажа, Олег Владимирович прошёл в вестибюль и предупредил консьержа о том, что он решил прогуляться по городу, и в случае, если за ним кто-либо придет, то смогут с ним встретиться только после девяти вечера. Консьерж кивнул в ответ, и когда новый постоялец направился к выходу, ухмыльнулся: ох, уж эта молодёжь... Только прибыл в город, ещё никого не знает, ни с кем не знаком, а пожалуйста: если кто-то решит с ним встретиться... Да кто ж ним будет встречаться? Напустят пыли людям в глаза, лишь бы выглядеть посolidней... Шельма!

После столь решительного вывода, консьерж отвернулся и более о молодом человеке не вспоминал. А тот, выйдя на улицу, осмотрелся.

Гостиница «Мичуринская» расположилась на перекрёстке двух широких улиц. Олег Владимирович поднял голову, изучая таблички. С одной стороны медная пластина гласила: улица Амурская. Что ж, правильно. Какая же ещё может быть улица в городе на берегу Амура? Зато вторая потрясла воображение молодого человека. Театральная.

Олег Владимирович вышел на середину улицы и посмотрел в обе стороны. Ни справа, ни слева о театре ничего не напоминало. Не было видно ни театральной площади, ни куполообразного здания. Даже афишной тумбы – и той не наблюдалось.

Олег Владимирович покачал головой, вынул из карманчика жилета луковицу часов и, определив, что до встречи с полицмейстером у него имеется три часа, произнёс:

– Провинция...

Повернув вправо, Белый неспешно преодолел два квартала, прошел мимо жилых добротных домов, которые принадлежали явно состоятельным горожанам, и оказался на Большой, центральной улице города.

Сей проспект оправдывал своё название. Во-первых, он был большой, широкий – нет, просто широченный. Пошире Невского!

Воздух стоял особенный, чистый, прохладный. Пыль куда-то делась! Сей факт происходил от того, что Большая улица здесь находилась в непосредственной близости от Амура.

Жизнь на Большой кипела. Пролётки проносились то в одну, то в другую сторону. По тротуарам в разных направлениях спешили ремесленники, студенты, и прочий провинциальный, цивилизованный люд, не имеющий солидного достатка. Среди этого разношёрстного потока Олег Владимирович успел заметить и несколько восточных лиц.

Белый, едва не сбитый с ног, остановился, внимательно осмотрелся по сторонам, и принял, как он посчитал, наиболее верное решение: продолжить движение вправо, где, судя по всему, находится центр Благовещенска. Спустя каких-то десять минут, Олег Владимирович понял, что не ошибся. Пройдя мимо мужской гимназии, массивного, четырёхэтажного здания, окрашенного в коричневый цвет, затем минуя ряд магазинов некоего господина Кувшинова, гость из столицы вышел к искомому объекту. То есть, к пристани, на которой сейчас сустились прибывшие с противоположного берега китайцы.

Они о чём-то шумно говорили промеж собой, при этом торопливо выкладывая товар на пристань, по которой лениво расхаживал полицейский чин в неопределённом возрасте и изредка покрикивал на прибывших с той стороны реки торговцев. Однако, Олега Владимировича заинтересовала не баржа, и не пристань, и не китайцы. Его внимание привлекла сама река.

Белый долго смотрел на неё. Амур не вдохновлял. Где могучая, мощная река, о которой он столько слышал там, в столице? Перед его взором был мелководный широкий ручей цвета песка и глины. Купаться в такой реке Олег Владимирович ни за что бы не решился.

На той стороне Амура виден был только лес. Однако, более пристально приглядевшись, гость Благовещенска сумел разглядеть и некоторые строения, спрятанные между деревьями. Если это и дома, подумал он, то живут здесь очень состоятельные люди. Хижину бедняка вряд ли можно было увидеть с такого, версты в две, расстояния. Да и вряд ли у бедняков есть дома. Скорее всего, живут в землянках.

Людской гул, что шёл с пристани, отвлёк Белого от мыслей, которые роились в его голове от увиденного. Олег Владимирович оглянулся.

На площади, что расположилась перед пристанью, бурлил людской водоворот. Из находящегося недалеко от пристани винокурного завода товарищества «А.Н. Макаров и Ко», как гласила надпись над воротами заведения, вереницей выехали пять подвод, гружёных тяжёлыми ящиками со спиртным. Сопровождали столь любимый народом груз несколько молодцев с оружием. На самой пристани всюду трудились таможенные чиновники, проверяя прибывших с китайской стороны. Возле здания таможни топталось несколько человек, видимо, дожидаясь решения по арестованному грузу. Неподалеку от таможни расположился целый ряд магазинов, принадлежащих господам Мичурину и некоему Кунсту. Двери универсального магазина «Кунст и Альберс» то и дело били по колокольчику, докладывая о входящих и выходящих.

Олег Владимирович собирался, было, снова вернуться к осмотру противоположного берега, как его взгляд привлекла пролётка, явно принадлежавшая состоятельному семейству. Чёрного цвета, лакированная, с резиновым покрытием на колёсах, судя по всему, привезённая из Европы, она настолько выделялась на фоне простых транспортных средств, что казалась неким нереальным, фантастическим объектом, случайно попавшим в этот небольшой, губернский городок. Пролётка остановилась перед входом в магазин, и с пассажирского сиденья спустилась по небольшой лесенке на землю юная особа лет восемнадцати, не более. Белокурые волосы прекрасной незнакомки были уложены мастерской рукой парикмахера, от чего Олег

Владимирович тут же сделал вывод, что девушка из очень состоятельной семьи. Тонкая, стройная девичья фигурка притягивала мужской взгляд. Олегу Владимировичу захотелось поближе рассмотреть прелестную блондинку, и потому, снова сверившись со временем, он решительно направился к магазину, в дверях которого скрылась незнакомка.

Колокольчик оповестил приказчика о прибытии нового покупателя. Едва Белый успел войти в помещение, как пред ним материализовалась крепкая фигура служителя торговли.

– Чем интересуюсь?

Олег Владимирович несколько растерялся. Признаться, когда он шёл к дверям лавки, то ему и в голову не пришло, что придётся что-то покупать. Он только хотел увидеть девушку, и не более. Теперь та стояла возле прилавка, рассматривая какую-то безделушку, и общаясь со вторым приказчиком, а он, словно соляной столб, стоял пред светлыми, безоблачными очами торговца и понятия не имел, что ему дальше делать. Пауза затянулась. Мысли галопом понеслись в голове молодого человека. Что у них есть? Что у них вообще может быть такого, что ему необходимо? Взгляд мгновенно прошёлся по товарам. В магазине некоего господина Кунста имелось всё. Ну, практически всё. Ткани и уже сшитые костюмы, модные дамские туфельки и яловые сапоги, шляпки и котелки, кухонная утварь и продукты питания, с коими той утвари приходилось вступать в тесный контакт. Однако, это изобилие совсем не интересовало молодого человека. На данный момент у него имелось всё, что необходимо для жизни. А нагружать себя ненужными вещами не входило в привычку петербуржца. На лице приказчика начало проявляться разочарование. Видимо, он почувствовал, что напрасно распинался перед незнакомым, явно приезжим господином.

И в этот миг девушка оглянулась.

У Олега Владимировича захватило дух. Слегка раскосые, миндалевидные глаза искрились весельем и задором. Тонкая ниточка свежих, юных ланит притягивала и манила. Слегка курносый носик говорил о задорном и строптивом характере хозяйки. Девушка оказалась не просто красива. Она была прекрасна.

– Насколько я понимаю, господин ничего не собирается покупать? – голос приказчика сбросил молодого человека с небес.

– Что? – Олегу Владимировичу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Незнакомка это заметила, и улыбка тронула её губы. Господин Белый тут же отвернулся, и, наконец, нашёл в себе силы собраться с мыслями. – У вас табак имеется?

– А как же? – на лице лавочник снова проявилась благожелательность. – Вам какой? Курительный, или, pardon, для дыхательных процедур?

– Курительный, – «Чёрт побери!» – пронеслось в голове Олега Владимировича. «Почему он спрашивает? Какой идиот признается при столь прелестной особе, что он нюхает табак, словно старикан из Екатерининских времён?»

– Вы предпочитаете папироски? Или сигары?

– Мне трубочный, – Олег Владимирович произнёс эту фразу несколько торопливо и негромко. А вдруг незнакомка терпеть не может курящих мужчин. Дьявол, тут же выругался Белый про себя, ведя себя, словно мальчишка. Срамота, да и только. Однако, в глубине души Олег Владимирович был вынужден признать, что ему приятно так себя вести. Будто он вернулся в далёкую юность, когда пытался ухаживать за конопатой девчонкой из соседнего имения. Тогда ему только-только исполнилось четырнадцать. А ей почти пятнадцать. Она была старше его на восемь месяцев. Что и решило любовный вопрос. Сейчас он уже был почти старик. Как никак, без малого, двадцать пять. А та девчонка исчезла из его жизни навсегда.

– Трубочный у нас имеется нескольких сортов, – продолжал тем временем свой монолог приказчик. – Вы какой предпочитаете? Восточный, или южноамериканский?

– У вас и такой имеется? – теперь в голосе Олега Владимировича прозвучало неподдельное удивление.

– Обижаете... – служитель торговли с гордостью проводил покупателя к прилавку. – Смотрите. Бразилия. Чудо, а не табак, – перед Олегом Владимировичем легли на столешницу пакеты с выше разрекламированным товаром. – Но советую табачок, так сказать, нашенский. От соседей! Бразильский слегка горчит. Сам, к сожалению, не курю. Сведения от наших постоянных покупателей. А сей и ароматом богат, и по цене сходитен.

Ну, ещё бы, мысленно отреагировал молодой человек. Теперь до незнакомки расстояние составляло всего два локтя. Олег Владимирович почувствовал, как его тело охватила давно забытая дрожь. На лбу проступили капельки пота. А девушка о чём-то разговаривала с приказчиком, совершенно не обращая на него внимания. Блеющий голос продавца вновь вернул Белого к действительности:

– Или же вот этот сорт. Бесподобен!

– Простите, – перебил торговца Олег Владимирович, изредка бросая взгляд в сторону незнакомки. – А восточный у вас какой?

– О, здесь выбор достойный гурмана. Турецкий. Великолепный аромат! Но я бы вам, как в первый раз приехавшему к нам человеку, посоветовал всё-таки китайский, особенный. Шаньдунский!

Олега Владимировича, будто холодной водой окатили. Вот тебе на. У него что, на лице написано, что он приезжий?

Колокольчик двери весело зазвенел. Молодой человек бросил быстрый взгляд в сторону, а после на дверь. Пока он общался с приказчиком, незнакомка ушла. Стремительно и неожиданно. Бежать вслед? Нет, нельзя. Это может показаться подозрительным столь наблюдательному торгашу.

Олег Владимирович медленно повернул голову в сторону елеяно улыбающегося молодого человека:

– А скажите, любезный, с чего вы взяли, будто я приезжий?

– Очень даже просто, ваше благородие, – улыбка не сходила с лоснящегося лица приказчика. – Во-первых, вы у нас никогда ранее не бывали. А трубочным табаком торгуем только мы и Мичурин. Во-вторых, простите, конечно, то не моё дело, но вы так смотрели на дочь губернатора, будто видели её в первый раз. Сие и дало мне право судить о том, что вы человек приезжий.

Ай, да сукин сын! Как всё просто. Да, Олежка, подумал про себя молодой человек, вот так можно и погореть ни за грош. Олег Владимирович с восхищением посмотрел на продавца и достал из кармана деньги:

– Давайте мне ваш, китайский. Попробуем, а вдруг понравится.

Рука на стол положила десять рублей. Приказчик кинулся, было, отсчитывать сдачу, но гость его тут же остановил:

– Оставьте себе. За наблюдательность.

Покинув магазин, Олег Владимирович убедился в том, что прекрасная особа исчезла в неизвестном направлении, что, впрочем, его не огорчило. Теперь Белый знал, кто она, и также знал, что вскоре её увидит вновь, так как по долгу службы он был обязан представиться не только полицмейстеру, но и первому лицу города.

...Владимир Сергеевич Киселёв принял инспектора из столичной управы в своём кабинете при полном мундире, как и полагалось принимать столь высоких гостей. Олег Владимирович, перед тем, как расположиться в предложенном хозяином глубоком кожаном кресле, огляделся. Апартаменты губернского полицмейстера являли собой типичный образец казённого кабинета. В такой обстановке Олегу Владимировичу приходилось находиться и Петербурге, и в Москве, да и в других городах империи, где он бывал. Большая светлая комната, обязательно светлая, потому как требуется много работать с бумагами. Основательный стол, внушающий

уважение и почтение к хозяину кабинета. На столе пресс-папье, подставка для перьев, массивная чернильница, пятый том уложения Законов Российской Империи, и, естественно, бумаги. Над креслом, стоящим напротив стола, портрет государя императора. В традиционной дубовой, покрытой золотом, раме. В правом углу комнаты хозяин установил стол для совещаний, с шестью стульями. В левом кресла для встреч гостей высокого ранга. Одно из них было предложено Олегу Владимировичу.

Владимир Сергеевич дважды внимательно перечитал документ, предоставленный прибывшим гостем.

– Позвольте поинтересоваться, под чьим началом изволите служить? – вопрос Киселёва имел характер провокационный. Белому следовало открыться первым, тем самым отдать бразды течения беседы в руки Владимира Сергеевича.

– Под руководством Петра Александровича Санаева.

– Вот как? – Киселёв слегка приподнял брови. – Пётр Александрович дослужился до директора департамента?

Белый промолчал. Несмотря на удалённость от столицы, как из личного опыта знал Олег Владимирович, на перифериях, околицах, задворках Российской Империи чиновники всех уровней тщательно отслеживали все чиновничьи движения, происходящие в Петербурге. Киселёв исключением не являлся. По крайней мере, так решил приезжий молодой человек. Иначе никак невозможно. От чина, находящегося выше, зависит судьба чина нижестоящего. А если так, то беседа началась со стандартной, в таких случаях, проверки. Если можно выразиться, пристрелки.

Владимир Сергеевич положил письмо, привезённое Белым, на стол.

– На словах Пётр Александрович мне ничего не передавал?

– Никак нет.

Киселёв поморщился. Из последней фразы, произнесённой молодым франтом с улыбкой, выходило, что Санаев до сих пор помнит нанесённые им, Киселёвым, обиды. А это плохо. Очень плохо. Несмотря на то, что Белого прислал Оскольский, Пётр Александрович мог дать своему подчинённому дополнительные инструкции. К примеру, найти кое-какой материал, чтобы окончательно утопить Киселёва, и, после ведомственных разбирательств, отправить его ещё куда-нибудь подальше. К примеру, на Сахалин. Или же на Камчатку. А таковой материал имелся. И был спрятан не столь глубоко, чтобы его не смогли обнаружить. А покидать с позором последнее, как считал Владимир Сергеевич, насиженное, место полицмейстер никак не собирался.

– Ну, что ж, не будем терять время. Итак, Олег Владимирович, какова цель вашего приезда?

– Задание мне было дано одно: проверить протекание казённых финансов в полицейских и армейских структурах, и установить правильность их использования.

– Любопытно. – Владимир Сергеевич сел напротив собеседника, и Олег Владимирович тут же отметил, что Киселёв, всё сделал естественно и непринуждённо, как опытный полицейский, точнее следователь. Кресло, в котором расположился Белый, Владимир Сергеевич перед встречей установил так, чтобы свет от начинающего засыпать солнца, падавший со стороны окна, полностью ослеплял гостя, в тоже время лица хозяина кабинета собеседник практически видеть не мог.

Между тем, Владимир Сергеевич продолжал.

– Насколько мне известно, подобные инспекции в воинских частях проводит Казначейство, по просьбе Генерального Штаба. Каким боком к проверке финансов военных стал наш Департамент? Вам не кажется сей факт странным?

– Нет. – Олег Владимирович поморщился. Тяжело беседовать с человеком, реакцию которого ты практически не можешь наблюдать. Нужно срочно придумать, как поменять кар-

тинку. – Не вся информация, тем более связанная с нашим Департаментом, или же с Главным штабом, может быть открыта для представителей Казначейства. Как вы сами понимаете, мы не можем допустить, чтобы нас обсуждали цивильные чиновники.

– Вы намекаете на то, что у вас имеются факты хищения казённых денег в нашем городе, точнее, в моём ведомстве?

– И снова нет, – Олег Владимирович легко, играя всеми мышцами тела, что незамедлительно отметил Киселёв, поднялся, и, заложив руки за спину, принялся мерить комнату широкими шагами, показывая всем своим внешним видом, будто таким образом ему было легче мыслить. Теперь в невыгодном положении оказался губернский полицмейстер. Продолжая сидеть в кресле, тот вынужден был наблюдать, как гость по-хозяйски осваивает кабинет, от чего внутри зарождалось ощущение нервозности и неуверенности, что Владимиру Сергеевичу крайне не нравилось. – Таковых фактов у меня не имеется. И в наше ведомство с подобной информацией никто не обращался. Но Его Сиятельство генерал Оскольский решили провести инспекционные проверки по тем губерниям, в которых подобные комиссии не проводились довольно длительное время. Если я не ошибаюсь, в последний раз у вас инспекция из столицы прошла восемь лет назад?

– Совершенно верно.

– И она, по тем данным, что я прочитал, была успешной?

– И тут вы тоже правы.

Олег Владимирович прекратил ходить.

– Я так думаю, и эта проверка пройдёт с таким же положительным результатом.

«Это на что ты, шельма, намекаешь?» – по внешнему виду Владимира Сергеевича невозможно было понять, о чём он думает. А мысли в голове полицмейстера бродили неоднозначные и противоречивые. Предыдущую инспекцию принимал он, лично. Тогда Владимир Сергеевич пробыл на посту руководителя губернской полиции четыре года и сумел распознать и раскрыть не одно финансовое преступление, связанное с казёнными деньгами. Но вот до суда дошли далеко не все дела. Владимиру Сергеевичу были крайне необходимы свои люди, как в городской управе, так и в среде губернатора. А потому кое-что губернским полицмейстером прикрывалось, припрятывалось, но никогда и ни при каких обстоятельствах не забывалось. И вот, дабы сохранить своих людей на свободе, в тот год ему пришлось скрупулезно поработать с инспекционной проверкой. Но тогда он был заранее предупреждён об их прибытии. Теперь ситуация складывалась совсем иная. Интересно, размышлял Владимир Сергеевич, что этому денди известно о предыдущей инспекции? И не является ли его фраза намёком на то, чтобы с ним обошлись таким же образом, как и с теми проверяющими? Тогда столичные чины Киселёву обошлись в серьёзную копейку. Но и инспекционный корпус состоял из зубров. А что сейчас стоит перед ним? Мальчишка, только оперившийся, едва вкусивший жизни, не обстрелянный, но уже, судя по всему, по-столичному наглый. Любопытно, кто стоит за ним? Кто привёл его в Департамент? Нужно будет полюбопытствовать. Слава Богу, связи в Петербурге сохранились, помогут.

– Будем надеяться, – Киселёв откашлялся, чтобы продлить паузу, и продолжил. – Чем лично я могу быть вам полезен?

Молодой человек сунул руку во внутренний карман сюртука и вынул на свет Божий небольшую книжечку, к которой был привязан карандаш. «Записничок», догадался Киселёв. Господин Белый раскрыл книжку и принялся сверяться с написанным в ней.

– Во-первых, мне необходима пролётка. Город я не знаю, а проверка, как вы сами понимаете, будет проходить не только в Казначействе, а и по месту.

– Это не проблема. Завтра утром транспорт будет у вас.

«Он не спросил, где я остановился», тут же отметил Белый, «Значит, вокзальный пристав сообщил ему о нашей встрече во всех деталях. А посему делаем вывод, весь город у губерн-

ского полицмейстера находится под полным контролем. Что ж, может в будущем эта информация и пригодится».

– Благодарю. Второе. Мне необходим документ, подписанный вами, который бы обеспечивал доступ во все места в вашем городе. Вплоть, до воинских частей.

Владимир Сергеевич поднялся со своего кресла, прошёл к столу, и, спустя несколько минут, Олег Владимирович держал в руках востребованный документ.

– Это всё? – полицмейстер с любопытством смотрел на молодого человека. «Что ещё он, интересно, пожелает?»

Олег Владимирович внимательно пролистал записную книжку и произнёс:

– Третье. Можно мне организовать рабочее место? И желательно, не в полицейском управлении. К примеру, в здании Казначейства. И на этом, пожалуй, всё. Если мне что-либо понадобится дополнительно, могу ли я к вам обратиться?

– Естественно, – Владимир Сергеевич развёл руками. Мол, а что я могу сделать? Не отказывать же столь высокому чиновнику из Петербурга.

– Мне показалось, что вам неприятен мой визит, или это на самом деле так? – Олег Владимирович теперь стоял перед полицмейстером навтыжку, словно ожидал от того пусть не приятного, но правдивого ответа. Естественно, Владимир Сергеевич, такового ответа не дал.

– Простите, Олег Владимирович, но то вам только показалось. Если признаться, вы были в очень беспокойное время. Не знаю, как там, в столице относятся к нашему нынешнему положению, хоть мы и постоянно докладываем о том, что происходит, однако, исходя из вашего приезда, могу судить – в Петербурге не слишком озабочены восточными границами Империи.

– Смелое заявление, – тут же отреагировал Олег Владимирович.

– Что поделать. Такова действительность.

– Может, вы мне её проясните?

– Отчего ж не прояснить, – теперь тон Киселёва принял несколько снисходительные, учительские нотки, отчего инициатива в беседе вновь вернулась к нему. – Мы вот уже как с полмесяца находимся почти на военном положении. Разве что не ввели комендантский час. А с 12-го числа сего месяца в городе объявлена мобилизация казачества. Так-то вот.

– И в связи с чем? – спросил Олег Владимирович.

– Два года назад, может, краем уха там, в столице, вам и пришлось слышать, в китайской провинции Шаньдун начался бунт. Некие ихэтуани решили поиграть мускулами.

– И что сие означает? Простите, не пойму, каким боком российский, провинциальный Благовещенск имеет отношение к данному бунту?

– Очень даже прямое. Сия бунтарская волна докатилась до Сахалина, это поселение на той стороне Амура. Да вы его могли видеть с набережной. У нас и до этого имели место разного рода недомолвки с азиатами. А теперь они и вовсе распоясались. Эти, как они себя именуют, «отряды справедливости и мира», занимаются подстрекательством к бунту. Чтобы русское население под их давлением покинуло российскую территорию. Но это так, подоплёка. На самом деле мы подозреваем, что сталкиваемся с обыкновенным бандитизмом. По слухам, у этих, так называемых, «боксеров» всё сопровождается грабежами и насилием.

– Чуть подробнее можно? – переспросил Белый.

– Естественно. У нас на данный момент проживает более полутысячи азиатов, выходцев с той стороны Амура. Однако, в казачьих станицах ни с того, ни с сего стал пропадать скот, продовольствие, люди. В основном дети и женщины. Самый ходовой товар для бандитов. Месяц назад, когда на Амуре сошёл лёд, нам случайно удалось узнать, что в Сахалине скопилось около двух тысяч бунтовщиков. Но то было месяц назад. Сколько их теперь, одному Богу известно. И часть из них постоянно бывает на нашей стороне. Вот в таких условиях приходится работать и жить. Правда, пока на город никаких поползновений не было. Но, как говорится, чем чёрт не шутит.

– Вы мне жалуетесь?

– Ни в коем случае. Я проясняю обстановку, в которой вам вскоре придётся работать.

– Это никак не оправдывает тех, кто неправильно подходит к трате казённых денег.

– А я и не оправдываю. Если, конечно, вы их найдёте. И докажете, что деньги были потрачены не по назначению. Впрочем, вам поручена сия миссия, вам и карты в руки. Кстати, Олег Владимирович, вы, случаем, в шахматы не играете?

– Изредка.

– Тогда должны знать, чем отличается игра на большой, стоклеточной доске, от игры на доске простой.

– Признаюсь, на большой доске мне играть не приходилось, – Белый понял, что полностью потерял инициативу в беседе с полицмейстером. В таких условиях он дальше вести общение не мог. Следовало срочно прекращать аудиенцию. Найти бы пристойный повод для выхода из неприятного положения.

– А я вот, представьте, делал такие попытки, – продолжил свою мысль Владимир Сергеевич. – И все крайне неудачные. Из меня вышел плохой гроссмейстер. Однако, один ценный вывод я для себя сделал. Игра на большой доске отличается от малой только степенью профессионализма. Всё остальное идентично!

– Что-то я не разберу, к чему весь этот разговор?

– А к тому, Олег Владимирович, что там, в Петербурге, все играют на большой доске. Но сие совсем не означает, будто в маленьких городах, таких, к примеру, как наш, жизнь имеет сонное состояние. Мы тоже играем. Только на доске обычной, простой.

– Я понял, – «Ну, вот, кажется можно и удалиться.» – Не те масштабы.

– Совершенно верно. А чувства, если хотите – азарт, ничем не отличаются от столичных.

– Благодарю за столь познавательную беседу. Рад был познакомиться. Признаться, не ожидал встретить в далёкой провинции столь эрудированную личность, как вы. За сим, разрешите откланяться, – Олег Владимирович спрятав блокнот, кивком головы попрощался с полицмейстером и удалился.

После его ухода Владимир Сергеевич долго сидел в глубоких размышлениях, крутя в руке пресс-папье, и пытаясь проанализировать поведение молодого человека со всех сторон. Не давала покоя беседа с Самойловым. Надзиратель, перед тем, как занять свою должность, пятнадцать лет отслужил в сыске, а потому вряд ли мог ошибиться. «Шаловливые ручки.» Полицмейстер бросил взгляд на документ, покоящийся на столе. А если бумага, которую предоставил этот хлыщ, хорошо изготовленная липа? Киселёв взял документ и ещё раз внимательно осмотрел его. Впрочем, если это и была подделка, то на официальной гербовой бумаге, с присутствием на ней необходимых водяных знаков. Да и подпись генерала Оскольского была, судя по всему, не поддельная. К тому же сам собой напрашивался вопрос: зачем? Смысл так открыто заявлять о себе? Предположим, господин Белый не тот, за кого себя выдаёт и получил доступ до Казначейства. Но это всё равно, что самого себя посадить за решётку. Слишком открытая комбинация. В столице она бы ещё прошла, но не в столь маленьком городке, где всё и вся на виду. «Дьявол!» – Киселёв с силой хлопнул ладонью по столу, – «Когда же, наконец, придёт ответ на запрос?»

Олег Владимирович возвращался в гостиницу ближе к полуночи. После того, как он покинул городское полицейское управление, извозчика брать не стал. Решил прогуляться. Вечер опустился на город и окутал дома мягким сумраком. Новый житель Благовещенска шёл неспешной походкой, вдыхая тёплый, и какой-то непривычно мягкий воздух. Лёгкие работали без усталости, пытаясь насытиться сухим, приятным ароматом, который отдавала черёмуха, произраставшая, казалось, по всему городу. Фонарей, кроме Большой улицы, нигде более не наблюдалось. Оно и понятно. Роскошь освещать по ночам всю городскую территорию могли

себе позволить только крупные поселения. А потому, слежку Белый заметил не сразу, а только пройдя три квартала и сделав поворот в сторону гостиницы. Преследователя подвело то, что весь город, от и до, имел чётко спланированные прямые улицы. А потому, любого прохожего можно было увидеть издалека, даже таким поздним вечером, в лунном свете. Тем более, если этот прохожий по непонятной причине начинает прятаться в тени деревьев. Что и насторожило Белого. Свернув за угол, Олег Владимирович тут же прижался к тёплой каменной стене дома в ожидании, когда таинственная фигура проявится пред ним. Долго ждать не пришлось. Преследователь, судя по всему, боялся упустить цель, а потому выскочил резко, с разбега, даже не предполагая, что его за углом дома могут ждать неприятности.

Первый удар пришёлся в солнечное сплетение. Фигура незнакомца сломалась пополам и упала на колени. Второй удар обрушился на шейный позвонок. Филёр, а в том, что тот является сотрудником полиции, Белый не сомневался, без сознания свалился в дорожную пыль. Олег Владимирович перевернул его на спину. В свете луны он смог разглядеть усатое, тщательно выбритое лицо, всё изрытое оспинами. Веки нервно подёргивались. Следовало торопиться: преследователь мог вот-вот прийти в себя. Белый быстро осмотрел карманы пострадавшего. В одном из них он обнаружил бумажник с небольшой суммой денег и свёрнутой в несколько раз бумагой. Именно она и заинтересовала Олега Владимировича. Развернув её, Белый попытался прочитать написанное, но при таком освещении сие было сделать крайне затруднительно. Впрочем, необходимости и не было. Гербовая печать говорила сама за себя. Гость провинциального городка снова, вложил лист назад в бумажник, который вернул на место. Незнакомец застонал и попытался перевернуться на бок. Олег Владимирович не стал дожидаться, когда он окончательно придёт в себя, и быстрым шагом направился к гостинице.

Придя в номер, первое, что он заметил, была дверь, прислонённая к стене. Олег Владимирович улыбнулся, представив, как мальчишка – слуга просит у хозяина дверное полотно, и выражение лица последнего, услышавшего о странном пожелании нового постояльца. Думается, не каждый день у них жильцы требуют дополнительные двери.

Олег Владимирович прошёл в угол комнаты и наклонился над тайником. Нить лежала на месте, в том положении, как он её оставил. Олег Владимирович разделся, аккуратно сложил костюм, повесил его в шкаф и устроился в мягкой, уютной постели. К сожалению, это была первая и последняя ночь, когда ему спалось столь комфортно. Сегодня дверь под матрац он решил не подкладывать. В конце концов, можно, хотя бы одну ночь провести по-людски. Конечно, можно было бы и поужинать, пронеслась новая мысль в голове Олега Владимировича, но она тут же погасла, уступая место сну.

Глава третья

*...Всадника два на конях, султаны на рыцарских
шлемах,
Солнцем сверкают мечи, готовы к открытому
бою...*

(Марк Иероним Вид "Игра в шахматы" (1513))

Благовещенское окружное казначейство располагалось невдалеке от городского полицейского управления, на той же самой Большой улице, которая соседствовала с пристанью и Набережной. Чему, собственно, Олег Владимирович не удивился. Поднявшись на второй этаж, как ему посоветовал чиновник внизу, он прошёл по длинному коридору почти до середины, и постучал в приёмную. Секретарь, молодой человек, лет двадцати, тут же распахнул перед ним дверь и пропустил к дирекции. Предупредили – догадался Белый, – а как же иначе. Иначе никак. Гнём спины, буравим половицы взглядом, истекаем слюной от зависти и желчи. А после, в постели, мечтаем об одном: когда же, наконец, и перед нами начнут гнуть, буравить, истекать?

Начальником окружного казначейства оказался крепкого телосложения чиновник с твёрдым, волевым лицом военного и такой же армейской выправкой.

– Господин Белый Олег Владимирович? – первым спросил он, указав на близстоящий стул и одновременно представился сам, – Ушаков Владимир Иванович, глава данного заведения. Не удивляйтесь, что я знаю о вашем прибытии. Нам только что позвонил Владимир Сергеевич с просьбой содействовать всеми нам доступными мерами. Вы уж не обессудьте. Городок наш, по европейским меркам, не большой, а потому все про всех всё знают. И, соответственно, все за всех переживают.

«Если бы это было так,» – с сожалением подумал Белый, усаживаясь на удобный, мягкий стул, – «Тогда бы мне не пришлось тащиться к вам через всю державу, на самый край земли. Нет, господа, и ничего – то вы не знаете.»

Между тем Владимир Иванович продолжал:

– Для меня, естественно, несколько странно, что с инспекцией приехали не из Казначейства, или Министерства финансов, а из канцелярии Департамента полиции.

– Но, прошу заметить, по их поручению. – вставил Олег Владимирович, и тут же добавил следующее: – Впрочем, у вас никаких проблем быть не должно. Департамент в моём лице интересуют только те финансовые обороты, которые проводились через городское полицейское управление и военизированные подразделения. Всё остальное меня не касается.

– Ну, что ж, – Владимир Иванович довольно хлопнул в ладоши. – В таком случае, мы сработаемся. Какие документы вам предоставить для начала?

Другого ответа Белый и не ожидал. Ушаков, как он смог понять ещё в Петербурге, никоим образом не мог быть причастен к той проблеме, ради которой Олег Владимирович прибыл в Благовещенск. Не тот уровень. Если он и приворовывал, в чём Белый несколько не сомневался, то только при посредстве гражданских чинов.

– Если можно, – Олег Владимирович покрутил в руках головной убор, именующийся в народе котелком, но так и не смог придумать, куда его пристроить. – Для начала предоставьте мне комнату, чтобы я мог спокойно работать. И помощника какого-нибудь расторопного, владеющего информацией, где и какую бумагу можно взять без волокиты.

– Просьба гостя по восточным традициям – закон.

Через полчаса Олег Владимирович раскладывал папки на небольшом расшатанном столе, который едва поместился в небольших апартаментах, выделенных Олегу Владимировичу господином Ушаковым, а его теперешний помощник, старик, лет шестидесяти, постоянно прищуривающийся, видимо по болезни глаз, и принесший макулатуру в виде финансовых документов для господина Белого, тихонько начинал дремать, сидя в углу.

«Вот и началась весёлая жизнь чиновника,» – усмехнулся Белый и открыл первую попавшуюся папку. «Итак, деньги, перечисленные на нужды тыловой части. Не то. Вторая папка. Перечисления на казачью станицу Марковскую. Тоже не то. Где же эти необходимые папки? Среди всего этого ненужного бумажного хлама? Есть. Первая. Оклады младшего и среднего офицерского состава. Господи, список на пятнадцать листов. И это только за месяц. Утонуть можно в безбрежном океане цифр. А что прикажете делать? То-то и оно, что придётся всё переписывать. Не хранить же всю эту информацию в голове? Так, – бормотал Белый, просматривая фамилии из второй найденной папки. – оклады младшего и среднего состава полицейского управления. Здесь будет попроще. Фамилий меньше. Что ж, чернила имеются, перо тоже. Бумага, будь она трижды проклята, под рукой. С Богом!»

Олег Владимирович писал долго, часа четыре, пока кисть руки не начала нестерпимо ныть и требовать передышки.

«Расторопный» помощник привалился всем телом к стене и теперь бессовестно спал, в то время, как его новый начальник, не жалея сил и здоровья, трудился во благо Отечества.

– Ермолай Константинович, – Белый не выдержал столь неприличного поведения подчинённого, а потому попытался вложить в голос силу, мощь и уверенность, из чего, собственно, ничего не вышло. Всё-таки, жалко стало старика. – Простите, Ермолай Константинович, может, пойдёте домой, отдохнёте?

Старик встрепенулся и невинно огляделся по сторонам. Убедившись, что кроме них в комнате по-прежнему никого нет, Ермолай Константинович тяжело вздохнул и отрицательно замотал головой.

– Помилуйте, Олег Владимирович. Уволят. Снимут, так сказать, с довольствия. Меня моя старуха тогда со свету сживёт!

– Это за что же?

– Да вот именно за то, что во время служебного дня буду почивать в домашних условиях. Так не можно.

– Так ведь я вас отпускаю!

– И что? Вы уедете, а меня уволят. Нет, вы уж простите, но я буду с вами.

Старичок снова тяжело вздохнул.

– Ну, смотрите, – Белый вновь проглядел список и спросил, – А что, Ермолай Константинович, у вас в городе игорные дома имеются?

– Нет, такого нет, – протянул задумчиво старик, некоторое время помолчал, после чего продолжил мысль, – Но мы от цивилизации не отстаём. Вот, к примеру, в гостинице «Ман-жини», что находится на нашей улице, в двух кварталах, между Графской и Никольской, постоянно собираются господа офицеры, «запустить пульку». В «Кувшиновском подворье» тоже иногда играют. Там и бильярд стоит. Но наш народ к сей забаве равнодушен. Впрочем, в театре господина Роганова тоже бильярд имеется, но молодёжь туда сходится не ради игры, а за ради актёрок. Вот в картишки перекинуться, оно можно. Опять же, в «России» иногда собираются, но там больше люди торговые. А так – нет...

– Что за «Россия»? – тут же поинтересовался Олег Владимирович.

– Так то гостиница Анисима Егоровича Лукьянова. Первейшее заведение в городе! Ежели кто к нам приезжает, мы его только туда определяем, потому, как...

Олег Владимирович прищурился. Эта фамилия только что встречалась в документах. Белый не стал перелистывать бумаги, а напряг память. Спустя несколько секунд припомни-

лось. Анисим Егорович Лукьянов. Владелец кирпичного завода и двух пароходов, «Михаил» и «Селенга», которые ходят по Амуру от Благовещенска до Хабаровска. Именно он стал поставщиком кирпича и прочих стройматериалов на строительство казарм и иных армейских сооружений для пехотного и артиллерийского полков, прибывших в Благовещенск в апреле сего года. Единственным подрядчиком.

– И что, сам Анисим Егорович азартен? – полюбопытствовал Олег Владимирович.

– Да упаси господь! Он карты в руки никогда не брал, разве что по молодости.

– Отчего ж, в таком случае, он собирает у себя игроков?

– Дело превыше всего. На мой взгляд, многие договора нашими именитыми земляками подписываются не в кабинетах, а вот при таких условиях. За стопочкой да картишками.

– Любопытно. А сами, Ермолай Константинович, играть не пытались?

– Куда мне, – старик в третий раз тяжело вздохнул. – Годы уже не те.

– Не скажите, Ермолай Константинович. Игре, как и любви, все возрасты покорны.

– Да так-то, вроде бы оно и так, да ведь «на интерес» в нынешние дни никто не играет.

– Ах, вот оно что! – Белый негромко, так чтобы не обидеть старика, рассмеялся. – И правильно делаете, Ермолай Константинович. Игра, особенно на деньги, вещь пагубная. Сам бывал свидетелем того, насколько может опуститься человек, пристрастившийся к столь низким развлечениям.

– Так от чего же вы интересуетесь, в каких у нас заведениях проходят столь, как вы выразились, низкие развлечения? – Ермолай Константинович хитро прищурился.

Олег Владимирович на сей раз, рассмеялся громко и с удовольствием:

– Подловили, нечего сказать. Умно. В ответ же могу сказать следующее. По наличию подобного рода заведений можно оценить степень состоятельности городского населения. А впрочем, не только города – и всей губернии.

– То есть?

– А вы прикиньте сами, дорогой мой помощник, – Олег Владимирович раскрыл очередную папку, и, перелистывая её, продолжал излагать вслух только что придуманную гипотезу. – Вот, к примеру, данный материал, что я сейчас держу в руках, не может предоставить приезжему лицу полную информацию о благосостоянии жителей города Благовещенска. Ну что мы здесь, на запylённых страницах отчётов и цифр, можем увидеть и распознать? Да ничего. А вот в стенах укрозного заведения, за обтянутым зелёным сукном столом, да держа в руках несколько карт, вы можете преспокойно определить, кто уважаем в вашем городке, а кто нет. Кто владеет приличным состоянием, а кто гол, как сокол. Кому доверяют на слово, а кому и на гербовой бумаге веры нет. Вот вы только что сказали, будто в одной гостинице собираются господа офицеры. А в «России» торговцы и промышленники. Видите, я, ещё не побывав ни в одном из данных заведений, тут же сделал следующие выводы. Первый: город ваш довольно состоятелен и богат. Даже по нашим, столичным меркам. Потому как у вас имеется не одно, а несколько игорных мест, которые привлекают не в меру азартных людишек сделать попытку пополнить свой карман не трудом праведным, а лёгким игральным заработком. Второе: в вашем городе имеет место кастовость. А сей факт громогласно утверждает о чинопочитании и крупных финансовых состояниях.

– И на основании чего вы сделали второй вывод? – поинтересовался старик. Ермолая Константиновича, судя по всему, беседа очень даже заинтересовала.

– А на основании того, что весь мой небольшой жизненный опыт показывает: начинающие торговцы и дельцы в игорных домах всегда трутся возле военного сословия. И знаете по какой причине? – Ермолай Константинович отрицательно помотал головой. – Да потому, что господа военные всегда идут на риск, в том числе и картёжный, не думая не то что о дне завтрашнем, а даже о вечере дня текущего. Такова судьба армейского чина: сегодня ты гуляешь с павой, а завтра в бой идёшь кровавый. И господа торговцы очень даже осведомлены об этом. Но

то касается начинающего торгового люда. Окрепшие, вставшие на ноги, быстро забывают про свои детские шалости. И их более не интересуют вспылчивые корнеты, способные выбросить на стол последнее, что у них ценится: медальон, с локоном любимой девушки, или же фамильный перстень, переданный матерью на смертном одре. За их столом крутятся только крупные купюры, те самые денежные знаки, о которых офицерское сословие может только мечтать. А сие приличествует городам крупным и состоятельным. Где водится крепкий капитал, а значит, и крепкая власть чиновника. Вот так-то, мой дорогой Ермолай Константинович. Кстати, вы не против того, чтобы мы пообедали?

Старик несколько раз взмахнул редкими, белёсыми ресницами и полез куда-то под стол, откуда, через несколько секунд извлёк корзинку с приготовленной дома снедью.

– Милости прошу, Олег Владимирович, – на столе, рядом с папками явились бутылка с молоком, завернутый в матерью шмат сала с луком и чесноком, три помидора, осьмушка ржаного хлеба и огурцы. – Вот, супруга моя, Клавдия, приготовила. Угощайтесь.

Белый скептически посмотрел на разложенную на столе снедь.

– Побойтесь Бога, Ермолай Константинович. Молоко с огурцами? А после них сало с чесноком? Да я после такой еды дня два в этом кабинете не появлюсь. Нет уж, увольте. Лучше поеду к себе, в гостиницу. Там сегодня обещали приготовить отбивные со шкварками. Честно признаться, никогда таких не ел, но, думаю, та пища менее экзотически подействует на мой желудок, нежели молоко с огурцами.

С этими словами Олег Владимирович, спрятав в карман сюртука только что исписанные им листы бумаги, покинул помещение, оставив Ермолая Константиновича один на один с молоком, чесноком и огурцами с салом.

.....

...Владимир Сергеевич, услышав скрип открываемой двери, на мгновение оторвался от просматриваемых документов, поднял взор на молодого человека лет тридцати, одетого в цивильное платье, с котелком в левой руке, потому как правая в тот момент, заглаживала набок редкие рыжие волосёнки на круглой, с большим широким лбом, голове вошедшего, и снова склонился над бумагами.

– Почему не вовремя? – без приветствия, поинтересовался губернский полицмейстер.

Вошедший перестал приглаживать волосы, смахнул с усатого, изъеденного оспой, лица неловкую улыбку, обхватил шляпу двумя руками и смущённо повёл плечами: мол, так получилось.

– Докладывайте! – Киселёву были неприятны эти, как он выражался, «жемансы», но приходилось терпеть, так как пред ним стоял один из лучших сыскарей полиции города Благовещенска. Сам Анисим Ильич Кнутов, личность неординарная и талантливая. – Что смогли выяснить?

– Немного, – сыщик сделал два шага к столу начальства. – Но и над тем, что узнал, стоит задуматься. Вчера вечером, когда господин Белый покинул ваши апартаменты, я следил за ним, как вы мне и приказали. Дело было поздно вечером...

– Только без лирики, – главный полицмейстер резко оборвал докладчика и отметил неудовольствие, отразившееся на лице сыщика. Но начальству, как говорится, виднее, а потому, тот ещё крепче сжал «котелок» руками, продолжая сообщение.

– Господин Белый не стал брать извозчика, видимо решил прогуляться. Сначала он шёл по Чигиринской на Зейскую улицу, далее – на Амурскую. Вот на этом участке, как вы мне приказали, я и решил ему открыться.

– И...

– Признаюсь, ожидал чего угодно, но только не такого. – улыбка вновь проявилась на корявом лице сыщика. – Если кому-то в этом городе и нужна охрана, то только не этому молодому человеку. Давненько меня так не отхаживали.

– Точнее! – Киселёву нужна была информация, а не разглагольствования. Впрочем, он прекрасно понимал, о чём говорил сыщик. – Извините, Анисим Ильич. Продолжайте.

Кнутов сумел скрыть удовлетворение во взгляде и произнёс:

– Он меня уложил с двух ударов. Профессионально. Первый – в солнечное сплетение, потом – по затылку. Я даже сознание потерял, чего со мной ранее не бывало. Если вы позволите высказаться, мое предположение: либо господин Белый не тот, за кого себя выдаёт, либо чиновников в столичном управлении теперь готовят не только работать головой, но и кулаками. Во что я, признаться, мало верю.

Владимир Сергеевич задумался. Да, прелюбопытная получалась комбинация. Час назад Лубнёв принёс ленту телеграфа, из которой губернский полицмейстер узнал, что титулярный советник Белый Олег Владимирович действительно послан с инспекционной проверкой в Благовещенск, и что его высокопревосходительство, генерал Оскольский лично просит Владимира Сергеевича оказать советнику всяческую помощь в скорейшем проведении инспекции. Подобная просьба равносильна приказу. И даже более. Киселёв провёл рукой по лицу, как бы пытаясь стереть озабоченность. Приди ответ вчера вечером, он бы, естественно, не давал распоряжения сыщику проверить петербургского хлыща. И теперь бы не ломал себе голову над вопросом: что же за птица прибыла в его хозяйство? «Так», – снова мысленно повторил про себя Владимир Сергеевич, – «Столица подтвердила личность Белого.» Однако, слова Кнутова заставляли хорошенько задуматься. Плюс наблюдательность вокзального надзирателя – и мозаика рассыпается. То господин Белый «светится» с сумочкой супруги преподавателя мужской гимназии Помяловского. После – не в меру применяет физическую силу, что никак не соответствует статусу простого чиновника – бумагомарателя. Владимир Сергеевич потёр лоб. Если бы не ответ из Петербурга, он бы и секунды не медлил, арестовал приезжего.

Киселёв настолько ушёл в свои мысли, что забыл про сыщика, что до сих пор топчется перед его столом, тупо глядя в пол.

– Ну, что вы мне не договорили? – Владимир Сергеевич посмотрел на скорбное выражение лица Анисима Ильича и понял: сейчас он услышит вторую, причём, столь же неприятную для него часть сообщения. – Выкладывайте.

Кнутов поднял бледное от волнения лицо.

– Когда он меня... Ну, одним словом, когда я отключился, он, кажется, обыскал меня.

– Кажется, или обыскал?

– Думаю, что да, – выдохнул Анисим Ильич. – У меня документы в кармане лежали совсем иначе. Я, понимаете, сначала кладу портсигар, а уже после бумаги...

– Что за бумаги? – Владимир Сергеевич, глядя, как съёжился сыщик, понял, что напрасно спросил. Можно было догадаться и так. – Насколько я понял, теперь господин Белый знает о том, что за ним следила губернская полиция?

– Совершенно верно, – выдохнул ночной филёр.

– Весело в деревне девки пляшут, – тяжёлая рука полицмейстера с глухим стуком опустилась на кожаный подлокотник кресла. Пауза затянулась.

Сыщик несколько минут переминался с ноги на ногу, потев и боясь вытереть пот со лба. Однако, и терпению приходит конец. Кнутов собрал всего себя в нервный кулак и еле слышно произнёс:

– А документ его проверили? Чистый?

– Да, – нехотя ответил Владимир Сергеевич. – Всё подлинно: и бумага, и печать, и подпись.

Анисим Ильич ещё несколько минут помялся, стоя в дверях, ожидая новых распоряжений, но раз уж начальство молчало, не выдержал и проявил инициативу:

– Разрешите идти?

Киселёв отрицательно мотнул головой.

– Подождите, – полицеймейстер дал себе время продумать некоторые детали разговора. – Вот что, слежку за ним продолжайте. Пока. Но открыто, чтобы наш гость думал, будто вы его охрана. Когда в этом надобность исчезнет, я сообщу. Далее, как только он куда-либо уедет, обыскать его комнату. Но чтоб ни единого следа вашего присутствия не осталось. Ясно?

– Так точно.

– Меня интересует всё. Вплоть до нижнего белья. Но в первую очередь – бумаги. Переписка, документы, записи, счета. Описать и показать мне.

– Понял, – кивнул, соглашаясь, корявый. – Позвольте взять Лубнёва? Он скорописи обучен.

– Ни в коем случае. Не хватало, чтобы дурак по всему городу трепал. Сами справитесь. И ещё, Анисим Ильич, – Киселёв поднял указательный палец правой руки и погрозил им сыщику, впервые за годы совместной службы переходя на «ты». – Не дай Бог, ежели узнаю, что ты хоть малость от меня скрыл и затеял свою игру. В остроге сгною!

Острый кадык Кнутова нервно задёргался.

– Ты знаешь, у меня всегда найдётся, за что тебя туда упечь. Всё понял?

– Да, господин полковник. – сыщик, пятясь, покинул кабинет Киселёва, и пулей вылетел из полицейского управления.

Олег Владимирович скептически осмотрел накрытый стол. Чего только на нём не было! В центре возвышалась фигурная бутылка французского коньяка, вокруг которой разместились холодные и горячие закуски: стерлядь горячего копчения в серебряном блюде, укрытая зеленью. В глубокой тарелке виднелись крупные куски оленины, залитые остро пахнущим соусом. Салаты из помидоров и огурцов, простое, но столь необходимое при изрядном количестве мяса, блюдо. Горячий телячий язык, приготовленный в кислом вине. И, наконец, ради чего, собственно, господин Белый и приехал в «Мичуринскую»: свиные отбивные со шкварками, в орнаменте прожаренных кружочков репчатого лука.

Олег Владимирович с трудом сглотнул набежавшую от изобилия аппетитных запахов голодную слюну, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что одному ему никак не осилить приготовленное.

– Простите, что-то не так? – низкорослый мужичонка в шёлковой, расписанной яркими цветами, рубаше, склонился перед посетителем и изобразил на лице обязательную улыбку.

– Нет, благодарю, – Белый, мысленно махнув на всё рукой, принялся оценивать гастрономическое искусство местного повара. Минут через пять, когда первый голод был утолён, и внутри тела принялись бегать тёплые, одурманивающие волны насыщения, Олег Владимирович неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд. Интуитивно он замедлил движения, выждал несколько секунд, после чего кинул взглядом перед собой. Нет, с этой стороны им никто не интересовался. Занято было два столика. И за обоими публика занималась сама собой. Но Белый чувствовал: за ним, определённо, наблюдали. Левая рука легко, как бы случайно, коснулась ножа, и тот с тонким звоном упал на пол. Половой бросился, было, к ногам постояльца, но Белый его опередил. Он резко наклонился за ножом, чуть повернул голову влево и тут же увидел глаза, которые только что сверлили его спину. Глаза той самой девушки, которую он видел в пролётке. Госпожа Мичурина!. Девушка сидела в кругу весёлой компании.

«Полина...» Олег Владимирович вспомнил и имя красавицы. «Интересно,» – пронеслось в голове постояльца, – «Чем я мог заинтересовать эту особу?»

За спиной раздался смех. Молодые люди расположились вокруг крайнего столика, возле окна. Вместе с госпожой Мичуриной за чашечкой кофе и пирожными коротали время две её подруги, девицы довольно бойкие и весёлые, и четверо молодых людей, двое из коих были офицерами артиллерийского полка. По крайней мере, такой вывод сделал Олег Владимирович по их форме. Двое других, судя по всему, прожигали папенькины деньги, ухлёстывая за

провинциальной красавицей и её приданым. Кто-то из мужчин пустил по кругу очередную шутку, и соседний столик вновь взорвался громким смехом. Самой реплики Олег Владимирович не расслышал, но суть её уловил в последних словах, произнесенных довольно громко, и явно предназначенных для его слуха. Олега Владимировича называли столичным павлином, случайно забредшим в чужой зоопарк!

Белый усмехнулся, протёр нож салфеткой, и принялся резать мясо. Олег Владимирович решил не обращать внимания на поведение молодых людей, тем более, что он и сам в не столь далёкие времена редко упускал случай позубоскалить над кем-нибудь в кругу друзей. Отбивная была превосходна, мясо просто таяло на языке. Коньяк вязко перекачивался во рту, доставляя гурману пьянящее удовольствие. Однако наслаждение недолго сковывало гостя из Петербурга.

Следующая реплика теперь явно предназначалась лично Олегу Владимировичу, потому как была произнесена нарочито громко и отчётливо:

– Интересно, это как же должна умственно работать голова нашего гостя, что в столь молодые годы уже так об лысеть? – девичий смех прервал выступление наглеца, но не остановил его. – Хотя, впрочем, я могу и ошибаться. Вполне возможно, что сия голова работала не умственно, а в любовных утехх на подушках столичных примадонн.

В ответ на эту реплику девицы в притворном возмущении набросились на негодника, одновременно бросая озорные взгляды на господина Белого. Естественно, их занимало, как же отреагирует на слова их приятеля незнакомец.

Олег Владимирович дожевывал кусочек, промакнул рот салфеткой, медленно поднялся и повернулся в сторону компании.

– Прошу прощения, – тихо и спокойно произнёс он, – Что прерываю ваше веселье, но я желаю знать, кто из вас, господа, только что изволил обсуждать мою внешность?

Девушки умолкли и теперь с любопытством смотрели на незнакомца. Один из офицеров небрежно откинулся на спинку стула и, закинув ногу на ногу, произнёс:

– Предположим, я.

Олег Владимирович нахмурился. Ссориться с армейскими чинами, особенно, когда он собирался провести проверку прямо в полках, в его планы никак не входило. Но и давать спуску молодому человеку в погонах штабс-капитана он не собирался. Следовало найти выход из создавшегося положения. И немедленно.

– Господин офицер, – тихо произнёс Белый, – Сей же час принесите извинения, и на этом мы с вами распрощаемся.

«С ним сейчас нельзя говорить на повышенных тонах» – несколько отрешённо подумал Белый о штабс-капитане, одновременно просчитывая все варианты действий.»Ишь, как глаза горят, и замашки, словно у столичной богемы.»

– И не подумаю, – длинные пальцы артиллериста отстукивали на лакированной поверхности стола некую мелодию, напоминающую барабанную дробь.

– Я вас прошу подумать над моим предложением, – ситуация явно заходила в тупик.

– А что в противном случае? – на тщательно выбритом, холёном лице штабс – капитана играла противная ухмылка. – Вы меня вызовете на дуэль?

Девушки с восторгом смотрели то на своего кавалера, то на высокого, слегка худощавого незнакомца в модном чёрном костюме, во время всего диалога стоявшего возле своего стола. Одно дело читать в авантюрных романах о подобных сценах, и совсем другое – присутствовать при таком лично! Игривый взгляд госпожи Мичуриной скользил по фигуре Олега Владимировича, отчего тот почувствовал на спине неприятный озноб. Местная красавица явно испытывала удовольствие от происходящего.

Белый развернулся к столу, небрежно взял серебряный, столовый нож и вновь повернулся к компании.

– Я в последний раз предлагаю вам мир, – Белый бросил взгляд по сторонам. Слава Богу, пока на них никто не обращает внимания. Но сколько это может продолжаться?

– И что, будет дуэль на столовых ножах? – штабс-капитан расхохотался. – Господи, до чего эти гражданские глупы и...

Что хотел сказать офицер после «и», никто так и не узнал. Штабс-капитан не успел двинуться, как в долю секунды нож, которым незнакомец только что резал свиную отбивную, вонзился в стол между большим и указательными пальцами руки офицера. Тупой конец столового прибора пробил скатерть и несколько слоёв лака, войдя в крепкое дубовое дерево, словно в растопленное масло. Рука наглеца мелко задрожала от запоздалого испуга.

А Олег Владимирович, как ни в чём не бывало, повернулся в сторону дочери хозяина заведения и произнёс:

– Прошу прощения за наше с господином штабс-капитаном поведение, и разрешите откланяться.

Молодой человек слегка склонил лысеющую голову в сторону госпожи Мичуриной и её подруг и лёгким, упругим шагом направился к выходу. «Идиот!», – ругал себя в Белый последними словами. «Зачем, зачем выставился? Ведь мог же промолчать, будто ничего не слышал. Мог ведь? Мог! Нет, нужно было выпендриться!»

Олег Владимирович с силой хлопнул себя по колену, что, впрочем, не особо помогло успокоиться, и приказал кучеру править к казначейству.

Впрочем, Олегу Владимировичу, не смотря на происшедшее, пообедать всё-таки удалось. А вот Владимиру Сергеевичу Киселёву в тот день кусок в горло не лез. В который раз полицмейстер перечитывал телеграфное уведомление из Петербурга и в который раз ломал голову над вопросом: для чего, дьявол его дери, прислали в Благовещенск этого молокососа? Всего второй день сопляк в городе, а всё руководство полиции начало терять покой и самообладание.

Полчаса назад Киселёву позвонил глава казначейства и сообщил, что инспекция из Петербурга приступила к проверкам. Владимир Иванович перечислил документы, которые потребовал предоставить для проверки господин Белый. Главу полицейского ведомства удивляло то, что, помимо чисто прямых финансовых отчётов о перечислениях средств на нужды армейских и полицейских формирований, проверяющий проявил заинтересованность к окладам офицерского состава и чиновников его управления. Эти-то бумаги для чего ему? Владимир Сергеевич прекрасно знал, если кое-какие делишки и прокручиваются с государственными средствами, то только не по данной бухгалтерии. Ещё не нашлось в России идиота, который бы нарушил табель о рангах. Это примерно то же, что самому себе выкопать яму, и живьём себя похоронить.

Ушаков Владимир Иванович тоже был крайне удивлён данным обстоятельством. Тем более, что к Белому, по просьбе Киселёва, он приставил самого опытного работника, который полдня внимательно наблюдал, как петербургский мальчишка тщательно переписывал данные именно из тех самых папок, в то время, как остальные только бегло просматривал. К тому же произошедший меж ними странный разговор об игорных домах, переданный Ушакову стариком, вносил новую окраску в сферу деятельности господина Белого.

Владимир Сергеевич поднялся из-за стола и прошёл к телефонному аппарату, висевшему на стенном проёме между окнами, выходящими на Большую улицу. По пыльной дороге прошла колонна солдат под руководством двух унтеров. В руках служивые несли сменную одежду и по куску мыла. Две роты артиллеристов вели в баню. Владимир Сергеевич с раздражением дёрнул за шёлковый шнур, и гардины мягко опустились к полу, закрывая вид из окна. Киселёв поднял мембрану, в которую следовало говорить, и покрутил ручку телефонного аппарата. Спустя несколько секунд его соединили с домом губернатора. Алексея Дмитриевича в родных

пенатах не оказалось, что, однако, нисколько не смутило начальника полиции. Он попросил супругу губернатора передать, что сегодня вечером всенепременно нанесёт визит к Его Превосходительству, и не один, а со столичным гостем, и добавил, что очень бы хотел аудиенции с Алексеем Дмитриевичем один на один, без всякого рода помощников и секретарей.

После телефонных переговоров Киселёв вернулся к беспокойной мысли: «С чем же вы к нам приехали, господин титулярный советник? Неужели для того, чтобы сместить кого-то с занимаемой должности? А что? Вполне возможно.

Когда кто-либо из чиновников, попавших в Благовещенск не по своему желанию, а только по воле вышестоящего руководства, начинал жаловаться на превратности судьбы и скулить по поводу того, что, мол, злая доля закинула их чуть ли не на край света, Владимир Сергеевич таких моментально останавливал единственной фразой. «Благовещенск – это ещё не край света,» – говаривал он в таких случаях, – «В Российской империи имеются места куда более отдалённые, и в которые ссылают неугодных не только из столицы, но и из Амурской губернии. К примеру, Сахалин. Или, тем паче, Камчатка.» После подобного аргумента расстроенный собеседник в момент преображался. Явно представляя себе все перспективы жизни вне нормальной цивилизации и культурного общества, каковое в Благовещенске всё-таки имелось. Теперь, судя по всему, ситуация складывалась так, что над головой самого начальника полиции навис дамоклов меч правосудия. А как всё хорошо шло восемь лет...

Однако, начальник губернской полиции жил не по принципу: сколько верёвочке ни виться... Нет, Владимир Сергеевич просто так сдаваться не собирался.

Что ж, господин Белый, – мысленно обращался он к своему отсутствующему визави, – Если вы ищете для отчётности неблагонадёжные личности, мы вам их предоставим. Не сразу. Зачем торопить события? Сначала следует убедиться, что вы в действительности прибыли к нам именно с такой целью: найти козлов отпущения, а не докапываться до финансовых прокруток промеж чинов государственных и местного купечества. И если предположение подтвердится, то вы, Олег Владимирович, повезёте в столицу не только прекрасный отчёт о выполненной работе, но и, в придачу пару – тройку свидетелей состава преступления. А с таким багажом можно и по служебной линии продвинуться. И уж кто-кто, а столичный хлыщ это должен тонко прочувствовать.

Владимир Сергеевич слегка потянулся, широко зевнул. Может, даст Бог, он хоть сегодня выпитися, а то с приездом инспекции сон в последнюю ночь что-то к нему никак не шёл.

Как только гость из столицы спрыгнул с пролётки и вошёл в двери губернского казначейства, к извозчику тут же подошёл стоявший на противоположной стороне улицы Анисим Ильич Кнутов.

– Рассказывай, – без какого-либо приветствия, тут же обратился он к хозяину гужевого транспорта, – Где были? Чем твой пассажир занимался? Может, говорил о чём-нибудь? И детали, детали не упускай.

– Так, Анисим Ильич, рассказывать мне пока что нечего. Как вы приказали, утром я их благородие встретил. Ехали до казначейства молча. Потом ждал. Вот на обед съездили, в «Мичуринскую». Теперь назад приказали привезти. И всё.

– И что, всё время молчал?

– Так точно, ваше благородь!

– Понятно. – протянул Анисим Ильич и нервно почесал до синевы выбритую шею. – О завтрашнем дне, хотя бы вскользь, хоть что-нибудь говорилось?

– Да, вроде, нет. – промычал извозчик.

– «Вроде, да как...» – передразнил мужика сыщик. – Запоминать надо, коли тебя на столь ответственное дело приставили.

– Так, ваше благородь, я же говорю, молчали они всё время. А если что и бормотали, то так тихо, что я и разобрать не мог.

– А ты в следующий раз смоги! – Взорвался Кнутов и сплюнул на дорожную пыль. – Завтра доложишь мне, что да как. Постарайся войти в доверие к нему. Разговори его. Что мне, научить тебя, как это делается?

– Да нет, ваше благородь. Мы сами, как-нибудь, – кучер стянул с головы картуз, вытер рукавом рубахи вспотевший лоб, и, видимо собравшись с духом, негромко проговорил. – Разрешите, Анисим Ильич, поделиться с вами некоторыми сомнениями.

Сыщик бросил взгляд на казначейство и утвердительно кивнул головой.

– Тут такое дело, – начал рассказ мужик. – В «Мичуринскую» его благородие ехали в очень хорошем расположении. Ну, в таком, когда у мужика всё складывается хорошо.

– И... – с нетерпением вставил реплику Кнутов.

– А возвращался он совсем в другом состоянии.

– В каком другом?

– Да будто его там неприветливо встретили. Хмурые они вышли из «Мичуринской». Злые.

– Ругался, что ли?

– Да нет. Не ругались. Наоборот, всю дорогу молчали. Но я-то чувствую, когда у человека на душе легко, а когда кошки скребут. Так вот, у их благородия было настроение, будто либо ему гадость сделали, либо он совершил такое, за что потом винил себя.

– А ты сам не заглядывал в «Мичуринскую»?

– Как можно? – с удивлением ответил извозчик. – Нам туда дорога заказана.

– Значит, кто помимо нашего гостя там присутствовал, ты не видел?

– В том то и дело, что видеть не видел, но подозрения высказать могу. У входа в «Мичуринскую» дрожки стояли, всему городу известные. Чёрные, лакировка свежая, европейского образцу...

– Дочери Кириллы Игнатьевича?

– Совершенно верно-с. Вот она-то, скорее всего, может дать ответ на вопрос, что нашему молодцу так подпортило настроение.

– Ну вот, – Анисим Ильич осклабился, – а ты говорил: ничего не заметил, ничего не услышал... Оказывается, можешь, когда хочешь. Что-нибудь ещё приметил?

– Нет, ваше благородь!

– Что ж, тогда я в «Мичуринскую». А ты жди. И ежели что, тревожь. Даже ночью.

Олег Владимирович стремительно, переступая через две ступеньки, поднялся на второй этаж городского казначейства, прошёл к своему кабинету и, без предупреждения, распахнул дверь. Ермолай Константинович отсутствовал. Белый, всё ещё находясь в раздражении, вошёл во внутрь, тщательно осмотрел оставленные на столе бумаги, после чего облегчённо опустился на стул и удовлетворённо хмыкнул. Как он и предполагал, старик внимательно перелистал всё, над чем Олег Владимирович работал в течение четырёх часов. И, естественно, побежал к начальству, на доклад.

«Да, господа провинциальные чиновники,» – инспектор из Петербурга вновь поднялся на ноги, подошёл к окну, распахнул его створки и с наслаждением втянул в лёгкие свежий, дурманящий воздух. – «Могу только себе представить, как у вас теперь трещит голова от загадок, которые я вам подсунул. По логике, следующий шаг теперь должен, нет, просто обязан сделать господин Киселёв, представив меня губернатору. А иначе нельзя никак. Иначе – тупик.»

Белый достал из кармана жилета луковичу часов завода Павла Буре. Двадцать минут четвёртого. «Отлично,» – тихо, чуть ли не в нос, произнёс Олег Владимирович. «Господин Киселёв, а, я к встрече готов. И даю вам час на то, чтобы вы меня пригласили. Впрочем, нет, час

многовато. Даю вам полчаса. Поспешите, поторопитесь, Владимир Сергеевич! Хватит раздумывать над моими действиями. Приступите к своим. Пора сделать ход, как вы недавно изволили выразиться, на вашей простой шахматной доске.»

За дверью послышались шаркающие шаги Ермолая Константиновича. Белый, услышав их, торопливо схватил в руки первые попавшиеся листы, испещрённые цифрами и таблицами, и принял вид, будто внимательно вчитывается в содержимое.

А Полина Кирилловна Мичурина, неожиданно почувствовав некоторое недомогание, покинула подруг, отказав навязчивому штабс-капитану в просьбе проводить её до дому. Уже сидя в пролётке она призналась себе, что поведение незнакомого молодого человека её взволновало до глубины души. Нет, девушку привело в восторг не самообладание незнакомца. Тем более, ей не понравилась его реакция. Полину Кирилловну потрясло совсем иное. То, к чему она не привыкла. в силу своей избалованности: молодой человек не обратил на неё внимания. Его прощальная фраза была не в счёт. Он общался с ней так, будто пред ним сидела барышня неопределённого возраста: почтительно, уважительно и безразлично. Полина Кирилловна глубокоим, женским нутром чувствовала, что петербургский повеса пренебрежительно её проигнорировал. Её, ту, на кого молилась едва ли не большая часть мужского населения города!.. Ту, которой чуть ли не ежедневно признавались в любви офицеры и студенты, чиновники и купеческие сынки, молодые и старые. Ту, которая отказывала им всем, одним смеясь в лицо, другим, предлагая вместо любви дружеские отношения. Ту, для которой...

Странные чувства захлестнули Полину Кирилловну. Чувства, ранее ей не ведомые, доселе не испытанные, не понятные и не приятные. Девушка вскочила на ноги, резко развернулась, схватила с подушки сиденья привезённый из Англии и случайно забытый отцом стек и хлестнула им по плечу ни в чём не повинного кучера.

— Что плетёшься, как сонная муха? Давай, гони!

Вторично повторять не пришлось. Хлыст вмиг ожег круп лошади, та от боли мотнула головой, и пролётка понеслась вдоль широкой, почти безлюдной улицы, оставляя за собой клубы тёмной, тяжело оседающей пыли, унося в неизвестность растревоженную девичью гордость.

Глава четвёртая

*Фигуры Дафнис высыпал, и в строй
Бойцов поставил двух противных войск.
Агат и кость слоновою блестят,
Шестнадцать в каждом лагере солдат.
Различны положенье, имена,
И сила их друг другу не равна.
"Скажи, о муза, – Зевс глядит с небес, —
Кто так расположил их на доске!?"*

(Уильям Джонс, "Каисса" (1763))

Анисим Ильич Кнутов оправил полы сюртука и толкнул рукой дверь, ведущую в гостиницу господина Мичурина. Та распахнулась без единого звука. Анисим Ильич удовлетворённо хмыкнул: он терпеть не мог, когда что-либо скрипело, трещало, свистело, одним словом, своим звучанием выводило его из равновесия.

Гостиничная прислуга тут же со всех ног бросилась к новому посетителю, тем паче, что одного, и его привычки, они прекрасно знали.

– Анисим Ильич... – запел старший из слуг с правой стороны сыщика.

– Как мы рады вас лицезреть! – тошнотворно прошелестело с левой щеки Кнутова.

– Чего изволите? – не унималась правая сторона. – Имеется в наличии балычок. Свеженький!

– А Дмитрич приготовил отбивные! Как вы любите – со шкварками! – исторгала словословие левая сторона. – Вкуснота первостепеннейшая!

– Да под водочку!

– Да с хреном и горчичкой...

Анисим Ильич оттолкнул навязчивого полового и прошёл в центр зала.

Ресторация господина Мичурина являла собой небольшое по размерам помещение, в котором хозяин разместил на небольшом расстоянии друг от друга два десятка столов, перед которыми стояли по четыре стула с мягкой ситцевой обивкой. Самыми популярными в заведении считались места перед окнами, занавешенными тяжёлыми атласными гардинами. Об этом Анисим Ильич знал по личному опыту, так как имел счастье неоднократно посещать «Мичуринскую» с некоторыми незамужними девицами, имеющими сомнительную репутацию. Вот и теперь он непроизвольно бросил взгляд на три самых популярных столика, но никого за ними не увидел. Кнутов резко развернулся, быстро оглядел зал, но знакомую фигурку дочери хозяйина заведения не было видно.

– Мне сказали, к вам сегодня навевывалась Полина Кирилловна? – Кнутов ткнул указательным пальцем в грудь любителя отбивных с горчицей.

– Так точно. – неожиданно по-военному, ответил тот. – Были-с. Но уехали. Минут как десять тому.

– С кем были?

– Так, с подругами. И с господами офицерами, из артиллерийского полка.

– Со штабс-капитаном, небось? – вяло поинтересовался Анисим Ильич.

– Так точно-с. С ними-с!

– И куда она с офицерами поехала?

– Так нет, Анисим Ильич, – встрял в разговор второй слуга. – Они сами покинули заведение. Одни! Господа офицеры с подругами уехали от нас без неё!

– Странно. – сыщик изобразил на лице недоумение. – Редкостное событие: Полина Кирилловна поссорилась со своим бомондом?

– Никак нет-с, – слуга перешёл на шёпот. – Никто не ссорился. Причиной столь скорого отъезда Полины Кирилловны стало поведение нашего нового постояльца.

– Это, того, что прибыл из столицы? – показал информированность Кнутов.

– Совершенно верно! – теперь Анисиму Ильичу шептали во второе ухо. – Очень странный молодой человек. Приехал пообедать, а в результате за каких-то несколько минут сумел поссориться с господином штабс-капитаном.

– Причина ссоры? – Кнутов даже не знал, к кому из двоих прилебателей отнести вопрос, и потому произнёс его громко вслух. – Кто первый начал? С чего?

– Не могу знать! – ответил дрожащим голосом тот, что стоял слева.

– Мне так кажется, – внёс свою лепту в разговор второй слуга, – что причиной ссоры были, всё-таки, господа военные. Однако, реакция господина из двадцать шестого номера просто потрясла нас. Представьте себе, Анисим Ильич, он сумел вогнать серебряный столовый нож в столешницу!

– Мы его, то есть нож, потом минут десять не могли вытащить. Лезвие чуть ли не в гармошку согнулось, – пожаловался любитель балыка.

– А нож-то чуть не попал в руку господина штабс-капитана! – любитель отбивных положил свою руку на стол и наглядно показал, куда угодил нож, брошенный постояльцем. – Вот, промеж этих самых пальцев он и воткнулся! Господина офицера аж в пот бросило от волнения.

– И что? – поинтересовался Анисим Ильич. Конечно, ситуация была довольно оригинальная, но для сыщика не столь неожиданная, учитывая, как господин Белый разделался с ним самим вчерашним вечером. Кнутов даже причмокнул от удовольствия. Наконец-то, хоть кто-то сумел приструнить господ артиллеристов. А то совсем обнаглели, как прибыли в Благовещенск. Считают, что с их приездом город должен буквально стелиться от счастья. – Полина Кирилловна перепугались?

– Если бы! – зашептали с правой стороны. – Как мне кажется, совсем наоборот! Я не слышал, что они сказали подругам, но после их отъезда настроение господина штабс-капитана вовсе испортилось.

– Мы так думаем, наш постоялец произвёл на госпожу Мичурину очень приятственное впечатление! – прошептали с левой стороны.

– И нам кажется...

– Всё, довольно! – оборвал мичуринских слуг сыщик. – Все остальные соображения оставьте при себе. А теперь к делу. Кто обслуживал вчера постояльца из двадцать шестого номера?

– Как кто? – чуть ли не с удивлением произнёс тот, что стоял слева. – Митька, Томкин сынок. Ну, той, что прибирает в номерах.

Кнутов понятия не имел, кто такая Томка, но виду не подал, а только добавил:

– Где он сейчас?

– Да, наверное, матери помогает.

– Мухой его ко мне! – приказал Анисим Ильич, впрочем, ни на что особо из разговора с мальчишкой не рассчитывая. – И отбивные подайте.

– А водочку-с? – с надеждой в голосе проговорил слуга.

– После. Вечером. – Кнутов кинул на стол котелок, и упал на стул, вытянув длинные ноги. – И ещё. Предупреди Дмитрия, пусть на ужин приготовит уху. И чтоб перцу побольше! Как я люблю.

Дом военного губернатора располагался в довольно живописном месте. На берегу Амура, внутри городского парка, недалеко от театра господина Роганова, самого популярного в городе заведения. Особняк губернатора состоял из двух фасадов. Левый, главный, как догадался Олег Владимирович по количеству освещённых окон и каменному крыльцу, выходил в сторону парковой зоны. Именно в нём находились кабинет господина Баленского, приёмная, библиотека, зала для гостей. Правый фасад смотрел на реку, и выполнял бытовые функции. Там помещались спальни, столовая, игровая комнаты.

Дыхание молодого человека перехватило. Где-то там, внутри этого солидного, двухэтажного, каменного, и всё-таки довольно простого, в сравнении со строениями Петербурга, здания скрывалась та незнакомка, которая заставила трепетать его доселе спокойное сердце. Губы молодого человека вмиг пересохли. Как бы хотелось её увидеть вновь! Нервная дрожь прошла по всему телу, в предчувствии встречи. Впрочем, тут же подумалось Олегу Владимировичу, девушка могла и не быть дома. Находиться где-нибудь у подруг. Да мало ли! Любой вариант Олег Владимирович не исключал. А потому, он собрал всю волю в кулак, спрыгнул с дрожек на землю, подождал, когда Владимир Сергеевич Киселёв первым проследует к дому губернатора, и направился следом за ним к центральному входу в здание, обрамлённому двумя рядами колонн дорического стиля.

Алексей Дмитриевич явно ждал прибытия гостя из столицы. Генерал – лейтенант надел парадный мундир, в коем Владимир Сергеевич видел военного губернатора за четыре года знакомства раз, наверное, восьмой. Да и то по причине празднований и торжеств. А вот так, в домашней обстановке, при мундире Баленского полицмейстер видел впервые.

На шее и груди Алексея Дмитриевича горделиво расположились ордена Святого Владимира 3-й и 4-й степеней, ордена Святой Анны трёх степеней, и орден Святого Станислава третьей степени.

Олег Владимирович с искренним любопытством рассматривал главу Амурской губернии. Статный, высокий, подтянутый, с роскошной, окладистой бородой, седовласый, Алексей Дмитриевич явно импонировал столичному гостю. Олег Владимирович тут же отметил скромность губернатора. На груди господина Баленского, вспомнил Белый, отсутствовали медали, которые губернатор по какой-то причине сегодня не надел. В частности, тёмно – бронзовую медаль, коею Алексей Дмитриевич был награждён лично из рук государя, 15 мая 1883 года, в честь коронавания Их Императорского Величества. Не было видно и памятной медали в честь коронавания императора Александра III. Что уж тут было говорить о медали за труды ратные Алексея Дмитриевича в деле всеобщей переписи населения в 1897 году.

Пока Алексей Дмитриевич провожал гостей наверх, в свои апартаменты, Олег Владимирович мысленно перелистал досье на Амурского губернатора, с которым успел познакомиться в Петербурге и мысленно воспроизвёл те данные, которые запомнил его натренированный мозг.

Баленский Алексей Дмитриевич был назначен военным губернатором Амурской области 14 апреля 1897 года. До этого занимал должность начальника штаба 15-го армейского корпуса, был начальником штаба Брест-Литовской крепости. Исполнитель. Верой и правдой служит царю и Отечеству.

Белый невольно улыбнулся: сегодня, в этом доме его явно ждал какой-то подвох. Дело в том, что в личном деле генерал-лейтенанта говорилось о многом, но никоим образом не упоминалось о преклонении Алексея Дмитриевича пред любыми чинами, насколько высоки бы они ни были. Характер генерал-губернатор имел в некоторой степени неуравновешенный и горделивый. Впрочем, с некоторых пор род Баленских гордыню-то поумерил.

Официальная версия перевода Алексея Дмитриевича в Благовещенск состояла в повышении по табели о рангах. Но истинная причина отправки генерал – лейтенанта в один из самых отдалённых уголков империи заключалась в двоюродном племяннике губернатора, эсере – народовольце, который имел наглость вместе с поделниками организовать покуше-

ние на Московского градоначальника, князя Растопчина. Здесь, в Благовещенске об участии родственника губернатора в той истории никто не знал. Губернский полицмейстер – тоже. Но Белого перед отъездом посвятили в «семейную тайну» господина Баленского. Досье на генерала Олегу Владимировичу в Петербурге показали специально, на тот случай, ежели губернатор не станет оказывать посильную помощь, или чинить всякого рода препоны.

Алексей Дмитриевич, дружески улыбаясь, проводил гостей в кабине, и предложил присесть в специально приготовленные кресла возле небольшого антикварного столика, на котором стояли прохладительные напитки.

– Угощайтесь, господа. – губернатор первым налил в свой бокал немного вина. – Итак, Олег Владимирович, разрешите полюбопытствовать, как дела у вас там, в столице? Как вы понимаете, мы находимся далековато от западной цивилизации, а потому проглатываем любую информацию оттуда.

– Как говорил Александр Сергеевич: «за морем житьё не худо...». – Олег Владимирович держал спину ровно, словно сидел перед преподавателем в академии и сдавал экзамен. – Ну, а чудес в столице давненько не бывало. Я так полагаю, вернись вы сейчас в Петербург, у вас бы сложилось впечатление, будто вы его и не покидали.

– Так ли? И жизнь не кипит? – удивления в голосе губернатора Белый не услышал. Потому, как и до переезда в Амурскую область Алексей Дмитриевич своими посещениями Петербург особо не баловал. Об этом Олег Владимирович тоже был заранее проинформирован.

– Чему же там кипеть? Балы стали проводить крайне редко. Теперь в моде больше салуны, и аристократические вечера. Как я их называю, кружки по интересам. Довольно нудная, скажу вам, вещица. Это то, что происходит в нашем обществе. А если брать в целом, картина будет такова. Мастерская голытьба начала распоясываться. Взяли моду устраивать какие-то забастовки, стачки. Повсюду высказывать недовольство жизнью. Надеюсь, у вас такого не наблюдается?

– Да откуда? Бог миловал. Это там они, то есть политические, смелые. А как к нам попадают, то сразу смиренными становятся. Законопослушными.

– Это радует. Школы в столице объявились, для так называемой рабочей молодёжи.

– А вот это дело похвальное, – вставил Киселёв, взглянув на губернатора. – Хоть кулаки по пьянке распускать не станут. А то как праздник, то мордобой. Спасу нет.

– Я тоже так считал. А после мнение поменял. Распускает мужичьё кулаки, и ещё как, не смотря на то, что и ходит в ту самую школу. – Белый хотел, было, наполнить свой бокал, но передумал. Ему позднее предстояло на досуге посидеть, поразмыслить, проанализировать последние события, а для этого требовалась свежая голова, наполненная трезвыми мыслями. – А ещё, простите, дрянь всякую принимают читать. Навроде, господина Каутского. Начитываются, и свои тренированные, только теперь уже в некотором роде, образованные, кулаки пускают в ход. Но не по пьянке, а, так сказать, по убеждениям.

– Сие нам знакомо, – вставил реплику генерал – губернатор. – Таких ссыльных грамотеев у нас пруд пруди. Да в основном из интеллигенции.

– А вот теперь ожидайте и ссыльный пролетариат, – столичный чиновник бегло осматривал кабинет. – Нет, господа, нашего мужика не переделаешь.

Алексей Дмитриевич удовлетворённо покачал головой. Правда и для Киселёва, и для Белого было непонятно, то ли он согласен с последним высказыванием гостя, то ли ему по вкусу пришёлся напиток, только что выпитый им.

– Впрочем, – губернатор вновь наполнил бокал. – Давайте вернёмся к тому, что касается непосредственно нас. Итак, Олег Владимирович, мне доложили, что вы уже приступили к проверке?

– Так точно, ваше сиятельство! – Белый вскочил на ноги. Хозяин мягким жестом вернул его на место.

– Экий вы пряткий! – довольная улыбка промелькнула на лице чиновника. – Вот что значит молодость! Вы, Олег Владимирович, в моём доме привыкайте называть меня по имени – отчеству. Я это говорю не для красного словца, а для пользы дела. Ежели мы постоянно будем «выкаться» да вскакивать, по делу и без дела, то, поверьте старику, работа продвинется на толщину ногтя моего мизинца. А потому, Олег Владимирович, проинформируйте нас, что вы успели за сегодняшний день, разузнать, или, если хотите, отыскать в запыленных финансовых томах нашего Казначейства?

– Кстати, – добавил Владимир Сергеевич пряча глаза, чтобы те не выдали состояние его торжества, – расскажите, если, конечно, сей факт не является секретом, к чему вам понадобились ведомости о жаловании офицерского состава? Признаться, это меня очень даже удивило. Вы, я надеюсь, не разочаровались в том, что нам приходится контактировать с казначейством. А как же иначе? Мы-то вроде и должны быть спокойны, однако ж, проверка есть проверка. Или вы предполагаете, что мы неправильно начисляем жалование?

Олег Владимирович оправил полы сюртука и внутренне напрягся. А полицмейстер-то не простак! Такого хода он никак не ожидал. Эка Киселёв ловко открыл карты! Мол, мы с вами откровенны, будьте любезны и вы отвечать взаимностью. Делать нечего, придётся делать шаг откровения.

– Начну с того, что я не разочарован вашими действиями, Владимир Сергеевич. Мне наоборот, стало бы непонятно, если бы вы не заинтересовались моей работой. Тогда я заподозрил бы неладное. Но вернёмся к вашему вопросу. Признаюсь, на данный момент чего-либо криминального я не обнаружил в тех документах, которые мне предоставили в казначействе. Конечно, имеются некоторые неточности. Но для того, чтобы инкриминировать что-либо по ним, необходима детальная проверка на местах. В частности, артиллерийский полк, прибывший в Благовещенск в апреле сего года, который заключил договор о поставке продовольствия и обмундирования только с одним-единственным поставщиком. Неким, господином Мичуриным.

– Простите, – губернатор улыбнулся, – Но в этом-то как раз ничего криминального и нет. Кирилла Игнатьевич Мичурин является, я бы сказал, динозавром амурской торговли. Он первый в амурском купечестве. Опять же, создал шорную мастерскую, отстроил кирпичный завод. В Китае его хорошо знают. Мичурин – это имя. Так сказать, знак качества. Вы со мной согласны, Владимир Сергеевич?

Киселёв утвердительно кивнул головой, и продолжил мысль губернатора:

– У нас в городе работает множество торговых учреждений. Некоторые, естественно, конкурируют с господином Мичуриным. Однако, на данный момент, они во многом ему уступают. Тем более, насколько мне известно, с ним подписаны не все договора. Мебель для артиллерийского полка предоставило торговое сообщество Алексеева.

– Да, – согласился Олег Владимирович. – Я внимательно ознакомился с документами. На строительство и ремонт казарменных помещений, складов и штаба подписали соглашение с господином Шадриним. По фуражному обеспечению – с господами Бубновыми.

– Это с молоканами-то? – показал некоторую информированность в делах артиллерийского полка губернатор, из чего Белый сделал вывод, что не со всем, что происходит в городе, Алексей Дмитриевич ознакомлен.

– Что значит, с молоканами? – переспросил Олег Владимирович, с недоумением глядя на начальника губернской полиции.

– Иноверцы, – с тяжестью в голосе выдохнул Владимир Сергеевич. Вот тебе, Господи, потянул же губернатора за язык! Не хватало ещё, чтобы в Петербурге заговорили о том, будто в доверенной ему губернии процветает сектантство.

– То есть, как – иноверцы? – Белый прочувствовал состояние собеседника, и теперь решил добавить того. Впрочем, Владимир Сергеевич и не сопротивлялся, про себя решив, что получать шишки сверху в любом случае он будет не в одиночестве.

– Да они, вроде, как и христиане, только церковь не признают. Молятся по своим домам. Обряды какие-то совершают.

– С жертвоприношениями?

– Что? – Киселёв вскинул взгляд на столичного гостя, и неожиданно увидел, что тот улыбается. «Вот, дьявол, поймал-таки меня,» – сам в душе рассмеялся полицмейстер.

– Вот видите, – Олег Владимирович посмотрел на губернатора, – Потому мне и необходимо всё проверить на месте. А вдруг эти, как вы их назвали, молококане, вместо отличного корма для лошадей, на самом деле поставляют негодное фуражное зерно? И полковая канцелярия сей факт прикрывает? Вот вас заинтересовало, почему я просмотрел ведомости, по которым господа офицеры, и не только они, получают жалование. А ведь и в них можно найти прелюбопытную информацию.

– И что вы там обнаружили? – поинтересовался Киселёв. Наконец-то коснулись столь интересовавшей его темы. – Кому-то выплатили не по чину? Или наоборот, не додали?

– Простите, Владимир Сергеевич, – Белый наклонился в сторону полицмейстера, – Но я бы на вашем месте столь иронично к моей проверке не относился. Жалование в вашей губернии всем выплачивается именно так, как полагается. Здесь волноваться не о чем. Но имеется одна любопытная деталь, которая привлекла моё внимание. К примеру, все соглашения с господином Мичуриным подписывало только одно лицо. Поручик Рыбкин, Станислав Валерианович. Хотя в полковом казначействе служат два человека, и он не является начальником этого отдела. Притом оклад господина Рыбкина составляет девяносто два рубля. А вдруг сей Рыбкин получил взятку за договор только с одним господином Мичуриным? Вы такой факт исключаете? Лично я – нет!

– А я исключаю, – Киселёв откинулся на спинку кресла. Ответу столичного чиновника он не поверил. По одной причине. Старик из казначейства сообщил, что Белый просматривал ведомости только казачьих, артиллерийского и кавалерийского полков, расквартированных в Благовещенске. Столичный чиновник, непонятно почему, отложил документацию, которая касалась воинских частей, находящихся в других селениях области. То есть, его интересовал только областной центр. Это касалось и полицейского департамента. Столичный молокосос определённо что-то скрывает, думал про себя Владимир Сергеевич. Ну, да ничего, и не таких обламывали. Никуда не денется. Проговорится. Между тем, Киселёв продолжил. – Интересующий вас Станислав Валерианович Рыбкин есть не кто иной, как самый преданный воздыхатель Полины Кирилловны Мичуриной. Дочери нашего многоуважаемого земляка. И хозяина гостиницы, в коей вы имеете счастье проживать.

«Уж не тот ли это поручик-артиллерист, Что был в ресторане со штабс-капитаном?» – Белый вспомнил недавнее происшествие и слегка заметно тряхнул головой. Да уж, если подобные совпадения имеют место даже в столице, то в столь небольшом городке им происходить сам Бог велел. От неприятных размышлений его отвлек голос губернатора.

– Это – рифмоплёт, который постоянно выступает в нашей газете, и на увеселительных мероприятиях, организованных моей дочерью?

– Совершенно верно, ваше высокопревосходительство, – ответил Киселёв.

– М-да, – протянул паузу Алексей Дмитриевич. – Прелюбопытно. Однако, – генерал-лейтенант повернулся в сторону Олега Владимировича. – любовь не есть тот фактор, который должен вас остановить в продолжении своего расследования. – Губернатор тронул гостя за рукав, – Знаете, когда я приехал четыре года тому назад в этот край, то нашёл его совершенно запущенным. Ничего не могу сказать плохого о моём предшественнике, однако так довести город и близлежащие поселения... Уметь надо! Обладать талантом! И с чего, как вы думаете, я начал?

– С инспекционной проверки? – высказал предположение Белый.

– Совершенно верно! Именно с неё! – Алексей Дмитриевич поднялся с места, подождал, когда его примеру последуют гости, подхватил Белого под руку и повёл к лестнице, на ходу рассказывая о своих первых днях в должности губернатора.

Олег Владимирович слушал впол-уха. Он прекрасно знал историю приезда Баленского в область. Также инспектору было известно и о том, что его предшественник, Дмитрий Арсеньевич Гаврилов, как раз наоборот, сделал очень даже много для развития далёкого, российского края. Именно при нём в Амурскую область переселили из Европейской части империи более тринадцати тысяч крестьянских и казачьих душ для развития края и несения пограничной службы. Именно при нём Благовещенск приобрёл более-менее благоустроенный вид. И именно Дмитрий Арсеньевич произвёл первую мобилизацию в войска в области пять лет назад, в связи с началом китайско-японской войны. Так что негодовать на предшественников Алексею Дмитриевичу по большому счёту не приходилось. Но такова наша славянская натура. Превознести себя, при этом унижая других. Тем паче, в их отсутствие.

Владимир Сергеевич медленно ступал вслед за увлечённой беседой парочкой, заложив руки за спину, и размышлял над тем, как теперь ему вернуть беседу в нужное русло. Губернатор, судя по всему, согласие на инспекцию полков Белому даст. Да и как не дать, инспектор, всё-таки, потом греха не оберёшься. Такое наиспектирует... Действительно, достаточно проверить фуражное зерно. Молокосос пальцем не в небо, а в «десятку» попал. В целом-то зерно в полк поступало неплохое, но последняя партия, мягко говоря, имела вид неудобоваримый. В другой момент он, как это бывало в подобных случаях, к примеру в казачьем полку, сделал бы вид, будто произвёл самостоятельную инспекционную проверку, взгрел бы по первое число и братьев-молокан, и штабистов, в лице штабс-капитана Ланкина. После чего, естественно, дело дальше бы не пошло, а он сохранил, опять таки «бы», личный интерес. Теперь же следовало вести себя крайне осторожно. Сей столичный хлыщ может такого нарыть! И открыто действовать нельзя, и бездействовать невозможно. Советник уедет, а ему дальше жить. Подведёт своих людишек сегодня, не поверят завтра. Дилемма.

Алексей Дмитриевич тем временем проводил гостя на первый этаж и жестом указал на двери, ведущие в гостиную.

– А теперь, Олег Владимирович, разрешите познакомить вас с моим семейством.

Двери распахнулись, и сердце молодого человека затрепыхалось, словно воробей, которого схватили крепкие детские ручки. В глубине залы, пред высоким, до самого потолка, зеркалом стояла она, та самая незнакомка, которую Олег Владимирович имел счастье видеть в магазине со столь любопытным названием: «Кунст и Альберс».

Анисим Ильич Кнутов с удовольствием, изредка прикрывая глаза, поглядывал на проходящих по деревянному тротуару девиц, и наслаждался столь приятным занятием. Сегодня ему явно фартило.

Мальчишка-слуга из «Мичуринской» оказался намного наблюдательнее, нежели те два остолопа, что приветствовали его в дверях ресторации. В отличие от своих старших собратьев по цеху, тот сумел разглядеть, что причиной ссоры стал не постоялец их гостиницы, а компания дочки хозяина. Именно мальчишка видел, как приезжий гость держал в руке столовый нож, и как вогнал его в лакированную столешницу. Плюс ко всему, пацан вспомнил и о причудах приезжего. В частности – о двери, на которой тот спит. Мелочь, казалось бы, да только столичные чиновники отдыхают на пуховиках, в мягких кроватках. А вот твёрдую поверхность предпочитают люди военные, привычные к более жёстким условиям жизни. Малюсенький факт наводил на большие размышления.

Вечерело. Солнце скрылось за сопками. Жара спала.

Навстречу пролётке Анисима Ильича прошла довольно миловидная краля, явно из прислуги, которая, быстро стрельнув в его сторону взглядом, тут же зарделась и пошла быстрее. Великолепное настроение Кнутова взлетело до небес. Он несколько раз оглянулся вслед девушке, хотел, было, приказать извозчику остановиться, но та неожиданно свернула за угол. Анисим Ильич щёлкнул языком, и сказал самому себе, что через денёк – другой обязательно вернётся к углу Амурской и Станичной и выяснит, в каком доме служит сия мадемуазель. Глядишь, и мимолётный, ни к чему не обязывающий романчик случится.

Кнутов проживал в одиночестве. Это его нисколько не смущало. В своё время, даже для него было наилучшим, что он мог в те дни желать.

Анисим Ильич был, как говорится, сыскарем от Бога. Недаром в столичном департаменте уголовной полиции его считали одним из наиболее перспективных сотрудников. За какое бы дело ни брался Кнутов, он доводил его до конца. И всё бы шло ладком, да мирком, если бы не случившееся шесть лет назад событие, перевернувшее всю его устоявшуюся жизнь. При довольно странных обстоятельствах, во время расследования ограбления княгини Беневской, из сейфа хранилища, в котором временно сберегались вещественные доказательства, исчезла украденная и найденная им, Кнутовым, золотая диадема, с бриллиантовыми вкраплениями. Княгиня была вне себя от происшедшего. Связи у старухи имелись влиятельные, о чём глава полицейского департамента прекрасно знал. А потому начальством было принято решение: либо найти вора, который, судя по всему, служил в самом департаменте, либо козла отпущения. Первого так и не обнаружили. Вторым оказался Кнутов. Главное доказательство его вины так и не нашли, хотя перерыли весь дом. Но и подозрение не сняли. Впрочем, Кнутову, как он впоследствии понял, ещё повезло. Ему грозило пять лет каторжных работ. Но в вышестоящих инстанциях решили иначе. Дело слегка замяли, и в виде наказания сослали подающего надежды сыщика в Благовещенск.

Прибыв на новое место службы, Анисим Ильич первым делом перекрестился. Если бы у него была жена, то она бы, наверняка, сбежала от него, если не на следующий день, то через неделю – точно. Комната, в которую поселился Кнутов, оказалась небольшой квадратной клеткой, без изящной мебелировки и без элементарных удобств, к которым он так привык в столице. Вот тогда-то Кнутов и порадовался, что не обзавёлся семьёй, особенно в первую зиму, ведь даже он, мужчина, жестоко страдал оттого, что, в тридцатиградусный мороз справлять нужду приходилось во дворе, в деревянном, обледеневшем нужнике. Женщина, как существо слабое, такого бы не перенесла. Анисим же Ильич ко всему успел быстро привыкнуть и к своей новой жизни стал относиться оптимистически. Единственное, с чем жаждающая кипучей деятельности душа сыщика не могла смириться, это с тем, что преступления в городе случались не столь часто, как в Петербурге, а громких дел и вовсе не было. Так, мелочёвка: квартирные кражи, мелкие хищения, мордобой. Подобную ерунду и расследовать – то не хотелось.

Так тянулось долгие шесть лет. И вот Кнутову улыбнулось счастье в лице приезжего инспектора. Анисим Ильич после того, как встретился с господином Белым поздним вечером, неожиданно пришёл к мысли: данный субъект может стать его новой дорожкой к возвращению в большую жизнь. А после разговора с прислугой сыщик ещё более уверовал в то, что мичуринский постоялец, если правильно себя повести, сможет вернуть его в столичное общество. И не потому, что он его об этом попросит. Пусть господин Киселёв даже не беспокоится. Нет. Тот сам предложит. Под давлением фактов, которые Анисим Ильич собирался раздобыть в ближайшем будущем и выложить их пред очи столичного гостя. И первое, что Кнутов решил сделать – навестить почтово-телеграфную контору.

Дружеские связи в столице, несмотря на происшедшее, у Кнутова сохранились. Не все поверили в версию его причастности к воровству диадемы, но и никто не отважился встать на защиту оболганного следователя столичного сыска. Впрочем, Кнутов обиды не держал. Изрядно насмотревшись на светское общество, он понимал: тот бой им проигран вчистую.

А тянуть за собой в болото ещё кого-либо стало бы подлостью. Что и зачлось. Впрочем, со многими связь полностью утратилась. Поначалу он переписывался с друзьями и знакомыми. Иногда давал им дельные советы. Но почта приходила крайне редко, а письма в столицу шли чуть ли не три месяца. И вскоре в Петербурге об Анисиме Ильиче начали потихоньку забывать. Хотя и не все. Время неминуемо текло. Именно по этой причине Анисим Ильич, прочитав все «за» и «против», решил довериться телеграфу и снова дать о себе знать. Он долго составлял текст в уме, тщательно подбирая каждое слово. Наконец, после долгих умственных терзаний, у него получилось следующее. «Сашенька,» – говорилось в переданном послании, – «Окажи мне, по старой памяти, услугу. Узнай, насколько я в состоянии довериться прибывшему в наш город с инспекцией титулярному советнику канцелярии столичного полицейского департамента Белому О. В. Друг мой, ответ нужен срочно, так как от него зависит моя судьба. Твой Нися». Телеграмма предназначалась старому другу Анисима Ильича, Короваеву Александру Никодимовичу, который, вскоре после случая с Кнутовым покинул департамент уголовного сыска, и перевёлся в пятое отделение делопроизводства при Особом Совещании.

Полина Кирилловна долго смотрела на себя в зеркало, пытаясь найти хоть малейший изъян, который мог оттолкнуть от неё приезжего молодого человека. Но не находила. И роскошные, густые, чёрные, с отливом, словно смола, длинные волосы. И тонкой ниточкой брови, которые так легко, в гневе, или недоумении, девушка могла красиво изогнуть. А чего стоили вишнёвые глаза, затягивающие, словно омут? А длинная шейка? А грудь, специально открытая для мужского взгляда, благо тому способствовала жара? Неужели ничто не смогло взволновать того истукана из ресторации? Постояльца из двести двадцать шестого номера?

Девушка снова и снова оглядывала себя, но постоянно приходила к одному и тому же выводу: и во всём – то она хороша. С какой стороны ни глянь.

А может быть...? Вдруг подумалось ей. Постоялец из «Мичуринской» воевал, и там в него попала пуля... Или нет, он оказался в плену, и турки его повредили? Да нет, тут же отказалась от последней мысли Полина Кирилловна, это варварство какое – то. А что если этот чудак из тех, кого папенька называет... Как же он говорил... Он ещё приказчика так из лавки назвал, когда был в гневе. Потом ей ещё объяснили девчонки, что так называют тех, кто спит не с женщинами, а с мужчинами. Говорят, и такие бывают. А что, если он из них?

Но тут госпожа Мичурина вспомнила, как молодой человек стоял перед ними, спокойный, мужественный, ни малейшего намёка на трусость. Как он легко бросил нож. А потом, как ни в чём не бывало, поклонился, будто не произошло ничего особенного. Вспомнилось, как штабс-капитан Индуров долго боялся отвести ладонь от ножа. Ей в тот момент было противно наблюдать, как бледность стремительно покрыла лицо офицера. А у поручика Крылова от испуга мелко дёргался кадык на худой, с тонкими прожилками, шее. Смешно, трусливо. Нет уж, из всех мужчин, что там были, приезжий оставался единственно достойным. И никак не соответствовал тому слову, что употребил сгоряча папенька.

Полина Кирилловна сделала несколько шагов назад. Ну, конечно. Как она сразу не догадалась. Платье, вот в чём дело! Они ведь столичные, привыкли к таким нарядам, чтобы дух захватывало. А как одета она? Эти глупые оборки, словно у самоварной куклы. Ситец! Да, в нём летом удобно, но настоящие мужчины тебя за его простотой не видят.

Девушка рывком стянула с себя наряд, и осталась перед зеркалом совершенно обнажённой. Вот так лучше! Найти другое платье! Переодеться! Поправить причёску. Говорят, купцы Бубновы выписали из Владивостока нового цирюльника, японца. Пусть он сделает ей что-нибудь экзотическое. Чтобы тот плешивый молодец при её виде собственной слюной подавился! «Хотя», – губки девушки в зеркале слегка капризно изогнулись, – «У него довольно симпатичная плешь. Не как у стариков, лысая, а с детским пушком. Смешная. И трогательная.»

Полина Кирилловна вновь окинула себя всю строгим взглядом и осталась довольна: и ведь достанется кому-то сие чудо!

Знакомство с супругой губернатора для Олега Владимировича прошло, словно во сне. Он что-то отвечал, вроде как впопад, улыбался на шутки хозяина дома, даже сумел воспроизвести небольшой рассказ о последних событиях в столице, однако, все мысли молодого человека заполняла Анна Алексеевна, дочь губернатора. А та, чувствуя, что произвела на молодого человека сильное впечатление, будто специально, то случайно во время беседы касалась его сюртука локотком, то бросала в его сторону неопределённый взгляд, который, вроде бы ничего не обещал, но и говорил о многом. Дважды девушка поймала Олега Владимировича на том, что он неправильно произнёс чин папеньки. На что Алексей Дмитриевич отреагировал несколько смущённо, и постарался перевести разговор на более приятные темы. Впрочем, в голову генерала ничего не приходило, а потому губернатор решил разрубить гордиев узел славословия решительным предложением:

– А не отужинать ли нам, господа? И не вздумайте отказываться, Олег Владимирович. Ресторация у господина Мичурина отменная, ничего сказать не могу, но мой повар считается самым лучшим не только в городе, или области, а и во всём Дальневосточном крае.

– Тут вы, папенька, правы. – рассмеялась Анна Алексеевна и потянула за руку Олега Владимировича в столовую. – У нас удивительный повар. Как только мы переехали в Благовещенск, он принялся осваивать китайскую кухню. И очень даже преуспел в этом.

Белому было приятно ощущать тёплоту руки Анны Алексеевны. Но в ещё больший восторг его приводил аромат, который исходил от юного, женского тела. Этот аромат обвораживал и притягивал, заставляя забыть об о всём и всех, кроме его обладательницы. А та, легко скользя по паркету, вела молодого человека в новые сквозные, комнаты, самостоятельно распахивая двери и докладывая гостю, о том, что и где у них в доме расположено.

Если бы кто-то додумался в тот момент попросить Олега Владимировича повторить всё, о чём говорила девушка, то он бы не смог и двух слов связать. Белый просто слушал её голос, не осознавая смысла. Он вдыхал запахи её платья, духов, тела. Олег Владимирович наслаждался красотой девушки, и этого было ему вполне достаточно.

– О чём вы думаете? – Анна Алексеевна резко развернулась, и встала напротив кавалера. – Я вам вот уже во второй раз задаю один и тот же вопрос, а вы молчите...

– Что? – невпопад переспросил Олег Владимирович, приведя Анну Алексеевну в полный восторг.

Да, вы очень интересный собеседник! – Правая рука девушки поднялась на уровень груди. Тоненькие пальчики нежно ухватились за пуговицу сюртука Олега Владимировича и принялись её крутить. – Итак, спрашиваю в третий раз: вы посещали в Петербурге «Иллюзион»? У нас о нём много печатали в газетах. И приезжие рассказывали довольно интересные истории. Так вы там бывали?

Олег Владимирович утвердительно кивнул. Его взгляд опустился к ручке, и в голове пронеслось: сейчас она открутит пуговицу. И Бог с ней! Схожу завтра к портному, пришьёт. Или нет, пусть все перешьёт.

– Красноречивый вы, однако... – Анна Алексеевна весело рассмеялась, и её белокурые волосы, доселе спокойно возлежавшие на хрупких плечах, всколыхнулись лёгкой волной. Белому вдруг захотелось наклониться к девушке, зарыться в эти лёгкие, светлые волны. Анна Алексеевна, будто почувствовала состояние молодого человека, оставила пуговицу в покое, и, резко развернувшись, первой прошла в столовую.

Ужин прошёл, как после дал ему оценку Владимир Сергеевич Киселёв, в атмосфере лёгкого возбуждения. Супруга губернатора, Алевтина Львовна, великолепно справлялась с ролью хозяйки дома и души компании. Она тихонько делала распоряжения прислуге по поводу смены

блюдов, одновременно вставляя колкие и в большинстве случаев – довольно точные – замечания в мужскую беседу. Те же, в свою очередь, особенно господин губернатор, сыпали весёлыми историями, которые имели место в их жизни, или же чаще в жизни хороших знакомых. Алексею Дмитриевичу припомнилось несколько анекдотичных случаев, произошедших во время всероссийской переписи населения. Владимир Сергеевич припомнил, каким он был в начале своей профессиональной деятельности. Чем, нужно признаться, очень рассмешил женскую половину компании. Даже Олег Владимирович рассказал кое-какие весёлые светские столичные истории.

После того, как подали фаршированного осетра, Владимир Сергеевич, как бы невзначай, поинтересовался, какая же воинская часть будет первой принимать инспектора?

Олег Владимирович сконфуженно пожал плечами, как бы показывая: мол, не я заговорил о делах в столь приятной обстановке, но что поделаешь, и ответил вопросом:

– А с кого вы бы мне посоветовали, Владимир Сергеевич?

Теперь пришла очередь полицмейстера изображать сконфуженный вид.

– Признаюсь, как по мне, всё равно, с кого начать. К примеру, второй казачий полк. Расквартирован в Благовещенске с тысяча восемьсот девяносто четвёртого года. Ежели вы надумаете там проверять всю документацию, могу вас уверить, столица не увидит господина Белого, по меньшей мере, года полтора.

Алексей Дмитриевич хмыкнул в усы, и добавил:

– Поверьте, в других полках ситуация тоже не из лучших. Уж что-что, а документацию мы умеем чтить, как никакой другой народ Европы.

– А немцы? – вставил реплику Олег Владимирович.

– А что немцы? Точно такой же народ, как и мы. Вот только с законами у них правильно вопрос поставлен. И бумагу они не любят, не уважают, как мы, а боятся, – губернатор промакнул рот салфеткой, поле чего положил руки на стол. – Кто такой немец? Он хуже славянина. Как это ни странно звучит. Поверьте мне, я был начальником штаба Брест-Литовской крепости в течение трёх лет, и насмотрелся на эту народность от и до. Пока над ним, то есть немцем, висит дамоклов меч правосудия, он самый законопослушный европеец, какого и не сыскать на всём континенте. А дашь ему волю, такие дела творит, которые нашему мужику и в кошмарном сне не могут присниться. Достаточно вспомнить, о чём пописывает их славноизвестный Сигизмунд Фрейд.

– Зигмунд. – тихонько поправил Олег Владимирович.

– Так он и вам известен? – губернатор вскинул глаза на сидящего напротив него Белого.

– Я бы так сказал: наслышан. Но с трудами не знаком.

– Вот. То-то и оно! С трудами мы не знакомы, а наслышаны. И уже считаем его величиной. А! как иначе – Европа. И в столице к нему довольно миролюбиво относятся?

– Не могу ответить утвердительно. – Олегу Владимировичу стало неприятно оттого, что он так неожиданно вновь стал центром внимания. – Точнее, не столь уж много людей им увлекается. В большинстве случаев его учениями увлечена студенческая молодёжь. За себя же могу сказать одно: то, что я о нём слышал, мне не по душе.

– О, как, – восторженно воскликнул Алексей Дмитриевич. – Творения проходимца уже называют учениями! Господи, куда катится Россия? Заглядываем в рот черте кому. Слизываем за Европой то, что ей не нужно, да ещё и восторгаемся!

– Папенька, перестаньте! – щёки Анны Алексеевны покрылись лёгким румянцем негодования. – Не хватало ещё перевести прекрасный вечер на споры и ссоры.

– А кто ссорится? – руки губернатора слегка задрожали. Олег Владимирович сделал вывод, что подобного рода беседы в этом доме – довольно частое явление. – Никто и не думает ссориться. По крайней мере, я. Но на свою позицию я имею право?

– Папенька...

– Нет, ты мне ответь!

Олег Владимирович повернулся в сторону Алевтины Львовны:

– Премного благодарен вашему семейству: вы так мило, по домашнему, приняли меня. – Анна Алексеевна внимательно посмотрела на молодого человека. В голосе Белого совсем не слышалось никакой иронии. Он говорил твёрдо, и выражение его лица говорило о том, что он действительно провёл в высшей степени замечательный вечер. – Если вы не будете против, то я бы хотел ещё как-нибудь посетить ваш дом.

Женщина мягко улыбнулась и протянула Олегу Владимировичу руку для поцелуя:

– Обязательно приходите! Даже в том случае, если мой драгоценный супруг станет вытягивать из вас признание, почему вы не ругаете Чингиз-Хана. Уж не родственник ли вы ему?

Шутка хозяйки всех привела в благодушное состояние. А главу дома даже развеселила.

Олег Владимирович со всеми попрощался, и, бросив мимолётный взгляд на Анну Алексеевну, покинул дом Амурского губернатора. Выйдя на улицу, Белый глубоко вдохнул свежий, наполненный вечерней свежестью, воздух. Вот они и встретились. Но что принесёт им эта встреча? Или ему? Олег Владимирович с силой тряхнул головой, словно хотел избавиться от навязчивой мысли о том, что у девушки уже есть любимый. Откуда взялась сия мыслишка, он себе не мог объяснить. Вот пришла, нет, скорее ворвалась в голову, застряла там, давя изнутри на виски, и не давая ни о чём более думать. Жаль, вместо снега, которым можно было бы умыться, чтобы прийти в чувство, на улице стояла летняя жара, которая лишь немного спала с наступлением ночи.

Белый оглянулся по сторонам, увидел свою пролётку и жестом подозвал кучера. Домой, и чем скорее, тем лучше. «А губернатор Амурской области, кажется, человек поверхностный, не вникающий глубоко в суть вещей...» Хотя все рекомендации, полученные в Петербурге, говорили об обратном. Стало быть, либо генерал-губернатор настолько прижился в этом крае, что полностью омужичился, а таковые случаи иногда имели место, либо, с Белым только что играли. Топорно, грубовато, но играли. И Киселёв поддерживал эту игру. Во втором случае выходит, они в одной упряжке. Прелюбопытно, что их объединило? Какой совместный интерес? И насколько сей интерес соответствует интересу государственному? А ежели не соответствует? Не хотелось бы наскоро судить губернатора. Тем более отца такой красавицы. И мысли господина Белого вновь вернулись к Анне Алексеевне.

Если бы в этот момент Олег Владимирович не углублялся в себя и не изводил свою душу зарождающейся ревностью, а оглянулся и посмотрел на окна покинутой им столовой, то смог бы увидеть прелюбопытную картину. Амурский губернатор и глава полицейского управления, приоткрыв гардины, внимательно наблюдали за тем, как молодой человек располагается на кожаном сиденье и даёт указания извозчику. Лишь только повозка тронулась, Владимир Сергеевич повернулся к Алексею Дмитриевичу.

– А ведь нашему гостю приглянулась ваша дочь.

– Бросьте, Владимир Сергеевич. – отмахнулся Баленский. – Она ещё ребёнок. Рано ей думать о замужестве.

– О замужестве не думают. Оно приходит, как гром, средь ясного неба.

– Только не в нашем доме, – Баленский ещё раз выглянул в окно, и неожиданно добавил. – Впрочем, от такого претендента я бы не отказался. Связи у молодого человека имеются. И, судя по всему, серьёзные.

– Вам стало что-то известно? – Тут же поинтересовался Владимир Сергеевич.

– Нет. Предчувствия. И анализ. Мanners у господина Белого не просто столичные, а придворные. Поверьте мне, уж в этом – то я толк знаю.

– Согласен. Кстати о чувствах. Нынешняя молодёжь изъясняется не только посредством словоизлияний, а и другими способами. Сами слышали, как господин Белый говорил о Фрейде...

– Простите, Владимир Сергеевич, – губернатор взял полицмейстера под руку, – Если бы я не знал, что вы уже женаты, то подумал бы, что и вы претендуете на руку моей Аннушки.

– Помилуйте, Алексей Дмитриевич... Ведь она для меня как дочь!

– Э, нет, батенька. Миловать-то как раз ваша прерогатива, – хозяин проводил старого знакомого к столу и разлил по бокалам из пузатой бутылки токайское вино. – Как думаете, подозрения нашего проверяющего по поводу контрактов подтвердятся? Или нет? Только начистоту.

Владимир Сергеевич выдержал небольшую паузу. Теперь от его ответа зависело, получит ли он в лице губернатора союзника, или же усилит позиции Белого. Дилемма.

Алексей Дмитриевич терпеливо ждал. Киселёв слегка пригубил вино, и только после произнёс, будто с головой бросился в глубокий омут:

– По поводу Мичурина я спокоен. Кирилла Петрович держит марку, и товар поставляет только высшего качества. А вот с молоканами могут быть проблемы.

– Серьёзные?

– Пока не знаю. Боюсь, что да. Поступали кое-какие сигналы.

– В таком случае, Владимир Сергеевич, я бы вам порекомендовал прибыть завтра в артиллерийский полк до приезда нашего гостя. Сами понимаете, скандал не нужен ни вам, ни мне. Ни со стороны столицы, ни со стороны местного купечества.

Владимир Сергеевич, наконец-то услышав долгожданные слова, умело скрыл на лице радость, и только произнёс:

– Слушаюсь, Ваше высокопревосходительство!

На следующее утро Олег Владимирович спустился вниз, в холл, и попросил у прислуги газету. За чашкой кофе Белый развернул свежий номер «Амурских ведомостей» и, не торопясь, пролистал их. Познакомиться с жизнью города и области следовало. Вот, к примеру, на первой странице некто Э. И. Шеффер, гласный городской думы, размышлял о месторасположении будущей электростанции. Оказывается, цивилизация добирается и в эту тьмутаракань. Олег Владимирович перевернул страницу. Пробежался по столбикам строк. «Благовещенск, говорил мне один из старожилов края, крупный коммерсант, американец, это не то, что Хабаровск, или Владивосток. Те живы, только пока казна даёт деньги. А Благовещенск – единственный город на Амуре, который сам себя содержит, и который играет самостоятельную экономическую роль». Неплохо сказано. Интересно, кем. Взгляд опустился ниже. А. А. Кауфман, экономист. Любопытно бы встретиться с этим А. А. Кауфманом. Мысль, высказанная им, для Белого была не нова. Нечто подобное он слышал перед самой поездкой, ещё в Петербурге. А, может, господин Кауфман выполняет распоряжение неких заинтересованных лиц из столицы?

Олег Владимирович свернул газету и положил её в правый накладной карман пиджака. При случае следует поинтересоваться господином, пишущим столь любопытные перлы.

Возле входа его уже ожидали дрожки с прежним извозчиком, которого Белому предоставил губернский полицмейстер.

– Здравствуй, Прохор, – поздоровался Олег Владимирович, размещаясь на сиденье за широкой спиной мужика.

– Доброго утречка, ваше благородие. – Прохор полуобернулся. – куда править прикажете?

– Давай для начала в артиллерийский полк.

Извозчик причмокнул, и молодая, гнедая лошадка тронулась с места.

В эту ночь Полина Кирилловна Мичурина совсем не спала. Поначалу она пыталась справиться с бессонницей, с силой сжимала веки, принималась считать до ста, сбивалась, снова считала. После неудачной попытки девушка поднялась с постели, зажгла свечу, прошла в библиотеку, достала с полки стихи Кольцова, и, свернувшись клубком в кресле, долго, почти до

самого утра читала проникновенные строки. Да так и заснула, закутавшись в мягкий шёлковый халат, уронив книжку на пол.

Утром Полина Кирилловна приказала запрячь дрожки. Пока слуга выполнял её распоряжение, девушка придирчиво выбирала наряд, долго примеряла то одно платье, то другое, прикидывая, в каком она будет обворожительной, и, одновременно, недоступной. После чего тщательно наводила на лице тени и румяна. К десяти утра Полина Кирилловна, наконец, решилась выехать.

Чернобровая красавица прекрасно знала, куда она направилась в столь ранний час. Однако, она не находила в себе сил ответить на простой вопрос: для чего ей надо в отцовскую гостиницу. Желание увидеть молодого человека, так внезапно поразившего её, являлось самой главной причиной твердого решения посетить заведение. Но, посудите сами, господа, какая молодая особа, в столь юном возрасте, в начале расцвета женственности и очарования признается самой себе в том, что её сердце покорила незнакомец? Неожиданно! Сразу! С первого взгляда! Да нет, ни за что! Вот только на сердце почему-то сладко и тревожно. И веки, несмотря на бессонную ночь, нервно трепещут. И руки отчего-то мелко дрожат, пока дрожки приближаются к месту проживания объекта девичьего внимания...

Прислуга, издавек завидев любимицу хозяина, выбежала на улицу – с радостными улыбками на маслянистых мятых лицах они приготовились согнуть в низжайшем поклоне свои натруженные спины. Полина Кирилловна поморщилась. Она терпеть не могла эту троицу: двух мужланов – недоумков и чересчур сноровистого нагловатого мальчишку. Но папенька ими был доволен, а потому она была вынуждена их терпеть. Полина Кирилловна неожиданно от ужаса чуть не задохнулась. Ей вдруг пришла мысль, что прислуга, конечно же, поинтересуется, в чём причина её столь внезапного появления в гостинице в сей ранний час. Такого еще не бывало. Может, сделать попытку солгать? Но эти прохиндеи моментально поймут, что она им соврала. И, естественно, как всегда, всё сообщат отцу. Господи, что же делать? Крыльцо вот оно. Сыграть роль твёрдой домовладельницы, этакой держиморды в юбке? Нет, не получится. Слишком сердце трепещет и тело дрожит.

Девушка быстро наклонилась к кучеру:

– Степан, едем к казармам.

– А как же гостиница? – удивился кучер, который втайне надеялся подхарчиться на хозяйской кухне.

– Я что сказала? Правь к казармам.

– Слушаюсь, Полина Кирилловна.

Степан тронул поводья, и лошади послушно повернули вправо, оставив в недоумении три мужские фигуры на ступеньках гостиницы: две взрослых, и одну мальчишескую.

Артиллерийский полк, прибывший в Благовещенск в апреле тысяча девятисотого года, был расквартирован недалеко от набережной реки Зеи, что впадает в Амур, на улице Невельской, недалеко от городского сада «Общества спорта туристов». За два с половиной месяца солдаты и наёмные мастеровые сумели возвести небольшой военный городок со всеми необходимыми постройками: казармами, складами, штабом, конюшней, полигоном для учебных стрельб. Со стороны невозможно было увидеть, что происходило внутри воинской части, так как её со всех сторон огородили высоким, в полтора человеческих роста, деревянным забором.

Повозка Белого подъехала к воротам казарм, как прозвали в народе новостройку.

Олег Владимирович подошёл к воротам, и постучал.

– Чего надо? – на стук объявился часовой, молодой парень в застиранной гимнастёрке, с болтавшейся на плече винтовкой.

– Позови начальника караула! – Приказал Белый.

– Для чего?

– Какой у тебя срок службы? – Олег Владимирович терпеливо ждал ответа.

– Полгода как в солдатах, – с недоумением ответил часовой, не понимая, куда клонит наглец в цивильном.

– Так вот, если сейчас, немедленно не позовёшь начальника караула, то следующие полгода проведёшь в дисциплинарном батальоне! – Тон не оставлял ни малейшего сомнения в том, что обещание свое неизвестный сдержит.

– Так, ваше благородие, – молодец оробел. – По уставу мне надоть откомендовать вас господину штабс-капитану. Кто вы и с какой целью.

Олег Владимирович представился по всей форме.

Часовой крикнул в караульное помещение, чтобы его подменили на посту, и со всех ног бросился в штаб. Белый воспользовался тем, что солдат не прикрыл плотно створки ворот, и заглянул в образовавшуюся щель. Впрочем, ничего компрометирующего он не заметил. По плацу маршировала рота солдат, человек пятьдесят. Шагали строевики дружно, в ногу, поднимая сапогами тяжёлую, вязкую пыль. Белый чуть изменил сектор обзора. Левее от плаца несколько солдат перетаскивали мешки из одного помещения, судя по всему – склада, в другое. Мешки были довольно тяжёлыми, потому, как крепкие солдаты с трудом переносили их на вспотевших спинах и плечах. Белый сделал ещё одну попытку присмотреться, что же всё-таки переносили артиллеристы, но краем глаза вовремя заметил спешащего к воротам часового, и вовремя отпрянув от щели, принял выжидательную позу.

Запыхавшийся солдатик резко отворил ворота, принял стойку «на караул».

– Ваше благородие, господин штабс-капитан ждут вас. Разрешите проводить?

До штаба части от ворот было шагов пятьсот. За время движения Белый успел отметить, что в части поддерживаются строгий порядок и дисциплина. Праздношатающихся ни офицеров, ни солдат он не заметил. Всюду царили чистота и организованность, что приятно радовало глаз.

У входа в штаб их уже поджидала знакомая по вчерашним событиям фигура. Олег Владимирович поневоле ещё более развернул плечи, как бы этим показывая, что готов к встрече с недругом. Однако, словесной дуэли не произошло.

Штабс-капитан вскинул руку козырьку фуражки, и представился:

– Начальник караула штабс-капитан Индуров Юрий Валентинович, – движением головы он отправил часового на пост и, сняв с головы убор, широко улыбнулся. – Рад снова видеть вас. И, прежде всего прошу принять мои извинения за вчерашнее. Сами понимаете, в окружении столь красивых особ как-то непроизвольно теряешь контроль. За что после бывает стыдно. Впрочем, если вы будете настаивать...

– Не буду, – перебил капитана Белый и протянул руку для приветствия. – Я вас прекрасно понимаю, и зла не держу.

– Приятно слышать.

Белый вздрогнул. Рука у штабс-капитана оказалась до физической противности влажной. Будто касался чего-то скользкого, липкого. Моментально появилось желание достать платок, тщательно вытереть ладони и выбросить тряпку куда подальше. Олег Владимирович с трудом сдержался и ограничился тем, что сунул руку в карман.

– А теперь, когда мы утрясли вчерашнее недоразумение, перейдём к делу. Могу я встретиться с командиром полка?

– К сожалению, нет. И командир полка, и начальник штаба откомандированы во Владивосток.

– Надолго?

Штабс-капитан рассмеялся.

– Если бы не рекомендация господина полицмейстера, то я бы решил, что разговариваю со шпионом.

– Простите. А с кем я могу согласовать свою дальнейшую деятельность? Меня интересует казначейская часть.

– Без проблем, – фуражка вновь взлетела вверх, и опустилась на голову начальника караула. – Пройдёте в помещение. Там как раз все в сборе.

Капитан не спросил документов, подтверждающих мои полномочия. – отметил Белый. – Значит, его предупредили основательно. Или же, если сопоставить его поведение с перемещением мешков, некто, раньше меня, приехал в часть, сообщил о моих намерениях, и, вполне возможно, находится до сих пор в расположении полка, дабы проконтролировать мои дальнейшие действия. А, может быть, сейчас уничтожаются следы незаконной деятельности. Не с бухты же барахты они с утра солдатиков гоняют. Встаёт только вопрос: чей товар прячут или топят в реке господа интенданты? Мичурина, или братьев – молокан?

Полковая канцелярия расположилась в самом конце коридора, за металлической дверью, покрашенной отчего-то в тёмно-зелёный цвет. Индуров игриво подмигнул Белому, постучал в дверь, после чего толкнул её внутрь.

– К вам гости! – произнёс Индуров и, отдав честь, удалился.

Олег Владимирович прошёл в просторное помещение, где стояли два стола и три сейфа. За столами сидели двое военных. Один постарше – в чине капитана – с редкой, седой порослью на голове, довольно грузного телосложения по причине сидячей службы.

Ланкин Сергей Иванович – вспомнил фамилию начальника полковой казны Олег Владимирович. Оклад в сто восемьдесят рубликов. Жалование довольно приличное, если впереди имеется хотя бы с десяток годков дальнейшей службы. У Сергея Ивановича таковых годков не имелось. Исходя из предоставленных в казначействе документов, Белый знал, что капитану Ланкину в скором времени предстояло уйти в отставку. И о его замене месяц тому было подано прошение в Петербург. Ответ пока не пришел. Скорее всего, в главном штабе подыскивали подходящую кандидатуру.

Олег Владимирович слегка повернулся влево. Теперь на него смотрело молодое, с мелкой сеточкой конопушек, лицо. Волнистая шевелюрой на голове была зачесана назад и открывала большой загорелый лоб. Надбровные дуги молодого человека были выдвинуты вперёд, как бы затеняя глаза с тёмными подглазьями то ли от бессонницы, то ли от печёночной болезни, связанной с алкогольными возлияниями.

«А вот и господин Рыбкин,» – мысленно пробормотал Белый, «Он и подписал все контракты с Мичуриным. Поручик. Да не тот, что был вчера в ресторации. Странно, а говорили, будто он ухлёстывает за госпожой Мичуриной. Впрочем, какое мне до всего этого дело. Довольно приятное лицо. Открытое. Я его представлял иначе. Где бегающие глазки? Где нервозность рук? Где вымученная улыбка, дружище, ведь по твою душу приехали?»

Олег Владимирович прошёл в центр комнаты и произнёс:

– Разрешите представиться, титулярный советник Белый Олег Владимирович, – столичный чиновник быстро извлёк из внутреннего кармана пиджака бумаги и протянул их капитану Ланкину. – Вот документы, подтверждающие мою личность. Также требование губернатора оказывать мне всю посильную, и непосильную помощь.

Сергей Иванович уткнулся носом в документацию. «Слеп, как крот.» – решил про себя Белый и осмотрелся вновь в надежде найти ещё один стул, на который он бы смог присесть. Такового не оказалось.

– Простите, – Рыбкин подхватился, вскочил на ноги и поставил свой табурет пред бывшим начальством. – Присядьте, как говорится, в ногах правды нет. Разрешите представиться: Рыбкин Stanisław Валерианович. Вы позволите вам задать вопрос?

– Отчего бы и нет. Задавайте, – любопытно, что заинтересовало поручика.

– Вы, случаем, не родственник Андрея Белого?

Вот те раз. Мало его в столице допекали этим вопросом. Так теперь ещё и на периферии.

– Нет. – резко ответил Олег Владимирович, и, не подумав о последствиях, добавил. – К вашему сожалению, мы с поэтом Белым не родственники. А только однофамильцы.

– Вы знакомы с поэзией Андрея Белого? – поручик в восторге всплеснул руками. – Это просто восхитительно! Вы бывали на его вечерах поэзии! Замечательно! Брависсимо! Я лично считаю, что он звезда первой величины. Сейчас только входит в силу, так сказать, берёт разбег. Но он ещё покажет свою мощь. Вы со мной согласны?

– Простите, – Белый поправил галстук, слегка ослабив узел. В комнате, несмотря на открытое окно, было душно. – Я сейчас не готов обсуждать поэзию. Вы, наверное, заметили, я к вам прибыл совсем с иной целью.

– Да, конечно, – поручик смутился, и ретировался к своему столу. – Простите. Конечно. Действительно, что это я... Приношу извинения.

Так, ещё одна осечка, начиная со вчерашнего дня. Белый мысленно обругал себя. Что-то я расслабился. Коли уж проговорился, то выкачай из сложившейся ситуации максимум полезной информации. Нет, сорвался. Теперь Рыбкин спрячется в своей «коробочке», попробуй его оттуда выковырять.

Белый тяжело вздохнул, достал из кармана платок, вытер со лба пот и произнёс, обращаясь к Станиславу Валериановичу:

– Ещё раз прошу прощения, у вас воды не найдётся? Душно здесь. И как вы только работаете?

– Привыкли-с, – ответил за поручика капитан, возвращая документы. – Поручик, принесите гостю из караульного помещения графин, а мы пока утрясём некоторые моменты. Итак, – проговорил Ланкин, как только за Рыбкиным закрылась дверь. – Что вас интересует?

– Да многое что... Документация. Это в первую очередь. Во-вторую, некоторые пояснения, по поводу контрактов.

– В них что-то не то? – поинтересовался Ланкин.

– На первый взгляд всё нормально. Но некоторые моменты хотелось бы для себя прояснить.

– Интересно, какие? – напряжённо выдохнул Сергей Иванович, что не скрылось от наблюдательного взгляда инспектирующего.

– Да разные, господин капитан.

Ланкин снова вытер пот со лба, а потел он обильно, и, словно решившись на последний шаг, произнёс:

– Что ж, не будем терять время.

Сергей Иванович поднялся, подошёл к сейфу у окна, открыл его и положил на стол проверяющему стопку бумаг:

– Вот, здесь вся документация со дня прибытия полка в Благовещенск. Или вас интересуют более ранние документы?

– Нет. – Белый отрицательно качнул головой и открыл лежащую поверх стопки папку. – Достаточно будет и этого.

Анна Алексеевна просыпалась всегда рано, как говаривал батюшка, с петухами и пастухами. Вот и сегодня встала ни свет, ни заря, быстро оделась, пробежала в столовую, позавтракала, не дожидаясь родителей, и, прихватив ридикюль, выехала в город. Куда? Да просто в душе приятное настроение располагало к движению. И все!

Город жил своей жизнью, которая ей очень нравилась. Она помнила, как ей было скучно в Брест-Литовской крепости, среди небольшого числа сверстников, детей офицерского состава, которым с младенческих лет прививали чинопочитание. К примеру, ей нельзя было играть с братьями – близнецами, детьми унтера Удовцова, потому, как «чин не позволял». А с дочерью командира крепости, генерала Старовицкого, не то что играть, рядом стоять было про-

тивно. Сопливая ябеда, та постоянно ковыряла указательным пальцем в носу, при этом широко открыв рот. Даже теперь, спустя столько лет, Анне Алексеевне было противно это вспоминать. В Благовещенске всё было по-другому. Небольшой городок, в который её маменька ехала с большими сомнениями и неудовольствием, оказался местом очень даже приятным, и, что самое главное, свободолюбивым. Это чувствовалось во всём. В том, как общались между собой папины сослуживцы, как вели себя с ней её подруги по гимназии. Да просто – как общались с ней, дочерью губернатора, первого человека в области, приказчики в магазинах и лавках: уважительно, но без подобострастия. Девушке нравились улицы города. Она их сравнивала с улицами европейских городов, одновременно отождествляя и те и другие с человеческим характером. Улицы в Европе петляли, изобиловали резкими, неожиданными поворотами, тупичками, повторяя внутренний мир их жителей, людей закрытых, точнее скрытных, живущих в самих себе, словно в коробочке, и только для себя. В Благовещенске улицы подкупали прямоотой, открытостью, и даже некоторой незащищённостью. По ним можно было всегда, в любое время года, лететь в дрожках, соревнуясь с ветром, издалека видя конечную цель стремительного путешествия и не боясь того, что можешь кого-либо сбить. Вот и сегодня, она хотела просто проехать по любимым местам, по тем магазинчикам, в которых выставлялся товар из Китая.

Вывернув на Зейскую улицу, дрожки Анны Алексеевны набрали нужный темп и понесли свою госпожу к лавкам. Анна Алексеевна откинулась на спинку сиденья, с наслаждением вдыхая свежий, ветренный воздух, но тут все её мысли были вмиг перестроены неожиданным обстоятельством. Как только дрожки пересекли Семинарскую, их, обдавая пылью, обогнала повозка, запряжённая парой гнедых, столь знакомых всем кучерам города. Анна Алексеевна вскинулась с места:

– Игнат, что это было? – крикнула она кучеру, закашлявшись и отмахиваясь от пыли.

– Не что, а кто, ваше благородие, – кучер повернулся в сторону хозяйки. – Девица Мичурина чудит.

На лице кучера Игната проявилась самодовольная ухмылка.

– Что сие обозначает? – Анна Алексеевна недовольно дёрнула плечиками.

– Так то, что Полина Кирилловна, мабуть, дюже захворали.

– Чем?

– Да есть такая хвороба, Анна Ляксевна, в народе по-разному прозывается – присуха, зазноба ли.

– Что ты говоришь? – Анна Алексеевна с любопытством приподнялась на ножки. – И кто он? Может тебе и это известно?

– Известно может и нет, а предположение имеется, – Игнат теперь развернулся к хозяйке всем своим крупным телом. – Вчера мне возничий вашего гостя рассказал... Перед тем, как ехать к вам, его молодой хозяин имел желание отобедать в «Мичуринской». Да только ему помешали в этом намерении. Некий штабс-капитан из казарм.

– Они поссорились? – поинтересовалась Анна Алексеевна.

– И да, и нет. Кучер сам ничего не видел, зато половой из ресторации ему рассказал, как ваш вчерашний гость сгоряча вогнал в стол промеж пальцев того самого господина военного столовый нож. Тот ажно белее скатерти стал.

– Кто, наш гость?

– Нет, капитан. А гость-то что? Поклонился Полине Кирилловне и ейным подругам, да пошёл.

– Госпожа Мичурина там тоже была?

– Ну, да. При ней-то всё и было. Как мне сказал кучер, она во все глаза смотрела на вашего гостя, и оторвать – то очей, от него не могла никак.

– Это ты, Игнат, уже выдумываешь. – Анна Алексеевна вновь опустилась на сиденье.

– Может и так, – нехотя согласился кучер. – Только не я, а ейный кучер. Или половой. – Игнат привстал с козел и посмотрел вперед. – А всё-таки, не в себе она! Сами посудите, барышня, куда в такую рань помчалась Полина Кирилловна? Не на свиданку же.

– Откуда мне знать? – попыталась отмахнуться Анна Алексеевна. – Может в лавку спешит, по указанию своего отца.

– А там нет мичуринских лавок. И не только мичуринских, – тут же заметил Игнат. – А вот казармы имеются.

– При чём здесь казармы? – девушка почувствовала, что начинает уставать от неподтверждённых домыслов кучера.

– А при том, – Игнат прищурился, – что сегодня с утра ваш гость собирался их посетить. Я это услышал, когда они отъезжали. Так своему возчику и сказал: мол, завтра будь пораньше, тому, как следует сделать много выездов, и перво-наперво в артиллерийский полк.

Кучер присвистнул. Анна Алексеевна даже не заметила, как повозка тронулась с места. Теперь ход её мыслей поменял направление. Вот как, оказывается господин Белый умеет с ходу очаровывать девичьи сердца! Она, конечно, обратила внимание на поведение молодого человека в магазине Кунста, и, естественно, поняла причину его робости. Именно потому и разыграла вчера с ним сценку с пуговицей. Девичьему глазу приятно видеть неуверенность в серых зрачках молодого мужчины. И не только в глазах, но и во всём поведении. Но то была ни к чему не обязывающая игра. Так, захотелось пошалить. Впрочем, как и папеньке, который прикинулся туповатеньким дворянином, над чем они вчера от души посмеялись. Но чтобы господин Белый сумел покорить сердце дикарки Мичуриной, о поведении которой Анна Алексеевна много слышала, много раз имела случай лицеизреть в компании молодых повес, но с которой лично знакома не была, поверить невозможно. Сплетни, решила Анна Алексеевна. Много офицеров и статского сброды тщетно увивается вокруг Полины, и чтобы она вот так сразу раскрылась навстречу незнакомцу? Но Игнат прав: в той стороне, кроме жилых домов и казарм артиллерийского полка, более ничего нет! Значит, дикарка могла поехать только к воинской части.

– Игнат, – Анна Алексеевна окликнула кучера. – Правь к Гостинодворскому базару.

– Так ведь закрыто еще! – удивился кучер.

– Ничего, – быстро отреагировала дочь губернатора. – Попрошу Коротаева, он мне лавку раньше откроет. И давай побыстрее.

Полина Кирилловна оглянулась на губернаторские дрожки, и чувство гордости переполнило её. В кои – то веки простые смертные утирают нос дворянскому сословию. Так и надо! Кто стоял у основания города, в самых его истоках? Они – Мичурины. Кто открыл первым торговлю в губернии? Опять же, дед её, Мичурин. Кто первым завёл торговлю с китайцами и выгоду в том имел немалую, подчас рискуя головой? Отец её, Мичурин Кирилла Петрович! А эти кто такие? Много их перебывало. Приедут лет на пять – семь, по «велению государеву», побудут, вновь в милость попадут, и поминай, как звали. А Мичуриным здесь жить. Ждать новых генералов, с дочками, да сынками. И вновь спины гнуть. А во имя чего? Зачем?

Господи, зачем она приказала править к казармам? И сама не знала. Индунова разве что увидеть? Так он сам прибежит, только дай знать. Да и другие офицеры под стать ему, готовы броситься к её ногам. Разве что, кроме Рыбкина.

Полина Кирилловна откинула голову на свёрнутый полог и прикрыла веки, чтобы утреннее солнце не слепило глаза. Станный он, этот Станислав Валерианович. Поначалу ей казалось, будто он принялся ухаживать за ней. И цветы дарил. И любовные стихи читал в летней беседке. И один на один, и в компании. Даже под окнами как-то стоял. Правда, недолго. Именно в тот вечер Полина Кирилловна и поняла: что-то с Рыбкиным происходит не то. Вроде, как и ухаживает за ней, да как-то вяло, скучно. Единственные моменты, когда в её присутствии

у поручика блеснули глаза, так это во время декламирования своих виршей. Казалось, будто Рыбкин просыпался от летаргического сна, и, на короткий миг оживал, превращался совсем в другого Рыбкина. А стихи читал так, будто посвящены они были не ей, а некоей таинственной незнакомке, образ которой Станислав Валерианович глубоко хранил в своём сердце. В такие моменты Полине Кирилловне было даже жаль поручика, но ничем помочь она ему не могла. Да и не хотела. Мгновения жалости улетучивались, забывались, стирались в памяти столь стремительно, что она на них и не обращала внимания.

Кучер для порядка прокашлялся и проговорил:

– Казармы, барышня.

Полина Кирилловна слегка приоткрыла глаза:

– Погоняй-ка, Степан, на Суворовскую.

– Так то ж в другой конец города, – удивился кучер.

– А тебе какая нужда. Правь да и всё.

Степан принялся что-то бормотать себе в бороду.

Полина Кирилловна оглянулась по сторонам, и хотела, было, прикрикнуть на него, как сердце её замерло, а после учащённо забилося.

– Стой! – окрик остановил руку кучера, уже собравшуюся подогреть вожжами ещё не остывшие крупы лошадей.

Полина Кирилловна с трудом сдерживала дыхание. Возле ворот в воинскую часть стояла знакомая ей повозка полицейской управы, на которой теперь ездил Олег Владимирович Белый.

Чиновник из столицы стремительным шагом покинул расположение артиллерийского полка, резко вскочил в пролётку и хлопнул извозчика по плечу:

– Трогай.

– Куда, ваше благородие?

– В кавалерийский полк. Оттуда к сапёрам. А утром приготовься ехать в Марковскую.

– Кудыть? – кучер встрепенулся. – так до неё, почитай, вёрст тридцать будет. Это ж полдня туда, полдня обратно.

– Вот и приготовься. А теперь помолчи. Мне нужно сосредоточиться.

– Как же, помолчи... – бормотал себе в нос Прохор, ясно представляя, каким образом ехать до казачьей станицы, по убитым-то дорогам, да не дай Бог, если ещё и дождь пойдёт.

А господин Белый достал записную книжку и принялся вписывать в неё только одному ему понятные каракули.

В целом встречей Олег Владимирович остался не доволен.

Через полчаса совместной беседы все подозрения с Рыбкина Белый был вынужден снять. Поручик, несмотря на ожидания статского советника, ни от чего не отказывался. Да, именно он подписал контракты с господином Мичуриным, и никаких других вариантов не рассматривал, хотя они и имели место быть. Но, как пояснил Рыбкин, он больше доверяет тому купцу, который лавку держит не один год, и не пять лет, а эдак, с десятков, а лучше и пять десятков. Таким торговцам имя качеством товара служит, и слово их – кремень. Помнится, Станислав Валерианович быстро пересмотрел все папки, нашёл нужную, и раскрыл её на необходимой странице.

– Вот, – произнёс он, – Читайте.

Олег Владимирович присмотрелся. Перед ним лежали накладные на ввезённый товар. В каждой стояла подпись Рыбкина.

– Я, понимаете ли, за просто так свой росчерк ставить не буду, – гордо произнёс поручик, что выглядело несколько смешно, если не сказать, комично. – Каждый мичуринский товар лично принимаю. А потому, ежели что не так, ответственность с себя не снимаю.

После этих слов, Олег Владимирович посмотрел на Сергея Ивановича. Тот, в отличие от своего подчинённого, подписи нигде, кроме контракта, не ставил. Капитан, почувствовав на себе взгляд инспектора, тяжело заёрзал на стуле.

Белый вторично перелистал документы, и неожиданно произнёс:

– Кстати, господа, а что за мешки сегодня утром таскали ваши солдаты?

Рыбкин неопределённо пожал плечами. Белому жутко захотелось курить. Если поручик что и знает, то не скажет. Вон, смотрит в окно, будто там что-то интересное происходит. Оно и понятно. За себя-то он ответит, а вот за другого нет. И топить не станет. Никуда не денешься. Армейская порука.

Олег Владимирович повернулся к капитану:

– Итак, слушаю вашу версию.

Ланкин несколько минут молчал, видимо раздумывая над своим будущим. Долго ждать Белый не имел никакого желания, а потому ускорил темп событий новым вопросом:

– Переносили фуражное зерно? Так ведь?

Капитан продолжал молчать.

Олег Владимирович вспомнил вчерашний разговор в доме губернатора. А ведь как он в десятку с зерном-то попал! Под руку вспомнился случай в девятом кавалерийском полку, где произошёл падёж лошадей по причине гнилого фуража. Вот он его, в качестве примера, в беседу и вставил. А на деле – «в яблочко».

Молчанка могла затянуться и привести к нежелательным результатам, что совсем не устраивало Белого.

– Господин поручик, – обратился Олег Владимирович к Рыбкину. – Вы можете нас покинуть на несколько минут?

Станислав Валерианович молча отошёл от окна, и вскоре его высокая, слегка сутуловатая, фигура скрылась за дверью. Белый взял в руки табурет и приставил его ближе к стулу капитана.

– Давайте, Сергей Иванович, поговорим начистоту. Братьев Бубновых к вам подвёл Киселёв? Так?

Капитан молчал. Пришлось отвечать вместо него:

– Я думаю, что так. И порченное зерно сегодня утром не переносили, а прятали. От меня. Чтобы, значит, зоркий глаз инспектора не смог обнаружить подлог. В котором часу к вам приехал Владимир Сергеевич?

Ланкин рванул верхнюю пуговицу кителя, однако продолжал сохранять молчание.

– Часов в семь, – предположил Олег Владимирович, прохаживаясь перед капитаном. – Или около того. Чтобы до моего приезда. И именно он приказал вам перенести мешки. Единственное, чего вы не ожидали от столичного неженки, что он тоже имеет привычку рано вставать. – Белый остановился напротив капитана. – Дрянь дело, Сергей Иванович. Скверно. Кандидатуру вам на замену не присылают только благодаря полицмейстеру? Точнее, его связям?

Капитан отрицательно покачал головой.

– Не Киселёв?

– Нет. У Киселёва таких связей в столице нет, – хриплым голосом произнёс капитан.

Это точно, вспомнил Белый личное дело Владимира Сергеевича. Столь влиятельных родственников и друзей в столице у губернского полицмейстера не осталось. За исключением Александра Никодимовича Короваева. Но то фигура была мелкая для столь широких дел, а потому на неё рассчитывать Киселёв никак не мог. Разве что с былых времён могли сохраниться деловые контакты? Чем чёрт не шутит.

Поток мыслей Белого неожиданно прервал капитан Ланкина:

– Замену тормозит не Киселёв. А наш командир полка.

– Что? Повторите.

- Аркадий Христофорович Андреев держит под личным контролем этот вопрос.
- Получается, приказы приходят к вам не от Киселёва, а от Андреева?
- Да.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, просвербило где-то глубоко в сознании Белого. Оказывается, тут и полковник замешан. Когда спелось, голубки? Полк всего два с половиной месяца в Благовещенске, а делов наворотили – лопатой не разгрести.

- Подписывать контракт приказал тоже полковник?
- Да.
- Однако, сам документ не завизировал, – заметил Олег Владимирович.

Капитан дрожащими пальцами взял папиросу, прикурил.

- Что со мной будет? – с трудом подбирая слова, поинтересовался он.

– Не знаю, – Белый долго смотрел на согнутые плечи служителя полковой канцелярии, и чувство отвращения всё больше и больше переполняло его. Из-за таких Ланкиных всё у нас и идёт через пень – колоду, чертыхнулся Белый, но тут же осадил себя. Собственно, а что тот мог сделать? Кричать? Скандалить? С кем? Со своим начальством? Доложить наверх? И дальше? Приняли бы во внимание? Да чёрта с два! Уж с чем-чем, а со столичной бюрократией Олег Владимирович был знаком не понаслышке. Да к тому же, как подсказывал опыт, воровало большинство офицерского состава среднего звена. Не младшие чины, которые рвали пуп за ради славы Отечества. Не поручики, есаулы, капитаны, корнеты. А именно такие полковники и генералы, сумевшие, в силу различных причин, чаще всего родственных, пробраться в полковую казну, и через неё наладить связи с купцами и промышленниками. И через тех до крови выдаивать государственные деньги, меньшую часть вкладывая в оборону державы, а большую – себе в карман. – У вас семья имеется?

– Да. Супруга, двое детей. Старший заканчивает гимназию, – непонятно зачем уточнил Сергей Иванович.

– Вот и замечательно. – Олег Владимирович вновь перелистал документацию и продолжил свою мысль. – Поступим так. Служите, как служили. Когда уйдёте в отставку, получите пенсион. Дети будут гордиться своим отцом. Жена – мужем. И будете жить счастливо, пока не умрёте.

- А как же это... – Сергей Иванович взглядом указал на бумаги.

– А этого не было. Забудьте, как кошмарный сон. Будут спрашивать, скажите, мол, проверяющий попался какой-то глуповатый. Просмотрел только те документы, которые ему подсунили.

- Не поверят.

– Поверят, если их никто трогать не станет. А трогать полковника и Киселёва не в моих интересах, – капитан облегчённо вздохнул, чем и воспользовался Белый. – Кто ещё закупал фураж у Бубновых? – резким тоном спросил он.

– Не знаю. – Ланкин пожал плечами, потому как понятия не имел, с кем ещё имели дела братья – молокане. – Однажды, помнится, один из них проболтался, мол, поедут в Марковскую до казаков. Вот, может, с ними мосты навели?

- Что такое Марковская?

- Казачья станица. Точнее, пограничный кордон на берегу Амура.

Олег Владимирович задумчиво покачал головой, поднялся, и, заложив руки за спину, снова принялся мерить комнату широкими, упругими шагами. Капитан терпеливо сидел в ожидании. Наконец, Олег Владимирович замер и произнёс:

– Вот что, Сергей Иванович, мне необходимо покинуть вас. А потому, у меня к вам большая просьба: всё то, о чём мы сейчас говорили, должно остаться только между нами. Всё, вплоть до мелочей. От этого, может, будет зависеть не только ваше будущее, но и ваша жизнь.

- Да так уж и жизнь... – несколько отрешённо произнёс Ланкин.

– Представьте себе. – Белый направился к дверям, и, перед тем, как их распахнуть, добавил. – Конечно, если вы мне сказали правду.

Теперь же, трясась в повозке, Олег Владимирович продумывал, каким образом он поведёт беседу с господином Рыбкиным, которую сам назначил на сегодняшний вечер, призрачно намекнув Станиславу Валериановичу на то, что, несмотря на служебные обязанности, к поэзии он всё-таки не безразличен. И в петербургских кругах с некоторыми из современных рифмоплётов знаком лично. Ради такой наживки губернский поэт не то, что прибежит к нему в гостиницу. Приползёт. Вот тут он его и должен будет завербовать в свой лагерь, потому как в одиночку далее будет работать намного труднее. Да что там далее. Уже сейчас Белый чувствовал сопротивление, оказанное атмосферой заштатного городка.

Находясь в подобных размышлениях, Олег Владимирович не обратил внимания на то, как от ворот воинской части, вслед за ним отъехали знакомые дрожки с очаровательной спутницей. Впрочем, взволнованная Полина Кирилловна, в свою очередь, тоже не заметила, как уныло и пристально её провожал взгляд стоявшего в воротах штабс-капитана Индурова, правая рука которого придерживала створки ворот, а левая с силой сжимала эфес сабли.

Анисим Ильич сперва расстегнул китель, а после наполнил рюмки водкой. Пристав Самойлов причмокнул губами, в предвкушении соития с увеселительным напитком, снял фуражку, аккуратно положил её на соседний табурет, и потёр ладони:

– Уважили, Анисим Ильич. Нечего сказать.

– Брось, Григорьич. – Кнутов тяжело откинулся на деревянную перегородку, больно ударившись головой. Проведя рукой по темени, Анисим Ильич продолжил. – Водку пить, не означает проявлять уважение. Так, времяпрепровождение.

– Не скажите, – не согласился Василий Григорьевич, – вот вы ко мне в дом пожаловали в кои то веки. Разве это не есть уважение?

– Так ведь по делу приехал.

– И что? Всё равно уважили. Могли, к примеру, к себе вызвать. И сидел бы я у вас, пенёк пенёком, как на допросе.

– Ты бы сидел, – усмехнулся Кнутов. – С тебя станется.

Рука следователя потянулась к рюмке, и, не чокаясь, без малейшего намёка на тост, поднесла её к губам и резким движением отправила содержимое в рот. Кадык сыщика дёрнулся, и пропустил во внутрь огненную жидкость.

Самойлов пил небольшими глотками, как бы растягивая удовольствие. Кнутов брезгливо поморщился. Право слово, пьёт, как баба. Впрочем, произносить вслух ничего подобного Анисим Ильич не стал. В чужие хоромы со своим уставом не лезут.

Василий Григорьевич закусил квашеной капустой, перед тем нюхнув краюшку хлеба. Кнутов же налёг на мясо. Несколько минут над столом висела вязкая тишина, нарушаемая чавканьем и стуком вилок о посуду. Когда первый голод был утолён, Анисим Ильич промокнул рот салфеткой, и проговорил:

– Я вот к тебе по какому делу, Григорьич. Расскажи, как первым встретил питерского. Слышал, ты, чуть, было, не задержал его.

Пристав усмехнулся.

– И на старуху бывает проруха.

– Кто бы говорил, – Кнутов разлил водку по второму разу. – Чего ты к нему прицепился? Только выкладывай по порядку.

Самойлов выпил, вновь приложился к капусте.

– Да не понравился он мне, Анисим Ильич.

– Точнее.

– Ручки у приезжего больно шаловливые, – капуста хрустела на зубах пристава, но слова доносились твёрдо, даже жёстко. – С такими ручками карманы шмонать, а не инспекцией заниматься.

– И?

– Задержать хотел его, а он мне ксиву под нос. Я и говорю, что на старуху...

– Про старуху уже слышал. Ты уверен, что он лазил в ридикюль?

Самойлов медленно поднял правую руку и перекрестился:

– Как на духу, Анисим Ильич. Вы-то знаете, у меня глаз наблюдательный и осечки ещё ни разу не давал. «Щипача» я за версту чую. Лазил он к ней в ридикюль, как пить дать. Но, видимо, что-то почувствовал, и вернул обратно кошель.

– А чего ж ты его не прокрутил основательно?

– С той-то бумагой? И потом. Я что у него просил показать? Паспорт. А он по собственной, так сказать, инициативе эту бумаженцию подsunул, будто специально. Мол, гляди, пристав, с кем дело имеешь. – Самойлов прищурился, отчего вокруг глаз образовалась мелкая сетка морщин. – А может, то подделка была?

– Нет, документ чистый, – выдохнул с сожалением Кнутов.

– А более детально его крутили?

– Крутили. Чист. Вроде как. –

– Да, дела.

– То-то и оно. Чист наш добрый молодец, аки младенец. К тому же, и из столицы подтвердили его полномочия.

– Да, дела... – повторил Самойлов, доставая из кармана брюк платок и вытирая им вспотевшую шею. – Хотя, и сие ничего не означает. Сразу видать, что у вас своих – то детишек не было. А вот если брать ваше сравнение, то выходит, где-то должен наш гость обгадиться. Просто обязан. Вот тогда вы его и прищучите.

– А ты мне поможешь. – Кнутов не спрашивал. Его слова прозвучали, как приказ, чему Самойлов вовсе не удивился. Как только Анисим Ильич появился на пороге дома, он ждал этих слов. Если бы они не прозвучали сегодня, то завтра пристав не стал бы с Кнутовым общаться на данную тему.

– Что мне делать? – Самойлов посмотрел на следователя.

Анисим Ильич нацепил на вилку кусочек рыбы, задумчиво повертел им перед глазами и бросил на тарелку.

– Честно говоря, не знаю. Пока. Мальчишка ездит по всему городу, роется в бумагах, вроде, как делает то, что и положено выполнять в таких случаях. Да только, чует моё сердце, не тем он занят. А вот чем? – Кнутов наклонился к приставу. – Ты будь готов, на всякий случай.

– К чему?

– Да ко всему. И ещё одно: поговори со своими людьми по поводу того, что им известно об ограблении на Иркутской.

– Наслышан.

– Слышать мало. Мне воров найти нужно.

– Много украли?

– По мелочи. Кольца, брошь, деньги, что лежали в комоде.

– Думаете, наши сработали?

– Более некому. Заезжие все на глазах. А местные давненько о себе не давали знать. Терпели. Видимо, кто-то не выдержал, сорвался. Присмотрись, может кто из блатных собирается лапти намылить из города. Сообщи.

– Понял. – Самойлов спрятал платок. – Вопрос можно задать?

– Слушаю.

– Вы, прошу прощения, в столицу собираетесь вернуться?

– С чего ты это взял?

– Так не случайно же вы взялись за приезжего. Через него можно назад в Петербург вернуться.

«Он что, мысли читать умеет?» – поразился Кнутов, с трудом скрывая эмоции. – Ай да пристав, ай да сукин сын...

– А если и так, то что?

– Правильно сделаете, – произнёс Самойлов. – Нечего вам молодость и талант гноить на периферии. Это нам, старикам, уже смысла нет возвращаться на большую землю. Не ждут там нас. Да и нам никто не нужен. По крайней мере, мне.

– Ой, Григорьич, тоже мне старик.

– Да вот. Через два года пятьдесят стукнет. Считай, жизнь прошла. Силы не те. И здоровье тоже, – пристав горько усмехнулся и добавил. – Но вам, Анисим Ильич, помощь оказать смогу. Не беспокойтесь. А вы меня с причала... К себе. Или по рекомендации.

Кнутов прищурился.

– Хитёр ты, Григорьич.

– А куда ж без неё, без хитрости окаянной деваться? Все хотят жить. И не просто жить, а в довольствии. Опостылела мне пристань. Мочи нет. Вы ведь знаете, в сыске прежде был. Моё это. Так возвернёте?

Кнутов налил водку, и, подняв рюмку, пообещал:

– Верну. Как всё справим, так сразу. Но и ты не оплошай. Под слово пойдёшь. Под моё. А я его, слово – то, больно сильно ценю.

Полина Кирилловна была неприятно удивлена встречей с дочерью губернатора на территории Гостинодворского базара. Полный, с блестящей лысиной, купец Коротаев, потирая от удовольствия пухлые ручки, сам, лично обхаживал столь редкую покупательницу, предлагая ей весь ассортимент товара, начиная с модных летних шляпок, заканчивая отрезами роскошных тканей.

Анна Алексеевна со скучающим видом прохаживалась вдоль деревянного, отполированного сотнями и тысячами рук, прилавка, не столько рассматривая товар, сколько коротая время. Полина Кирилловна сей факт отметила моментально. «Бедная девочка!» – язвительная мысль обожгла сознание девушки, – «Не знает, куда деть себя. Ну, конечно, мы же привыкли к столице, балам, светским вечеринкам. А тут на тебе, кроме речки, да ссыльных морд, и смотреть не на что.»

Анна Алексеевна почувствовала на себе взгляд и резко обернулась. Глаза девушек встретились. Глубокие, синие, словно чистая морская гладь, – Полины Кирилловны, и зелёные, будто родниковой чистоты изумруд, – дочери губернатора.

Тело госпожи Мичуриной напряглось, выпрямилось, хотя куда ещё быть ровнее стройной берёзке. Нервные губы сжались, образовав чуть припухлую нить. А тонкие пальчики крепко держали модный, вышитый бисером, ридикюль.

Купец Коротаев, с восхищением смотрел то на одну, то на другую девицу. Эдакую дуэль ему доселе видеть не приходилось. Вон как дочка губернатора прищурилась. Будто выстрелить собирается глазками своими расчудесными. Да и купеческая дочь тоже не промах. Эвон, как грудь у неё ходуном ходит. И какая кошка меж ними пробежала? Неспроста, ой неспроста встреча сия вышла, решил про себя купчишка. Быть беде. Куда мичуринской девке тягаться с господами? И себя угробит, и отца подставит. Вот так вот, выпестуешь на свою голову такую кобылку, а после беды не оберешься. Нужно, при случае, решил Коротаев, Кирилле Петровичу шепнуть пару слов, чтобы за дочкой приглядывал.

Анна Алексеевна смотрела на соперницу. Пока не могла понять, в чём дело, потому смотрела несколько презрительно и высокомерно. Пусть знает своё место, чернавка. Любопытно, что в ней разожгло столь непристойную страсть, даже людей не стыдится?

А Полина Кирилловна и сама не могла себе объяснить, с чего это она вдруг взъелась на губернаторскую дочку. Приспичило, и всё тут. Будь сейчас повод, будь какая малейшая причина, оттаскала бы её за волнистые светлые волосы. Да так, чтобы слёзы из глаз брызнули!

Коротаев коротко кашлянул, и встал между девицами.

– Анна Алексеевна, так что брать надумали? Может, шёлку цвета апельсина? Очень модно, однако.

– Да нет... в другой раз. – девушка развернулась, и, не оглядываясь, направилась к дрожкам.

– Ну, да, ну да, – Коротаев суетливо проводил высокородную гостью до дверей, и, облегчённо выдохнув, повернулся в сторону Полины Кирилловны:

– А вы чего изволите, сударыня?

Анисим Ильич с трудом перешагнул порог полицейского участка, и, пройдя в свой кабинет, упал на старый, расшатанный стул. Перед глазами всё двоилось. Вот проявилось два стола, на каждом – по два чернильных прибора. Итого, четыре штуки. В двух левых углах столов стояло по два гранёных стакана. Подсвечников на столах было тоже два.

Анисим Ильич тихонько хихикнул, так, чтобы караульный не почуял, что происходит в следственной комнате. Сие двоение его привело в восторг. Это в кои же веки он стал обладателем четырёх чернильниц? А с другой стороны, на кой ляд ему целых четыре штуки этих бронзовых хреновин? Или, зачем, к примеру, два стакана, если хватает и одного? А можно и вообще обойтись без стакана. Кружкой. Или двумя! Кнутов снова хихикнул. Анисим Ильич мог позволить себе пошутить, потому как прекрасно осознавал, что чернильница у него одна. И стакан один. А во всём виновата, лишняя, пятая рюмка, которую он употребил «на посошок».

Пьяный взгляд Кнутова неудачно попытался сфокусироваться. Ничего утешительного не получилось. Приборы и не подумали исчезать. Мало того, они начали вертеться перед глазами, словно подчиняясь воле невидимого иллюзиониста. Голова вмиг стала тяжёлой, чужой. А такой голове всё равно, куда приложиться, потому она с глухим, тупым стуком упала на стол, прямо на мятый лист бумаги, на котором корявым почерком было написано следующее: «Онисим Илич, завтра идим».

Анна Алексеевна нервно теребила веер, словно твердо решила поскорее избавиться от экзотической вещицы.

Игнат правил молча, без привычных шуточек в адрес прохожих. В таком настроении он видел хозяйку впервые. Оно, конечно, и раньше бывали, как он выражался, взбрыки. Вылетит, бывало, из гимназии, словно ураган, или ветер шальной. Кинет школярскую сумку в ноги и молчит всю дорогу. Но, тогда причины были понятны, вразумительны. А теперь что? Бежала от Коротаева, будто кипятком её ошпарили. Бледная, взъерошенная. Ладно бы – купчишка её настропалил. Так, вроде, нет. До дверей проводил, Игнат сам, собственными глазами видел, как перед барышней двери распахнули. Нет, не купец виновен. Точно.

Анна Алексеевна чувствовала, что если сейчас, именно в данную минуту она на кого-нибудь не выплеснет всё накипевшее в юной, ещё не привыкшей к трудностям большой жизни, душе, то взорвётся сама. Кто такая эта купчиха бурхановская, чтобы так уставить на неё, дворянку, элиту, по крови родственную самому князю Шувалову? Да как она посмела усмехаться над ней, над дочерью самого губернатора?

– Что тащишься, будто лошадь сто лет не кормил! – Анна Алексеевна не сдержалась, и прикрикнула на кучера.

– Так, ваше благородие, вы ж сами наемни приказывали особо не гнать. Гнедая-то наша прихрамывает. Знамо... Запаять изволили?

– Ты что, мне будешь указывать, что помнить, а что нет? Хромает кобыла? На мясо её!

– Ваше благородие, что вы? Такой лошади во всём городе ни у кого нет. Даже у Мичурина. За неё ж такие деньжищи дали! Ну, приболела... Так с кем не бывает? Через день-другой будет бегать пуше прежнего.

– Ты слышал меня? – окрик заставил кучера обернуться.

– Слышал, Анна Ляксевна. Токмо прежде я с вашим батюшкой поговорю. Неужто можно вот так, за прихоти ради, лошадку и на мясо? И как у вас только язык повернулся сказать такое?

И этот туда же! Анна Алексеевна хотела ещё более грозно прикрикнуть на кучера, но дрожки наехали на камень, подбросили пассажирку, и та прикусила губу. Боль резко ударила в виски и выдавила слёзы из глаз. А ведь Игнат прав, прикладывая к губе платок, думала девушка. Лошадь-то при чём? А вот вчерашний гость, кажется, к столь странной встрече с купчихой имеет очень даже прямое отношение. Иначе, с чего бы это Мичуриной взглядом бодаться с ней, Баленской? Здесь повод может быть только один – приревновала купчиха её к Олегу Владимировичу. Как есть – приревновала. Узнала, что Белый вчера посетил их дом, вот и дала волю чувствам. Бестия!

Анна Алексеевна с чувством глубокого удовлетворения откинулась на прохладную кожу сиденья. А ведь я ей отвечу, да так!.. Приглашу Олега Владимировича, предположим, в театр. Нет, не предположим, а именно в театр. Лучшего места для сатисфакции трудно придумать. Если эта дура, Полина Кирилловна, сама не придёт, то уж её подружки точно ей натрещат, что видели их вдвоем в ложе. Пусть себе локотки покусает. А что, с Белым и впрямь не стыдно появиться в обществе. Высокий, плечистый. И улыбка... И поговорить мастер. Одним словом, любопытная личность.

– Игнат, – крикнула Анна Алексеевна в спину кучера. – Так и быть. Как приедем, поставь гнедую в отдельное стойло. Пусть выздоровеет. И корма ей побольше дай. В скором времени она мне очень даже пригодится.

Олег Владимирович прошёл в уже обжитый кабинет, в коем и застал Ермолая Константиновича за привычным, судя по всему, занятием. Тот спал. Не дремал, как это иногда случается на государственной службе, приложив руку к щеке и слегка посапывая носом. А именно спал, разложив тощее тело на трёх стульях, укрывшись, в такую-то жару! – старым, потёртым в некоторых местах мундиром, и при этом немилосердно храпел. храп сие чудосочное создание издавало богатырский – с переливами и постанываниями.

Олег Владимирович попытался старика просто разбудить. Но ни окрики, ни тряска никакого положительного результата не дали. Тело продолжало безмятежно предаваться морфею.

Олег Владимирович примостился на углу стола, ибо его стул тоже был под Ермолаем Константиновичем, достал из кармана трубку, набил её табаком, и раскурил. Душистый, ароматный дым быстро распространился по комнате. Ноздри старика быстро задвигались, втягивая непонятный запах. Храп прекратился. Сначала приоткрылся левый глаз. За ним правый. Спустя несколько секунд, ещё не проснувшийся помощник стоял пред начальством, с трудом приводя в порядок мятый костюм.

– Простите, – произнёс первое, что пришло на ум, Ермолай Константинович. – Я не думал, что вы сегодня, после столь активной поездки надумаете прибыть в казначейство.

– Да вот, надумал. Смотрю, вы трудитесь прямо – таки в поте лица.

Ермолай Константинович в последний раз провёл руками по лацкану кителя, и неловко улыбнулся:

– Смеяться изволите?

– Отчего? – Олег Владимирович выпустил горлом тугую струю дыма. – Смеяться над людьми не входит в мои привычки. Впрочем, как и доносить на них. Так что, можете не прятать руки за спиной.

Белый встал, взял в руки стул, поставил его возле двери и оседлал.

– Скажите, вам знакомы братья Бубновы?

– Молокане-то? – вскинулся старик. – Да кто ж их не знает? Трудолюбивые хлопцы, пашут, словно коняки. Да только не всегда удачно. Вот взять, к примеру, Кириллу Петровича Мичурина. Он с Благовещенска начал, а уже и в Хабаровске свои лавки открыл, и в Харбине у него два магазина имеется. В Шанхае, поговаривают, собирается бакалею открыть. А молоканам всё не везёт. Дальше Благовещенска никак тронуться не могут.

– Почему?

– А кто ж его знает? Может дела ведут неправильно. А может, торгового фарту не хватает.

– Чего не хватает?

– Фарту. Удачи.

– А что, без фарту никак?

– А куда ж без него? – уверенно произнёс Ермолай Константинович. – Фарт – он не только уголовникам да цыганам нужен. В торговом деле первейшая вещь. Говорю, как человек, который вот уже как третий десяток работает с деньгами. Пусть и не со своими.

– Да, – Белый хлопнул старика по плечу, – Чувствую, после общения с вами переменею мнение о торговцах. Впрочем, я не о том. Вот что, Ермолай Константинович, завтра я еду в Марковскую. К вечеру вернусь. Просьба у меня к вам имеется. Наведите справку об этих братьях – молоканах. Но такую, чтобы имелась полная информация об их деятельности.

– Да навести-то не проблема, – старик почесал затылок. – А вот ехать я бы вам завтра не советовал.

– Это почему? Опасно?

– Да нет. Дождь будет.

– И что? Небось, не сахарные, не растаем.

– Думаете? – скептически протянул старик. – Тогда – Бог вам в помощь.

Анисим Ильич проснулся лишь под вечер. Точнее, пришёл в чувство, благодаря падению со стула. Минуты две он никак не мог сообразить, где находится. Предметы, до сей поры размытые и плавающие, с трудом обретали в его глазах реальный вид. Потом понадобилось ещё некоторое время, чтобы Кнутов вспомнил, как попал в свой кабинет. Грусть и уныние сжали грудь. Анисим Ильич провёл сухим языком по губам: пить хотелось немилосердно.

Поднявшись на ватных, непослушных ногах, Кнутов прошёл к столу, левой рукой сжал стакан, а правой потянулся к графину с водой. Именно в этот момент он и увидел лист бумаги, на котором недавно имел счастье спать. Присмотрелся. Слова поплыли перед взором сыщика. Единственное, что он смог различить, так это первое, странное слово: Онисим. Кто такой Онисим? Какой Онисим? Египетский бог, что ли?

Кнутов попытался произнести странное слово вслух. Ничего не вышло. Твёрдый, распухший язык отказывался повиноваться. После стакана воды немного полегчало. Впрочем, не надолго. Кнутов знал эту проклятую особенность своего организма: с похмелья тот требовал спиртное, а не воду. И требовал так, что любые адовы муки не шли в сравнение с тем, что испытывал Анисим Ильич. Единственное, что спасало – действие. Требовалось заставить себя через силу подняться, и двигаться. Делать что угодно: ходить, писать, допрашивать, но не оставаться в покое. Перемещаться так, чтобы кровь бродила по организму, выбрасывая из него через пот, слёзы и иные естественные жидкости хмельной яд.

Тёплый стакан прижался к горячему лбу сыскаря. Господи, и кто придумал водку? Чтобы он сам так мучился!

Кнутов выпил ещё стакан воды, оглядел себя в зеркале, и, удовлетворённый своим внешним видом направился, было, к двери. Но на полпути остановился, вернулся к столу, ещё раз перечитал безграмотную писульку. Теперь становилось более-менее понятно. Таинственный Онисим оказался им самим, Анисимом Ильичом Кнутовым. А вот фраза «завтра идим» означала только одно: Олег Владимирович Белый решил ехать за город. Точнее, в одну из казачьих станиц. Что ж, видимо сам всевышний благоволил Кнутову в его намерениях.

Белый с неприязнью смотрел на Рыбкина. Он терпеть не мог не уверенных в себе людей.

Станислав Валерианович, присев на край стула, нервно тёр ладони, будто пытался скатать с них всю накопившуюся за день грязь, вместо того, чтобы просто пойти и вымыть руки. Олег Владимирович понимал, что Рыбкин чувствовал себя не комфортно. Но не до такой же степени...

Неприязнь была от той писанины, что принёс поручик на ознакомление инспектору из столицы. Собственно, знакомиться было особенно не с чем, а уж критиковать – тем более. Олег Владимирович вновь попытался прочитать написанное быстрым, плохим почерком в тонкой тетради в косую линейку. Вчитываться приходилось буквально в каждое слово, отчего целая картина никак не складывалась. Это ещё более раздражало. И еще – суетливые руки поручика, которые никак не могли найти себе места.

Белый в четвёртый раз поднёс тетрадь к глазам.

*И солнце на запад уходило,
Стена меж нами выростала.
Меня ты, всё же не простила.
Меня ты просто потеряла...*

Господи, какая банальность! Олег Владимирович прошёл к столу, налил водки в обе рюмки. Одну протянул гостю, вторую, не чокаясь, осушил сам. Следом за водкой пошел кусочек фаршированного сома. Немного полегчало. Но продолжать знакомиться с рифмованным чтивом далее никакого желания не было.

– Вам не понравилось? – Станислав Валерианович пить не стал. Рюмка так и осталась на краю стола.

– Отчего вы так решили?

– Вижу.

Слава богу, не мне первому пришлось сказать это.

– Честно признаться, да. Это не стихи. Это, простите, Станислав Валерианович, зарифмованный набор фраз. Не более.

– И в чём, простите, это выражается? – голос поэта дрожал. Судя по всему, подобного ответа он никак не ожидал.

– Во всём, – Белый оседлал стул, и, не переставая жевать, продолжил монолог. – «И солнце на запад уходило...» Тоже мне, сделали открытие. Оно испокон веку на запад уходит. «Стена меж нами выростала...» Допустим. В этом нечто поэтическое имеется. Но далее. «Меня ты всё же не простила, меня ты всё же потеряла...» Последнему дурню и так понятно, что ежели женщина не прощает, то она теряет. Причём, она именно к этому и стремится. Далее. В ваших творениях есть только вы. Один вы, и никого более. А где чувства женщины? Где ваши светлые отношения? Простите, Станислав Валерианович, но ваши стихи нужно читать не как поэтическое слово, а как псалтырь. Гнусаво и нараспев.

Рыбкин молча глядел в пол. Руки поручика всё сильнее тёрлись друг о дружку, будто старались протереть дыры в ладонях.

Белый перевёл дыхание. Собственно, какого лешего он накинулся на поручика? Человек пришёл к нему открыто, с надеждой, а тут ушат холодной воды. И было бы от кого. От чиновника, который в поэзии ни ухом ни рылом. Олег Владимирович решил хоть как-то сгладить неловкость.

– Понимаю, вы хотели высказать свои чувства по отношению к той особе, которая вас покинула. По какой причине? Я этого не смог определить из опуса. Но, Станислав Валерианович, поэт, он на то и поэт, чтобы вознестись над суетным миром. А вы всё в нём утонуть жаждете. Тоска, да и только.

Голова поручика опустилась ещё ниже, Олегу Владимировичу стало видно начинающее лысеть темечко господина Рыбкина.

– Сколько вам лет, Станислав Валерианович?

– Двадцать. А что, это имеет какое-то значение?

– Абсолютно никакого. – «Бедный мальчик», – подумал Белый, придвинул стул ближе к собеседнику. – Поручик, бросьте вы, к чёртовой матери, заниматься поэтикой. Или встряхнитесь! Поэзия, Станислав Валерианович, есть не просто текст, напечатанный на чистом листе, и оформленный в переплёт. Поэзия сродни математике. Причём, они не просто родственные науки. А зеркальное отражение друг друга. И там, и там должна быть железная логика. Аргументы и доводы, как в математической задаче – каждый знак, каждое слово строго на своём месте. Именно то слово, которое необходимо. Его невозможно подменить, подставить, подкорректировать. Иначе поменяется весь смысл, вся логика творения.

– Тоже мне сказали, математика. – усмехнулся Рыбкин. – Вы бы ещё сравнили с анатомией. Как любовь к женщине распадается на составные детали. На физическую, духовную, химическую. Влечение к любимой женщине есть не любовь, а животная страсть, требующая размножения! В таком случае, исходя из вашей точки зрения, мы можем скатиться до такого примитивизма, что дикари в Австралии – и то будут выглядеть более цивилизованно, чем мы.

– А я об анатомии ничего не говорил. И о любви тоже. Я говорил о поэзии, а та есть выразитель чувств. Если вы любите женщину, то вам не обязательно ссылаться на конкретный объект, чтобы тот почувствовал, что вы обращаетесь лично к нему. Это можно сделать и иносказательно. Вот, к примеру:

*Не первый вздох твоей любви —
Последний стон и боль разлуки
В часы отчаянья и муки
Вспоминаньем оживи.*

*Как осень грустными цветами
Душе понятна и родна, —
Былых свиданий скорбь одна
Сильнее властвует над нами.*

*Последний миг душа хранит,
Забыв про все бывшие встречи:
Единый звук последней речи
Душе так внятно говорит.*

Белый закончил читать. В комнате наступила тишина. Вязкая, подумалось Олегу Владимировичу. Не гнетущая, а неуверенная, робкая. Тронь её, и рассыплется.

– Кстати, – столичный чиновник всё-таки решился её нарушить. – Редко какому поэту удавалось передать свои чувства к одной, конкретной женщине, но так, чтобы их, то есть ощу-

щения, прочувствовали и окружающие. Припоминаю только один пример. Письмо к Анне Керн.

– Кого вы мне только что продекламировали? – Станислав Валерианович, казалось, не услышал последней фразы Белого.

– Юрий Верховский. Начинаящий столичный поэт.

– Хорошо...

Рыбкин подошёл к окну, долго смотрел на умирающий за стеклом вечер. Белый терпеливо ждал, пока поручик разберётся со своими чувствами.

– Мне говорили, вас публикуют в местной газете?

– Что вы сказали? – Задумчиво переспросил Рыбкин. – Ах, да. Бывает... Изучал, для общего развития, историю края, как-то само собой родилось стихотворение, посвящённое Николаю Николаевичу Муравьёву. Вы хорошо декламируете...

– Просто мне запомнились эти строки. Кому-то другие. Кстати, по поводу памяти, вы не помните, кто из ваших офицеров пристрастен к азартным играм?

Поручик перестал писать.

– А для чего это вам? – В голосе Станислава Валериановича слышалось удивление. – Желаете расписать пулю?

– В некотором роде. С кем бы вы мне посоветовали провести с пользой время?

– Если с пользой, то с кем угодно. Кроме подполковника Дерябьева. Обчистит без всякого зазрения совести. Говорят, у него шесть тузов колоде. Есаул Некрутов, из казачьего полка, тоже мастак на подобного рода делишки. Но его сейчас нет в городе. Впрочем, как и Дерябьева. А так, со всеми остальными, сколько угодно. Можете, к примеру, попробовать силы со штабс-капитаном Индуровым. Он вас сегодня встречал у ворот в расположение части. Хотя, и о нём поговаривают, будто бы мухлюет, но за руку никто не поймал.

– А Некрутова – ловили?

– И ещё как. Будь на его месте кто другой, то давно бы уже в «русскую рулетку» сыграл. Или, в крайнем случае, ушёл в отставку и уехал куда подальше. А с этого, как с гуся вода. Азарт, плюс любовная страсть.

– А объект?

– Ясное дело, Полина Кирилловна.

Белый поморщился: ещё одно напоминание об этой красавице. Второй раз за день. Такое ощущение, будто в этом городишке от Полины Кирилловны Мичуриной с ума сошло всё мужское население.

– А почему, ясное дело? Неужели, кроме неё, в Благовещенске красивых девушек более не имеется?

– Как же не имеется? Есть, и ничуть не хуже. Но тут ведь речь идёт об о всём, в целом. – Белый чётко расслышал иронию в речи поручика. – Красота, юность, деньги, папашины связи. Полный комплект жениха.

– Я смотрю, вы недолюбливаете семейство господ Мичуриных?

– Я их недолюбливаю? – Переспросил Рыбкин, и рассмеялся. – Нет. Вы ошибаетесь. Их для меня просто не существует.

– Потому, что Полина Кирилловна дала вам от ворот поворот?

– Вам уже рассказали версию небывалого? – Станислав Валерианович достал платок и промокнул повлажневшие от смеха глаза. – Ох, уж этот городок... Сплетен в нём больше, чем событий.

– И то, что вы некогда ухаживали за дочерью губернатора, тоже сплетня?

Рыбкин оборвал смех.

– А этой темы, Олег Владимирович, я бы вас попросил не касаться. Это моё, личное.

Вот те на! Белый набил трубку табаком и закурил. Мичурина поручику безразлична. Он по уши влюблён в дочь губернатора. Вон как вспетушился. Белый затаился дымком и произнёс:

– Давайте всё расставим местам, Станислав Валерианович. Для того, чтобы меж нами в будущем не было недоговорённости. Насколько я понял, вы небезразличны к Анне Алексеевне Баленской. И то стихотворение посвящено именно ей. И, наверняка, вы будете делать попытки возобновить с этой девушкой отношения. Так вот...

– Можете не продолжать, – перебил Рыбкин Олега Владимировича. – И я понял: скажем так, любовь с первого взгляда. Верно? А иначе как принимать ваше поведение? В городе вы всего – ничего, и вдруг, такой неожиданный поворот в беседе... Теперь мне понятно, отчего у вас повышенное впечатлительное состояние: вы даже поэтику сравнили с точной наукой.

– Перестаньте!

– Нет уж, позвольте договорить до конца. – Рыбкин спрятал руки в карманы кителя, отчего принял смешной вид. Впрочем, Олегу Владимировичу было не до смеха. – Вы только что изволили прочесть целую лекцию о причинах, по которым мне не следует заниматься поэзией. Знаете, вы будете удивлены, но я согласен с тем, что вы сказали. Но не с вашими доводами. Меня убедил ваш... Верховский. Может быть, я действительно никчемный бумаго-маратель. Но чувства живут во мне настоящие. Да, я до сих пор люблю Анну Алексеевну. Даже не смотря на то, что меж нами произошло.

– Меж вами ничего не могло произойти, – вставил свою реплику Олег Владимирович. – Взаимностью вам не ответили. И это вас оскорбило.

– Не смейте так говорить!

– Я говорю о том, что вижу. – Белый встал напротив Рыбкина, положив трубку в пепельницу. – Ваши надежды не оправдались. Вы признались в любви и получили отказ. Но не потеряли надежду. Ваше право! Я тоже нахожусь в вашем положении. И хочу, чтобы Анна Алексеевна ответила мне взаимностью. Но мир устроен так, что сие не от нас зависит. А теперь вернёмся к началу нашего разговора. Вы сами говорили, нельзя любовь рассматривать с точки зрения анатомии. И страстно желаете возобладать женщиной, которая к вам не испытывает никаких чувств. Разве это не насилие? Ею можно овладеть, а что дальше? Будете ли вы счастливы, осознавая, что она несчастна рядом с вами? Что она вам принадлежит только как жена, но не как любящая женщина? Вам этого хочется?

Белый одним сильным ударом выбил пепел из трубки и упал на стул.

– Любовь, Станислав Валерианович, – не спортивное состязание. Приз-то вы, может быть, получит. Да только как после будете жить с женщиной, которая вас не любит? Не спорю, есть надежда, что стерпится – слюбится. Но кому придётся терпеть? Конечно, можно стреножить её ребёнком. И это будет самый верный способ привязать к себе. Да только владеть вы будете лишь физической оболочкой. Не более. Вам этого довольно? Лично мне – нет!

Рыбкин вновь вернулся к окну. Ночь уже опустилась на город, скрывая размытые фигуры прохожих.

– Вроде вы всё правильно, и точно, обосновали, Олег Владимирович. Но я хотел бы посмотреть на вас, когда вы входите в её дом, – а она только вчера лёгким поцелуем поздравила вас с днём ангела, – и в вас горит надежда, но вы встречаете у неё нового поклонника. Которому, как выясняется, она благоволит, так же, как и вам. И поздравление в прошлый день получили не только вы...

Белый вновь вскинулся с места.

– Простите, Станислав Валерианович, но я не желаю продолжать этот разговор. Могу только добавить: я не собирался с вами обсуждать эту тему. Так получилось. Мне бы не хотелось оставлять меж нами недомолвки: всё бы вскрылось рано или поздно. Теперь же – честь имею!

– Благодарю за откровенность. – Рыбкин вернулся к столу, свернул тетрадь и сунул её в карман кителя. – Олег Владимирович, я ещё в канцелярии догадался, что вы пригласили меня к себе вовсе не для того, чтобы познакомиться с моими виршами. Я не прочь расставить все по местам

Глава пятая

*Но близок час начала славных битв.
Отвага полнит грудь, она – им щит.
Пред ними поле пестрое игры,
Где короли раскинули шатры...*

(Уильям Джонс, "Каисса" (1763))

Утром следующего дня Анисим Ильич Кнутов первым делом посетил гостиницу «Мичуринскую». В дверях его встретил сам хозяин.

Кирилла Петрович Мичурин являл собой фигуру значительную, колоритную. Высокий, с широким разворотом плеч, в английском костюме с чёрным в белый горошек галстуком на груди, купец, своими манерами и поведением, без сомнения, мог бы покорить и столичное общество. Круглый, большой живот, скрытый атласным жилетом, придавал ему уверенный и солидный вид. Руки производили спокойные, размеренные движения, в такт хорошо поставленной речи почётного гражданина Благовещенска. Единственное, что не запоминалось в Мичурине, были глаза. Они прятались под густыми бровями, словно не желали показать выражение мысли. Отчего у собеседника складывалось впечатление, будто он общается со слепым. Впрочем, сие ощущение моментально пропадало, лишь Кирилла Петрович начинал говорить. Голос он имел густой, бархатный – заслушаешься. Не ткани рекламировать, а в опере петь.

– Доброе утро, Анисим Ильич. – Кирилла Петрович распростёр объятия, однако продолжения жест не получил. Кнутов сделал вид, будто не заметил этого. – Какими к нам судьбами? И с утра?

– Да вот, хотел встретиться с вашим постояльцем.

– Это с каким? – тут же поинтересовался Кирилла Петрович.

– Да тем, что из столицы прибыл.

– А, – протянул Мичурин, – с вредителем.

– Вы имеете в виду стол?

– И нож. – добавил Кирилла Петрович. – Такое сей господин сотворил со столовым серебром... Хотя, – Кирилла Петрович наклонился к лицу сыщика, – честно признаюсь, дал бы любые деньги, чтобы увидеть, как он это сделал. Мебель-то у меня, сами знаете, отменная. Тройным лаком покрыта. А серебро – металл мягкий. А ведь вогнал, сукин сын!

В голосе купца явственно звучало восхищение. Конечно, подумал Кнутов, имея такие деньги, о каком-то ноже можно и не думать. Впрочем, что это я чужие деньги начал считать?

– Опоздали вы, – между тем продолжал Мичурин. – Уехал ваш человек. Сегодня утром. На дрожках вашего управления.

– Жаль, – Кнутов устало провёл рукой по лицу, словно стирая пыль. – Передать мне ничего не просил?

– Меня – нет. Может, прислугу...

Кнутов тяжело опустился на ближайший стул.

– Кстати, Анисим Ильич, а вы не знаете, часом, почто ваш друг интересуется моей персоной?

Вопрос прозвучал неожиданно. Хорошо, что Кнутов в этот момент слегка наклонился, и купец не мог видеть его лицо, на котором отразилось удивление. Вот так дела: инспектор прощупывал Мичурина! Не иначе, как вчера, в казарменной канцелярии? Или в кавалерийском полку. Интересно, кто донёс купцу сию новость?

Анисим Ильич приподнял голову, и его взгляд встретился со зрачками хозяина гостиницы, спрятанными за складками век и морщин.

– Да нет, знаете ли, Кирилла Петрович. Сей факт мне не ведом. Он, что, вас допрашивал?

– Еще чего? – Усмехнулся купец. – Просто слушок дошёл. Ну, коли вам ничего не известно, придётся мне переговорить с Владимиром Сергеевичем. Самому.

Кнутов мысленно воспроизвел проанализировал диалог. Вроде, нигде сбою не дал. В городе всем было известно, что Мичурин находится на короткой ноге с Киселёвым. И последний частенько прислушивается к мнению Кириллы Петровича.

Анисим Ильич с трудом подавил стон. Внутри, после вчерашней попойки, всё болело. Желудок крутило. В голове ворочалась тяжёлая пустота.

– Вижу, вы нынче не в духе, Анисим Ильич. – «Издевается, сволочь», – подумал Кнутов. – Случилось что?

– Да нет. Голова болит.

– Ну так – посидите. А я отдам распоряжение приказчику, чтобы вам принесли холодного кумысу, и прислали служку, что присматривает за апартаментами вашего знакомого. Если вы, конечно, не передумали с ним встречаться.

Кнутов остался один. На кухне гремела посуда. По залу пробежал половой, сметая на ходу невидимые соринки со стола. Тишина действовала на Кнутова успокаивающе, но была недолгой.

Только Кирилла Петрович покинул собеседника, двери распахнулись, и в зал влетел помощник Анисима Ильича, младший следователь Крылов.

– Беда, Анисим Ильич! – с ходу заорал он, словно оглашенный. – Беда!

– Не ори, – Кнутов поморщился от боли в висках. – Что случилось?

– Убийство! Сегодня ночью! Убили Кузьму Бубнова.

Боль моментально пропала. Кнутов вскочил на ноги, не заметив, как уронил стул.

– Когда? При каких обстоятельствах?

– Так я же говорю: сегодня ночью. Хотели ограбить, и вот...

– Ах ты господи... – Анисим Ильич кинулся, было, к дверям, но тут же остановился, и резко повернулся к Крылову.

– Вот что. Я – на место преступления. Ты оставайся здесь. Сейчас прибежит мальчишка, что здесь прислуживает, опроси его. Главное, выясни, когда вчера вернулся его постоялец. Если встречался, то с кем? Уходил из гостиницы, или нет? Во сколько сегодня уехал? После – мухой в дом Бубновых, ко мне – с докладом. Господину полицмейстеру об убийстве доложили?

– А как же, Анисим Ильич! Первым делом!

– Хорошо, – Кнутов тут же плюнул себе под ноги. – Чёрт, что я говорю. Всё, действуй. И чтоб всё выяснил!

Дрожки весело катились по пыльной дороге. Пейзаж с обеих сторон напоминал средне-русские просторы с березовыми колками и тальниковыми зарослями по берегам стариц и проток Амура. Солнце жарило нещадно. Белый в который раз вытер пот с лица:

– У вас такое лето жаркое? Или это мне повезло?

– Жара такая почитай кажин год, ваше благородие. Парит, скоро дождь пойдёт.

Олег Владимирович посмотрел на небо.

– Какой дождь? Хоть бы одна тучка!

– Не волнуйтесь. Набежит, – уверил кучер, остановил дрожки, прыгнул на землю, и принялся поднимать навес. – И глазом моргнуть не успеете.

Странное место, принялся размышлять Олег Владимирович, отмахиваясь платком от мух и комаров. Летом жара, словно в Африке. Сказывают, зимы. Даже не верится...

Белый прикрыл глаза. Последние дни, проведённые в Благовещенске, вновь, нахлынули на него. Беседа с Киселёвым. Встреча с генерал – губернатором. Казармы. Беседа с Рыбкиным. И ничего! Практически, никаких зацепок. Так, неопределённые намётки, не более того.

Олег Владимирович с силой тряхнул головой. Так дело не пойдёт. Он уже, фактически, изводит себя возложенным поручением. Эдак, и до расстройства организма недалеко. Хотя бы сейчас, в дороге, следует отвлечься, отдохнуть, расслабиться.

Олег Владимирович достал из внутреннего кармана модного английского пиджака плоскую фляжку с коньяком, сделал маленький глоток, вновь спрятал её и направил мысли в другое, более приятное, русло. Анна Алексеевна-конечно же!

Лицо и голос Анны Алексеевны предстали в его сознании столь явственно, что дыхание перехватило от сильных чувств. Вот ему представился её локон, мягко струящийся на узком, хрупком плече. Уголки рта, чуть приподнятые в смелой, призывной улыбке. Руки. Маленькие, с тонкими, словно зябками, пальцами. Когда он целовал руку при знакомстве, ощутил нежный, возбуждающий аромат кожи. В тот момент пальчики слегка дрогнули, поцелуй Олега Владимировича был не только данью традиции, но и знаком пробуждающейся страсти. Аннушка явно почувствовала тогда его состояние. Аннушка... Странно, как это милое слово, хоть и в мыслях, вырвалось у него само собой. И как оно удивительно ласково звучит: Аннушка.

Гром с небес отвлек Белого от приятных размышлений. Кучер обернулся:

– А я вам что говорил? Сейчас ливанёт. Как из ведра.

– Так перебирайся ко мне, – Олег Владимирович кивнул на место рядом с собой.

– Не положено, ваше благородие.

– Мне лучше знать, что положено, а что нет. Садись! – Теперь уже приказал Белый. Кучер послушно сполз с облучка и уселся рядом с барином.

– До Марковской-то далеко еще? – поинтересовался Белый.

– По сухому часа за два бы добрались. А так почитай к обеду, даст Бог. Ночевать там придётся, – вывел резюме мужик.

– С чего это?

– А иначе никак, – от кучера шел крепкий дух чеснока и лука. – Пока вы разные свои дела там порешаете, пока Семён Петрович с вами покалякает, вот и вечер. А ночью ехать никак нельзя. Дорога после дождя расквасится. Зверье опять же. Задрать не задерёт, а лошадей напугать может.

Крупные, тяжёлые капли глухо застучали по матерчатому верху. Сначала – редко, с неохотой, а спустя несколько секунд, словно разыгравшись, дождь принялся упруго и звонко барабанить по навесу, словно пытаясь пробить плотную ткань, защищавшую ездовых. Белый протянул руку и та моментально стала мокрой.

– Дождь – то тёплый! – с восторгом выкрикнул Олег Владимирович.

Кучер посмотрел на попутчика и пожал плечами. А какой же ещё – летом-то?

Чиновник откинулся на сиденье и закинул руки за голову. Свежий воздух мягко обдавал лицо. Пыль улеглась, и теперь лёгкие дышали упруго, глубоко, с наслаждением втягивая приятные ароматы лета. Даже доставать трубку не возникало желания.

– Что закручинился, старик? – молодой человек обернулся к кучеру.

– Дорога... Она на всякие мысли и рассуждения настраивает.

– И на какие, к примеру, мысли она настроила тебя?

– Да так, разные. Вам, барин, поди, будет неинтересно.

– Что ж, не хочешь рассказывать, молчи.

Кучер понужнул лошадей.

– А как вы, барин, к песне относитесь?

– Смотря к какой.

– К самой простой. Что людьми писана.

Белый усмехнулся:

– Песни все людьми писаны.

– Так-то оно так... Да вот только одни в песню душу вкладывают, а другие невесть что. Абы орать.

– Сам-то ты какую песню любишь? – молодой человек с интересом смотрел на кучера. Прямо поэт, под стать Рыбкину.

– Так вы, барин, послушайте, а после скажите, с душой сия песня, али нет.

Мужик несколько секунд помолчал, вроде как собирал себя, и вдруг неожиданно чистым, грудным голосом запел:

*Как в Амурской области¹,
А и Господи, прости, словно у людей,
Завелись дела – порядки:
Просят света, гонят взятки
Чудеса ей, ей!*

*Генерал иркутский Буссе,
Губернатор в новом вкусе
Дуй его горой!
Он большой руки оратор,
Дипломат, администратор,
Он же и герой!*

*Хоть наружностью невзрачен,
Но воинственный Маймачин
Штурмом чуть не взял!
При своём здоровье слабом
Он иркутским главным штабом
Бойко заправлял!*

– Это что, частушки? – Вставил реплику Олег Владимирович, когда кучер набирал полную грудь воздуха.

– Так точно, ваше благородие. Не понравилось?

– Отчего? Даже наоборот. Только не всё понятно. К примеру, что такое Маймачин?

– Да городок такой... в Китае. Сам то я в нём не бывал, – кучер неопределённо пожал плечами. – Раньше наши мужики, когда я мальцом бегал, ездили туда торговать. Поди, важный городок был, ежели его штурмом брали. Зазря в песню строку не вставят.

«Смотри, какой сообразительный мужичок! Про Буссе спрашивать не станем», решил Олег Владимирович. Он и так был наслышан о деятельности Владимира Вильгельмовича в Амурской области, да и в Петербурге. В офицерской среде о генерале Буссе вспоминали только в негативных тонах: карьерист, выскочка. Даже обвиняли в том, что присвоил себе часть заслуг своего сослуживца и наставника генерала Муравьёва.

Однако, в министерстве иностранных дел, что для Белого стало полной неожиданностью, Владимиру Вильгельмовичу дали совсем иную рекомендацию. Помощник министра отозвался о Буссе, как о прекрасном администраторе, который первым от имени МИДа установил прямой контакт с китайскими чиновниками. Именно при Буссе была налажена торговля между Россией и Китайской стороной. Кучер, естественно, всех подобных тонкостей знать не мог, но вот автор

---

¹ Текст песни обнаружен в архивах Амурской области преподавателем БГПУ, проф. А. В. Лосевым.

данной песни знал все очень даже детально. К примеру, тот факт, что упоминался в последнем куплете: перед тем, как получить назначение на пост генерал – губернатора Амурской области, Буссе непродолжительное время, в самом деле, командовал штабом войск Восточной Сибири, находящимся в Иркутске.

Кучер, между тем продолжал песню:

*Честь крестового похода,
Пятьдесят шестого года
Свято чтит страна!
Вот по этим, по заслугам,
Говорят к его услугам,
Область создана!
Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом,
С молодой женой.
Подождём, что будет дальше,
А покуда генеральша:
Телом и душой!*

*Понабрались с ними франты,
Гальдерманы, Гильдербранты,
Тут же и Петров!
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы, палаты,
Хоть морозь волков!*

Олег Владимирович расхохотался. Настолько смешно слышались немецкие, чуждые славянскому слуху фамилии в устах простого мужика, которому, разве что только розгами, можно было их вбить в крестьянскую голову. Кучер, не обращая внимания на смех барина, продолжал выводить:

*Обеспечив помещеньем,
Принялись за управленье,
Что всего нужней?
Мы потом займёмся краем,
Перво-наперво, Китаем!
Это – поважней!*

*Ведь китайцы крайне глупы,
Неразвиты, грязны, тупы,
Ну их воспитать!
Они страшные невежи,
Принимать их будем реже,
Чаще к ним писать!*

*Вот Асламову работа,
То и дело пишет ноты,
В Айгунь, ко двору!
Их там, может быть, читают,*

*Да всё нас то не пускают,
Вверх, по Сунгару!*

*Да в Айгунь, и то пробраться,
Не всегда легко, признаться,
Был такой случай:
Раз, инкогнито, зимою,
Он поехал там с женою,
Праздник посмотреть!*

*Их погреться не пустили,
Всё по улицам водили,
Словно напоказ...*

– Ладно, будет, – оборвал песню Олег Владимирович. Концовка частушек ему не понравилась. Любят у нас позлословить за спиной. Тем паче, ежели сам объект уже и ответить не в состоянии. Не хватало, чтобы мужичье обсуждало действия и поступки дворянина. Пусть даже в песне. Эдак и до бунта недалеко. В такой вот местности, где в основном проживают ссыльные.

Кучер обиженно замолчал. Олег Владимирович прикрыл глаза, и вскоре задремал.

...Труп купца Кузьмы Бубнова находился на втором этаже, в переходе, соединяющем спальню с кабинетом. Покойник лежал в полусогнутой позе, прижав обе руки к животу. Тело к приезду Кнутова успело окоченеть, а потому Анисиму Ильичу потребовались некоторые усилия, чтобы перевернуть его и осмотреть смертельные раны. Их было две. Обе в области живота: ближе к мочевику и чуть выше – в области кишечника.

«Удары наносили снизу», – машинально отметил Анисим Ильич. На заточку не похоже. Но и не нож. Нечто среднее между ними.

Из спальни слышались глухие стоны и завывания. Жена, догадался Кнутов. Точнее, вдова. Как доложил младший следователь Селезнёв, именно она первой обнаружила труп. Утром. С вечера Кузьма Бубнов задержался у брата, Ивана, и приехал домой поздно. Будить жену не стал. По всему – решил спать в кабинете. Селезнёв показал старшему следователю широкий диван, на котором лежали большая пуховая подушка и скомканный плед.

– Судя по всему, – возбуждённо бормотал Селезнёв, мужик неглупый, но в сыском деле, как считал Анисим Ильич, бестолковый. Начитался всякой детективной мурсы из сытинской типографии и ко всякому месту пытался применить литературный вымысел, чем не помогал, а подчас явно вредил проведению следственных мер. Между тем Селезнёв гнул свою версию. – Думаю, убитый спал. В кабинет проникла неизвестная личность с целью наживы. Последняя явно не думала, что хозяин будет ночевать в этой комнате. Бубнов вскочил, бросился на вора. Тот и применил оружие...

– Где расположены комнаты прислуги?

– В полуподвальном помещении. Где ж ещё?

– Что на первом этаже?

– Столовая, зала и комнаты для гостей, детские там же...

– Никого из гостей не было на момент преступления?

– Никак нет-с.

Кнутов прикинул расстояние от кабинета покойного до спальни. Шагов десять. Не более.

– Вдова ничего не слышала?

– Нет-с. Спали-с.

«Крепенько же они спали», – подумал про себя Анисим Ильич. Вслух переспросил:

- Говоришь, покойный Бубнов бросился на вора?
- Точно так-с.
- И? – Анисим Ильич исподлобья посмотрел на подчинённого.
- И вор, то есть – уже убийца, убежал. После того, как всё произошло.
- Куда?

Младший следователь пожал плечами:

- В окно... Я так думаю. Или в двери... Хотя, в двери могли увидеть.
- То-то, что могли. Ты окно осматривал?
- Ещё нет.
- А чем же ты, интересно, занимался?

– Жёну Бубнова, ну, то есть вдову, успокаивал, – Селезнёв смотрел на Кнутова открыто и преданно. Голос молодого, неопытного сыщика слегка дрожал, что Кнутову было понятно. Как-никак, первое убийство в городе за весь год, что младший следователь служил в управе. – А может, китайцы... шалить вздумали?

– А может, рак на горе свистнул и вприсядку в пляс пошёл? – Анисим Ильич отмахнулся от бесполезного помощника и принялся осматривать комнату. Подданные из Поднебесной империи действительно занимались грабежами два-три года назад. И основательно. Однако, Кнутов решил эту версию положить на дальнюю полку. Во-первых, китайцы никогда не шли на «мокрое дело», опасаясь мести со стороны властей и влиятельных родственников убиенного. А во-вторых, «рыжьё», то есть золото, они предпочитали не обработанное ювелирами, а в самородках. Его было легче сбывать: мол, шёл по тайге, шёл, да нашёл. Попробуй придраться!

Первое, на что обратил внимание Анисим Ильич, было то, что убийца обшарил кабинет поверхностно. Открыл ящики комода, слегка в них порылся, даже не выбросив бельё на пол. А ведь именно внутри кальсон и бюстгалтеров купцы, как подсказывал опыт сыщику, чаще всего прятали ценные вещи в расчёте на то, что грабитель побрезгует копаться в чужом нижнем белье. Вскрыт был ящик письменного стола. Однако бумаги в нём лежали нетронутыми. Это Кнутов определил по оставленному сверху карандашу. И секретер, очевидно, не был вскрыт. А ведь в нём могло храниться много чего ценного.

Анисим Ильич приблизился к оконной раме, тщательно осмотрел её. Та была закрыта на щеколду. На подоконнике не оставлено ни единого любопытного следа. Анисим Ильич показал на окно Селезнёву и постучал себя пальцем по лбу: мол, думай, прежде чем делать выводы. После Кнутов ещё раз осмотрел кабинет цепким, всё фиксирующим, взглядом.

– Нет, брат Селезнёв, – Анисим Ильич наклонился над ковром и проверил его на наличие кровавых пятен. – Молоканина убили не здесь. Следов борьбы нет. А в коридоре, – следователи вернулись к телу. – Но, – продолжал вполголоса рассуждать Анисим Ильич, – И здесь мы не видим следов сопротивления. А по идее Бубнов должен был кричать, пытаться защититься. Но – ничего подобного. К тому же, убийца покинул помещение через двери, как все нормальные люди. А так как ни супруга покойного, ни прислуга не слышали шума борьбы, либо призывов потерпевшего, то можем сделать вывод: Кузьму Бубнова убил человек, ему хорошо знакомый. Они стояли друг против друга. Беседовали. Причём, на близком расстоянии. Бубнов смотрел в лицо убийце, именно потому он и не увидел, как тот достал нож. А убийцу в дом впустила, возможно, прислуга. Либо жена.

– Как же так? – Селезнёв с недоумением смотрел на начальство. – Жена убивает своего мужа?

– Я не сказал – жена. Вероятно, любовник, с которым господин Бубнов имел несчастье неожиданно встретиться, когда он пытался покинуть апартаменты госпожи Бубновой. Или же второй вариант. Кто-то из прислуги стал наводчиком. Пожиться здесь есть чем. Привёл в дом человека. Тот принялся копаться в кабинете Бубнова, и когда купец поднялся по лестнице,

порешил его. Но по этой версии выходит, что купец был знаком с кем-то из криминального мира. И не просто знакомым... А иначе как понять его беспечность? К тому же, плоховато они изъятие ценностей произвели. Коли решились на убийство, то и грабить следовало по полной. Одним словом, как ни крути, как ни верти, а в первую очередь следует отработать всех знакомых Бубновых. И прислугу. Что пропало?

Селенёв достал из кармана записную книжку, раскрыл её и принялся читать:

– Деньги в сумме две тысячи триста пятьдесят семь рубликов. В крупных ассигнациях. Золотой браслет. Имеется точное описание. Портсигар, тоже золотой. Запонки...

– Кто помог составить список? – Перебил Селезнёва сыщик.

– Жена покойного. Всё детально осмотрела, три раза перепроверяла. Каждую вещь перед вашим приездом расписала, каждую вещь во всех подробностях. А как вы объявились, тут же убежала в свои покои.

– И принялась голосить по убиенному кормильцу? Может, она тебе и стоимость всего указала?

– Так точно. До копеечки.

Кнутов тихонько ругнулся. Господи, куда катится Россия? И это на периферии. Что уж говорить о столичных нравах...

– Так, – Кнутов достал платок и вытер им руки. – Труп в морг, на более детальный осмотр. Произведи опрос всех, кто находится в доме. Не забудь, что протокол составляется со слов свидетелей, а не от того, как лично ты видишь происшедшее, грамотей. Хоть в одном абзаце найду твою фантазию, заставлю всё переписать.

– А вы куда, Анисим Ильич?

– На кудыкину гору! – Отрезал Кнутов. – К начальству поеду, на доклад. Головой работаю: случай-то неординарный!

Владимир Сергеевич дождался окончания выступления губернатора, и под овации приамурской элиты вышел из зала в коридор.

Алексей Дмитриевич Баленский не случайно вызвал губернского полицмейстера в Городскую управу, где проходило очередное заседание Городской Думы. Сегодня решался вопрос об открытии в губернии собственной золотосплавочной лаборатории при министерстве финансов. Золото в Амурской области имелось, и добывалось в большом количестве. Особенно приток шёл с Зейских приисков. Однако обрабатывать его до сей поры приходилось отправлять в Иркутск, где «шлиховое рыжье» очищали от примесей и отливали в слитки. Естественно, часть от прибыли при подобных операциях, оставалась в Иркутске, что не устраивало ни амурских золотодобытчиков, ни местную власть. В момент ухода Киселёва как раз началось голосование.

Владимир Сергеевич вышел на крыльцо, закурил. Теперь, ежели проголосуют положительно, ему придётся увеличить штат сотрудников в два, если не в три раза. Только на одну охрану лаборатории нужно выделить человек двадцать. А раз золотишко появится в Благовещенске, то жди разного рода криминала. Вот тебе и весь сказ. Жили, не тужили, а пришла беда – отворяй ворота. Однако, здраво рассуждал Киселёв, и без неё, без лаборатории далее жить – одно разорение. Столько денег уходит в чужую губернию. А можно ведь и свои вопросы решать, без дотаций, которые постоянно приходится выпрашивать.

С правой стороны раздавались крики и ругань. В той части двухэтажного здания городской Управы, с торца, находился ломбард. Шумно было и на заднем дворе, где обосновался городской пожарный обоз. И вообще, городская Управа Киселёву напоминала Ноев ковчег, только в чиновничьем понимании. В этом небольшом по размерам кирпичном здании, кроме комнаты для совещаний городской Думы, нашли себе пристанище общественный банк, музей, библиотека, сиротский суд плюс вышеупомянутый ломбард. Подчас у Киселёва, который

частенько по службе посещал Управу, складывалось впечатление, будто через нее за день дня проходит весь город, начиная от благородных сословий, заканчивая ремесленниками, рабочими судоверфи и нищими попрошайками. В здании постоянно, особенно со стороны ломбарда, разносились возмущённые крики и ругательства.

Владимир Сергеевич докурил папироску, и собрался, было, вернуться в зал заседаний, как неожиданно двери распахнулись и на крыльцо, в сопровождении адъютанта, вышел Алексей Дмитриевич. Губернатор был в высшей мере раздражён.

– Экие у нас пошли купчишки... – сквозь зубы проговорил Баленский. – Всё только себе норовят урвать. Почувствовали, что пахнет большим кушем.

– Захотели установить лабораторию непосредственно вблизи приисков? – предположил Киселёв.

– Ну да, – подтвердил губернатор. – Чтобы контроля поменьше было. Мыслимо ли, триста вёрст от города до слитков? Это с нашими-то дорогами, да? А, хитрецы! Я им о выгоде города толкую, а они в ответ – непонимание. Ну, ничего, с первого раза не убедил, со второго переломаю.

Владимир Сергеевич ухмыльнулся. Да, деловой люд до наживы всегда падок.

Алексей Дмитриевич натянул на руки лайковые перчатки и повернулся в сторону Киселёва:

– Простите, Владимир Сергеевич, задержал вас. Извольте рассказать, как вчера прошла инспекция.

– Да я бы, с вашего позволения, начал с иных событий. Ночью убили купца Бубнова, – спускаясь по ступенькам, сказал полицмейстер, и тут же уточнил. – Кузьму.

– А причины? – Немедленно отреагировал губернатор.

– Пока не ясны. В доме убитого сейчас дознание ведёт старший следователь Кнутов. Дождёмся результатов. Мне вся эта ситуация очень не нравится. Приезд инспектора. И тут такое преступление.

– Подозреваете, к смерти Бубнова имеет отношение наш столичный гость? – усмехнулся генерал-губернатор.

– Прямо я бы так не говорил. Однако, факты....

– Какие факты? – Баленский даже приостановился. – Вы что, Владимир Сергеевич? Серьёзно?

– Так точно, Ваше высокопревосходительство. Разрешите высказать мою точку зрения? – Киселёв старался не смотреть в глаза губернатора. – Вчера, днём, господин Белый очень продолжительное время беседовал со штабс-капитаном Ланкиным. Из канцелярии артиллерийского полка. О чём был диалог, не известно. Ланкин после встречи с советником отозвался о нём, как о человеке поверхностном, недалёком. Мол, для проформы пролистал некоторые пустяковые документы, на том и успокоился. А я думаю: господин Белый имел с капитаном довольно откровенную беседу и предложил штабс-капитану сотрудничество. А тот его принял.

– И что вас настораживает?

– Белый приехал в казармы за час до того, как мы ожидали, – выдохнул Владимир Сергеевич.

– Вон как? Увидел проделки полковой канцелярии? – В голосе губернатора прозвучала плохо скрытая ирония. Киселёв поморщился.

– Он, конечно же, увидел фуражное зерно Бубновых. Точнее, как его переносили из одного сара в другой.

– То есть, иначе говоря, перепрягивали, – уточнил губернатор, от чего губернский полицмейстер поморщился.

– Наверняка, – продолжил полковник. – Именно об этом наш инспектор и разговаривал в канцелярии. А ночью, после откровений штабс-капитана, одного из Бубновых убивают. Не

знаю, как вам, а мне это напоминает звенья одной цепи. Особенно, если учесть, что в нашем городе до сей поры убийства были крайне редко, да и то на бытовой почве. А чтоб такого видного убить человека...

Они спустились с крыльца и теперь шли в направлении губернаторских дрожек.

– Ох, Владимир Сергеевич, – медленно, с расстановкой, произнёс Алексей Дмитриевич. – Доиграетесь вы! Попомните моё слово. Нет, я, конечно, вас понимаю. Не за горами отставка, пенсия... Молодая супруга, дети... Но... – рука губернатора произвела жест непонимания. – Да, странное совпадение. Однако, прошу заметить, – губернатор поднял указательный палец. – Пока только совпадение. К тому же, каковы мотивы убийства? Титулярный советник приходит в дом купца, для допроса? Ночью? Тот оказывает сопротивление, за что его и убивают? Смешно. Если вы подозреваете господина Белого в том, что он не тот, за кого себя выдаёт, тут вам и карты в руки. Сами же сказали, следствие идёт. Вот, пусть ваш Кнутов сделает выводы, представит их нам. Тогда и будем решать, случайно молоканина убили в день инспекции, или преднамеренно. Какие ещё места посетил наш герой?

– Кавалерийский и сапёрный полки.

– Ваше ведомство пропустил?

– Скорее всего, не добрался. Сегодня с утра выехал в Марковскую.

Алексей Дмитриевич внимательно смотрел на стремительно несущийся издали по прямой и широкой Большой улице экипаж.

– В одном я с вами согласен, Владимир Сергеевич, – Баленский говорил, не глядя на собеседника. Всё его внимание было сосредоточено на пролётке... – Олег Владимирович весьма неординарная личность. Опять – таки, поверьте моему жизненному опыту. И, если он действительно тот, за кого себя выдаёт, возложенные обязанности исполнит дотошно, качественно. – Алексей Дмитриевич на секунду повернулся в сторону полицмейстера. – У вас же имеется опыт по приёму инспекторов? Вот и действуйте.

«Вот те раз!» – вскинулся Киселёв. – «Сначала Белый делал намёки, а теперь и губернатор...»

Пролётка поравнялась с крыльцом. Кони, закусив удила, едва не встали на дыбы. На месте кучера, всё ещё не отпуская вожжи, сидел становой пристав Санатов.

– Ваше высокопревосходительство! – Голос пристава срывался на хрип. – В Китайском квартале буза! Китайцы дерутся! Околоточного Никодимова порезали!

Губернатор с полицмейстером быстро переглянулись. Киселёв, с молчаливого согласия Баленского, кинулся к дрожкам.

– Конную стражу вызвали? – Киселёв вскочил в пролётку.

– Перво-наперво! – Санатов хлестнул лошадей, и те понеслись. – Только, боюсь, толку от них не будет. Нужно солдат вызывать, ваше благородие! Иначе – беда!

Кнутова перехватили по дороге в Управу с десятком конников, направлявшихся к городскому кладбищу, вблизи которого и располагался квартал Китайка уже лет восемь, с осени 1892 года, когда Анисим Ильич ещё был столичным жителем. Он вернулся к дому Бубновых, слава Богу, что успел отъехать недалеко от, и стремительно поднялся по лестнице на второй этаж, к месту убийства. Труп Кузьмы Бубнова накрыли белой простыней, отчего теперь казалось, будто в коридоре, в духоте жаркого дальневосточного лета, лежит снежный, разве что принявший нечёткие очертания человеческого тела, сугроб.

– Селезнёв! – Анисим Ильич понятия не имел, где мог находиться помощник, а потому применил установившуюся за год совместной службы привычку: заорал.

Младший следователь вылетел из покоев вдовы, и вытянулся пред начальством, которое он никак не ожидал лицезреть в столь скором времени.

– Собирайся. Едешь со мной.

- А как же... – Селезнёв указал на труп.
- Позже. В Китайке резня. Следует утихомирить. Оружие есть?
- Никак нет.
- Эх ты... Пошли!

Не успели Кнутов с Селезнёвым сделать несколько шагов к лестнице, как в дверях спальни проявилась бесформенная, до безобразия полная, фигура вдовы Бубнова:

– Это куда же мы собрались? – Голос хозяйки был на редкость густой, грудной, полностью соответствующий внешности вдовы. – Это как – так в Китайку? Здесь, понимаешь, всё бросают, а меня, вдову, с малыми детьми, оставляют при моём горе? – детей у Бубновых, действительно, двое, тут же припомнилось Анисиму Ильичу. Первенцу из «малых» было двадцать пять, а второму шел двадцать первый год. – Это что ж на белом свете коится? А?

Селезнёв растерянно посмотрел на Анисима Ильича.

– И что делать?

– Быстро вниз, – отрезал Кнутов. – Я спущусь следом.

Анисим Ильич недовольно вернулся к вдове.

– Мадам, – начал он, подбирая слова. Но было не до сантиментов, и Анисим Ильич продолжил монолог, с каждой последующей репликой повышая голос. – Ваше дело для нас перво-степенное. Потому как преступление такого масштаба есть нечто невероятное. Но, для Империи, для губернатора нашей области, – указательный палец сыщика взлетел вверх, указывая в потолок, – Для государя нашего, бунт есть дело политическое, влияющее на жизнь целого государства. А потому, пред большим имеется приоритет, по отношению к малому! Так как от большего зависит сие малое! И сие малое должно, обязано подчиниться данному приоритету! Понятно?

Вдова, естественно, ничего не поняла. Кнутов видел по её глазам, как она тщетно пыталась переработать его пылкую речь в своём далёком от столь мудреных идей сознании, а посему точку поставил следующим образом:

– Словом, так. Берите всех своих слуг, на дрожки, и ко мне в участок.

Кнутов склонился, поцеловал руку ошеломлённой вдове и стремительным шагом направился к лестнице.

– А как же Кузя? – Услышал он дрожащий голос Пелагеи Степановны Бубновой за спиной.

– Кузя? Кузю – в морг! – Не оборачиваясь, бросил Анисим Ильич и устремился к выходу.

Селезневу Анисим Ильич приказал сесть на козлы, и полицейские дрожки понеслись в сторону городского кладбища.

К моменту приезда Кнутова в Благовещенск, китайский квартал насчитывал всего три барака из необожжённого кирпича, один из которых выполнял функцию больницы, а второй каменного амбара, в котором хранили продукты и различную сельскохозяйственную утварь. Однако, за последние годы из-за Амура наехало столько переселенцев, что теперь на Китайке было барачков поболее десятка, и проживало в них, по непроверенным данным, тысячи три из Поднебесной. Китайцы занимались торговлей, имели в городе небольшие овощные, летние лавки, а зимой развозили свою продукцию по домам. В теплицах и на грунте выращивали овощи, фрукты, благо земли хватало, и за всё время на территории Благовещенска ни разу не создавали какой-либо «конфликтной» ситуации. И вот на тебе...

Драка в Китайском квартале шла жесткая. Со стороны разобрать, кто кого бьёт, было практически невозможно. Руки-ноги драчунов, молотили словно заведённые: свои – так свои, чужие – ещё лучше, пацан – несмышлёныш, тоже получи, нечего лезть туда, где и взрослые-то разобраться не в состоянии. Кто-то выломал из забора штакетину, и размахивал ею. Пошли в дело камни, стёкла в окнах ближних домов к приезду Кнутова были разбиты. В них сирот-

ливо торчали женские и детские головы соседей. Вдоль дороги лежали без движения избитые: мужчины и дети.

Конная стража с гиканьем, не сдерживая скакунов, буквально ворвалась в кричащий, стонущий, перекатывающийся клубок человеческих тел.

– А, лярвы, разойдись-сь-сь! – Зычно гаркнул начальник стражи, ротмистр Хохлов, и нагайки пошли плясать по спинам драчунов. Клубок разорвался, китайцы, словно тараканы, бросились в разные стороны, лишь бы тугая казачья плётка не обожгла спину или лицо. Казаки быстро блокировали обе стороны улицы и, угрожая короткоствольными карабинами, принялись прижимать участников побоища к стенам домов. Если кто-то делал попытку прорвать оцепление и сбежать, его тут же сбивали с ног, хлестали плетью, и заставляли вернуться в окровавленный, очумевший строй. То с одной, то с другой стороны слышались выстрелы: стража стреляла в воздух для острастки, тем самым показывая, что пули могут полететь и в зачинщиков резни.

Хохлов цепким взглядом оценил обстановку и подъехал к Кнутову:

– Дрянь дело, Анисим Ильич, нужна подмога. Мы сами их не удержим. Разбегутся, сукины дети. Нужно вызывать солдат!

– На кой? – Кнутов спрыгнул на землю, скинул сюртук и забросил его назад в дрожки. – Селезнёв! – прикрикнул он на помощника. – Чего расселся? Давай ко мне.

– Не понял, Анисим Ильич, – Хохлов тоже спрыгнул с коня и вытянулся перед следователем. – Это как же так? Они же бунт подняли, а мы их что, отпустить?

– Именно. – Кнутов принялся всматриваться в лица китайцев, принимавших участие в драке. – Только не сразу. Сначала найдём виновных.

– Да какое там... – Хохлов от негодования не мог сразу подобрать слова. – Они же все... Они ж... Вон, у того, с хитрой харей, – ротмистр указал пальцем, – палка в руках была. Он же ею... Мать твою... А тот...вон до сих каменюку держит! Да их всех надо...

– Куда? – охладил пыл ротмистра Кнутов. – Нормальной тюрьмы у нас нет. Руки всё не доходят построить! А в участке всего пять камер свободных! Пять, понимаешь, ротмистр! И посадить я в них смогу от силы человек двадцать! А их здесь сколько? Сто? – И где взять столько охраны? Сам знаешь, в городе кадрового состава с гулькин нос! Все под Владивостоком, мать их в душу... Продержим китаёз в камерах сутки – двое, а что дальше? Селезнёв!

Младший следователь тут же встал пред Кнутовым, аки конёк-гобунок.

– Давай-ка, Селезнёв в ближайший дом мне вон того старика, – Анисим Ильич указывал рукой на тех, с кем он хотел поговорить: – пацана, третьего слева, рядом с которым железка на земле. И вон того, самого низкого. Да по отдельности их рассади! Чтоб не спелись ненароком.

Хохлов снял фуражку, вытер её изнутри платком:

– Как знаешь, Анисим Ильич, только мне придётся доложить, как ты вёл себя с бунтовщиками.

– Эка ты махнул! – Кнутов встал напротив ротмистра, глубоко засунув руки в карманы. – Я ещё следствие не провёл. Никаких выводов не сделал. А ты уже определился с моим поведением? Иди! А лучше – беги! Пока начальство сюда само не нагрянуло! А то я сам всё успею раньше тебя доложить! Селезнёв! Ты отвёл их, или нет? Отвёл? Так что молчишь?

Хохлов махнул рукой, вскочил в седло и присоединился к своим подчинённым, охранять китайцев до особого распоряжения, либо Кнутова, либо кого из начальства повыше.

Селезнёв выгнал хозяев, которые покорно, покинули жилище. Одного китайца закрыл в погребе. Второго посадил на лавку в сенцах. А третьему отвел место в большой комнате. Анисим Ильич прошёл через сенцы, вошёл вовнутрь деревянной избы и сел за стол – напротив арестованного старика – китайца.

– По-русски понимаешь?

– Да, – старик утвердительно кивнул головой.

– Как тебя зовут?

– Иван.

– Понятно. Ван.

– Нет, насяльника, – китаец трясся, будто в лихорадке. – Не Ван. Иван! – он ударил себя маленьким кулаком в грудь. – Иван!

– Крещённый, что ли? – Начал догадываться Кнутов.

– Да, – снова утвердительно закивал головой китаец. – Хресёная!

– Тем лучше. А теперь говори по сути, Иван. Кто первым начал драку?

– Китайска.

– Я понимаю, что не узбек. Имя?

– Китайска.

– Что китаец?

– Насяла китайска.

– Какой китаец? Имя его? Кто он?

– Китайска...

Кнутов почувствовал, как в нём вскипает гнев. Анисим Ильич подошёл к окну и показал на выстроенных вдоль стен арестованных:

– Смотри, ты видишь среди них хотя бы одного не китайца? Лично я – нет. Кто из них начал первым драку?

Старик даже не посмотрел в окно. Он вытер рукавом рубахи разбитые губы и молча смотрел подслеповатыми глазами куда-то мимо следователя. Селезнёв влетел в дверь без стука.

– В чём дело? – вскипел Кнутов.

– Наш околоточный, Никодимов, скончался в пролетке. Не довезли, бедолагу, до госпиталя...

Кнутов перекрестился, после поднял стул, поставил перед стариком и оседлал его.

– Словом так, ходя². Ты в вашем говняном Китайском переулке один из старейших. Ведь так?

Старик продолжал сохранять молчание.

– Так, – ответил вместо него Кнутов. – А потому слушай. То, что вы своих помордовали, ваше дело. А вот то, что убили слугу закона, нехорошо. Сам понимаешь. Кто-то должен ответить перед судом. Даю тебе десять минут, сам виновного выберешь...

Старика продолжало трясти.

– Мои люди никого не убивали.

– Верю. А что я скажу начальству? Мол, случайно всё произошло, и давайте об этом забудем? Нет, старик, так не пойдёт. Начальству нужен убийца. И ты мне его дашь! Селезнёв!

Младший следователь, казалось, ждал приказа, настолько быстро явился перед очами Кнутова.

– Возьми пацана. Пока мы тут с дедушкой пообщаемся.

Кнутов никакого другого смысла, кроме того, чтобы Селезнёв провёл простой допрос, в свои слова не вкладывал. Но старик понял его по-своему, и, упав на колени, заголосил:

– Не нада, насяльника. Не виноватая он. Ли не виноватая. Китайска всё сделал. Не наса китайска... Приехал вот столько дня назад, – китаец показал два пальца и сбивчиво заговорил о каком-то пришлое китайце, который хвалил хунхузов с той стороны Черной реки, а старики того китайца слушать не хотели. Но мальчишки – глупые, что с них взять...

– Два дня назад, говоришь? С той стороны, что ли?

– Нет. Не знаю, – старик быстро качал головой.

---

² Ходя – так в конце XIX – начале XX столетия на Дальнем Востоке и в Сибири русскоязычное население называло китайцев, которые пользовались для переноски тяжёлых грузов специальным приспособлением.

– Может, поездом приехал?

– Может. Не знаю.

– «Может!» «Не знаю!» – вспыхнул, передразнивая старика, Кнутов. – И это он убил нашего околоточного?

– Он, насяльника, – китаец тяжело выдохнул. – Сам видел.

– Чем убил?

– Ножиком, – китаец показал на коробок спичек, забытый на столе хозяевами. – Ножик тонкий, как спичка.

Шило, догадался Анисим Ильич. Китаец с шилом – любопытная комбинация.

– Он ударил околоточного перед дракой?

– Нет. Сначала он ударил рукой меня. Ли заступился. Он ударил Ли. Потом, когда все стали ударять, он ножик... Как спичка.

– И куда подевался твой тот китаец?

– Не знаю. Бежал, – старик испуганно смотрел прямо в глаза Кнутову. Тот чувствовал: китаец не договаривает. Но не мог понять: зачем? Нет резону врать-то. У него в Благовещенске всё налажено, устоялось. Зачем менять, пусть не всегда сытую, но спокойную жизнь на бунт? А чем заканчиваются подобные действия, китайцы знают, как никто другой. Не напрасно именно у них считается самым страшным проклятием, пожелание: чтобы ты жил в эпоху перемен! Нет, старик перемен не хочет. Но зачем-то же врёт? Приют они незнакомцу дали. А как не дать? Одной крови.

И речи его слушали. А может, он к бунту подстрекал? Старик толковал, что незнакомец хунхузов с той стороны Амура нахваливал? Может быть в этом кроется причина? За золото такой сшибки у китайцев бы не вышло. Золото – дело семейное, оно любит тишину. А вот политика до такого довести может! Старик сказал, китаец приехал. Откуда? Если б через Амур, однозначно бы таможня знала. Она чётко отслеживает, кто прибывает на наш берег, и кто возвращается обратно. На руке у китайцев, не имеющих документа, ставят специальную чернильную метку. Прибыл – поставили. Убываешь – проверили. Ежели, не дай бог, кого-то не хватает, начинаются поиски. Такие случаи уже были. Находили и розгами память вправляли. И на джонке тому китайцу никак нельзя – ему нужно было остаться в городе на несколько дней без подозрений. А вот на переправе, чуть выше Стрелки, таких проверок нет. Хотя паспорт, или какой другой документ, пусть и поддельный, у него должен быть. Однако, Кнутов доселе не слышал о китайце, который бы мог сам подделать паспорт Российской Империи. А если – никакого паспорта? Просто китаец приехал с кем-то, в качестве слуги? Кто спросит документ у слуги, если тот идёт рядом с хозяином? А отсюда выходит что? Заговор? Только этого не хватало!

Селезнёв вторично ворвался в комнату, где расположился Кнутов:

– Анисим Ильич, господин полицмейстер прибыли.

Анисим Ильич ругнулся, кивнул китайцу, чтобы тот вышел в сенцы, поднялся, опра-
вился: пусть и в цивильном, но перед начальством следовало показаться аккуратным, как оно любит. И требует.

Станица пред взором Белого открылась далеко за полдень. И неожиданно. Едва они по скользкой вязлой дороге с трудом вползли на бугор, за протокой, напоминающей хомут, явилось добротное казачье село.

– Марковская, – кивнул в сторону поселения кучер.

Поселение вид имело справный, зажиточный даже по меркам столичной губернии. Дома большие, основательные, вырубленные из бруса, с небольшими окнами – бойницами, с крышами под кровельным железом. Такого достатка Олег Владимирович не видывал в российских глубинках. Станицу с трёх сторон окружал плотный, бревно к бревну, ростом в полтора чело-

веческих роста, частокол. Попасть в поселение можно было двумя путями. Либо через мощные, окованные железом створки ворот, охранявшиеся караулом из двух казаков. Либо со стороны Амура, поднявшись по крутой, деревянной лестнице из цельных брёвен, соединявшей станицу с небольшой пристанью, предназначенной маленьких речных судов. Впрочем, Белый это увидел несколько позже, когда въехал в станицу.

Караульные под деревянным навесом при въезде молча раскрыли створки ворот, пропустили бричку без каких-либо вопросов, даже документы не спросили. Только проводили скупающим взглядом и вновь принялись лугзгать семечки, ловко сплёвывая шелуху на землю.

«За такое несение службы следовало бы сопроводить караульных под стражу – суток на пять. Да так, чтобы они там не отлёживались, а занимались делом. Двадцать часов в сутки! И всего четыре часа на сон и приём пищи!» – Белый начал злиться на порядки в станице.

Дрожки медленно катили по широкой улице, распугивая кур, свиней и гусей, до того мирно ковырявшихся в грязи. Из окон некоторых домов на Белого смотрели любопытные хозяйки. Впрочем, недолго. Сей факт говорил о том, что в станице чрезмерное любопытство не приветствовалось.

Дом атамана станицы располагался в самом центре длинной улицы, за палисадником, огороженным невысоким, по пояс, заборчиком-для красоты. Дом мало чем отличался от ближних строений, разве что невысоким, в три ступеньки, крыльцом. Олег Владимирович неторопливо поднялся по нему и, минуя сенцы, прошёл через распахнутые двери в избу.

Пахнуло свежеприготовленной пищей. Белый почувствовал, как голодная слюна заполнила рот. Олег Владимирович огляделся: большая, выбеленная печь, вокруг которой расположились все остальные бытовые помещения – кухня, комнаты, даже зала. Вот в зале-то, за широким, тщательно выскобленным столом под образами, Белый и увидел атамана. Впрочем, не найти Семёна Петровича Картавкина, главу казаков, было невозможно. Ещё на улице до слуха Олега Владимировича донеслась из глубины дома довольно известная песня, но в оригинальном исполнении:

*Когда я имел златые горы,
И редьки полные погреба!
Тогда я взял жену – прожору,
Она всю редьку и пожрала!*

Перед поющим Семёном Петровичем, который, судя по всему, решил слегка отобедать, стояли: миска с борщом, тарелка с квашеной капустой, жареная рыба прямо на сковородке, в берестянке соленые огурцы и помидоры. С правой руки топорщилась ополовиненная чекушка водки.

Атаман станицы Семён Петрович Картавкин вид имел колоритный. Крупного телосложения, с мощным торсом и сильными руками, привыкшими держать соху и шашку, мускулистой шеей, крепким подбородком, жестковатым рисунком губ, над которыми возвышался слегка горбатый, некогда перебитый то ли в драке, то ли в битве, нос. Взглядом Семён Петрович обладал опытным, умным, с хитринкой. Но главным достоянием внешнего облика казака была безукоризненно лысая голова, блестящая в свете лучей западного солнца. И шея, и лицо, и руки, и лысина были темно-коричневого цвета от загара и ветров, которые для Белого казались примечательными особенностями дальнего края. Атаман, исполнив хрипловатым баритоном столь диковинную песню, принял водки и, не глядя на Белого, зажевал капустой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.